
КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА
Дэшиэл
ХЭММЕТ
Мальтийский сокол
РОМАН
Мальтийский сокол

Мальтийский сокол

Дэшил Хэммет

Аннотация
Дэшил Хэммет. МАЛЬТИЙСКИЙ СОКОЛ
1. «Спейд и Арчер»
2. Смерть в тумане
3. Три женщины
4. Черная птица
5. Левантинец
6. Филер-недомерок
7. Буква, нарисованная в воздухе
8. Чушь собачья
9. Бриджид
10. Отель «Бельведер»
11. Толстяк
12. Карусель
13. Дар императора
14. «Ла Палома»
15. Каждый идиот…
16. Третье убийство
17. Субботний вечер
18. Козел отпущения
19. Происки русского
20. Если тебя повесят

Аннотация

Дэшил Хэммет (1894–1961) — родоначальник «крутого детектива», в котором действует безжалостный герой-одиночка, сражающийся со злом жестокими методами. «Мальтийский сокол» единодушно называют «лучшим американским детективом всех времен». В нем две группы международных авантюристов охотятся за скульптурной фигуркой птицы, которая была неким символом ордена тамплиеров. Мальтийскому соколу практически нет цены, поэтому борьба за нее идет не на жизнь, а на смерть.

Дэшил Хэммет
МАЛЬТИЙСКИЙ СОКОЛ

1. «Спейд и Арчер»

В лице Сэмюэла Спейда было что-то мефистофелевское: длинный костлявый заостренный подбородок, постоянно поднятые уголки губ, глубокий треугольный вырез ноздрей, брови вразлет над двумя складками, из которых торчал крючковатый нос, да клинышек коротких светло-русых волос между большими залысинами. Обычными, а не раскосыми, как следовало ожидать, были только его желтовато-серые глаза.

Заметив Эффи Перин, он сказал:

— Да, прелесть моя?

На Эффи Перин — загорелой долговязой девице с задорной мальчишеской улыбкой и веселыми карими глазами — было коричневое облегающее платье из тонкой шерстяной ткани. Закрыв за собой дверь, она привалилась к ней спиной и сказала:

— Там к тебе девушка. Ее зовут Уондерли.

— По делу?

— Кажется. Но посмотреть на нее стоит в любом случае: красотка, каких поискать.

— Тащи ее сюда. Немедленно.

Эффи Перин снова распахнула дверь и, держась за ручку, проговорила в соседнее помещение:

— Заходите, пожалуйста, мисс Уондерли.

Раздалось очень тихое «спасибо», настолько тихое, что расслышать его позволила только отменная дикция говорившей, и в дверях появилась молодая женщина. Она шла медленно, осторожно и смотрела на Спейда застенчивыми и одновременно пытливыми ярко-синими глазами.

Ее гибкая и стройная фигура была совершенно лишена ломаных линий: прямая спина, высокая грудь, длинные ноги, изящные руки. Одета она была во все голубое, оттенки выбирались, естественно, под цвет глаз. Из-под голубой шляпы вились локоны темно-рыжих волос, робкая улыбка ярко-алых губ обнажала белоснежные зубы.

Спейд, склонив голову, поднялся и короткопалой лапищей указал на дубовое кресло рядом со столом. Хозяин кабинета был ростом не меньше шести футов. Могучие покатые плечи придавали его фигуре почти коническую форму — на таком медведе плохо сидел даже хорошо отутюженный пиджак.

Мисс Уондерли снова прошелестела: «Спасибо» — и присела на кончик деревянного сиденья.

Спейд опустился в свое вращающееся кресло и,

повернувшись к ней, вежливо улыбнулся.

Из-за закрытой двери доносился привычный треск пишущей машинки Эффи Перин. Где-то неподалеку гудел электрический мотор. На столе в переполненной медной пепельнице тлела сигарета. Ветерок, проникавший в комнату через приоткрытое окно, приносил с собой легкий аммиачный запах и перекатывал по столу сигаретный пепел.

Мисс Уондерли не отрывала беспокойного взгляда от этих пляшущих серых комочков. Она сидела на самом кончике кресла, готовая в любой момент вскочить на ноги. Руки в темных перчатках мяли плоскую темную сумочку на коленях.

Спейд откинулся в кресле и спросил:

— Итак, чем могу служить, мисс Уондерли?

Она затаила дыхание и подняла на него глаза. Потом судорожно сглотнула и поспешно заговорила:

— Ведь вы можете… я думала… вообще-то… — Тут она прикусила белоснежными зубами нижнюю губу и замолчала. Не молчали только ее умоляющие ярко-синие глаза.

Спейд улыбнулся и ободряюще кивнул — дескать, все понимаю, не стоит волноваться.

— Расскажите-ка мне все с самого начала, —

предложил он, — и мы подумаем, как вам помочь. Но, повторяю, — с самого начала.

— Это случилось в Нью-Йорке.

— Угу.

— Понятия не имею, где они встретились. В Нью-Йорке, конечно, но вот где именно? Она на пять лет моложе меня — ей только семнадцать, и общих друзей у нас нет. Да и вообще, той близости, которая бывает между родными сестрами, у нас никогда не было. Наши родители сейчас в Европе. Они не переживут этого. Я должна ее найти до их возвращения.

— Угу, — сказал он.

— Они приезжают первого числа.

У Спейда загорелись глаза.

— Значит, у нас еще есть две недели.

— Что с ней стряслось, я не знала, пока не получила письма. Я с ума сходила. — У нее задрожали губы. Руки продолжали мять сумочку на коленях. — В полицию я не обращалась — а вдруг она действительно замешана в чем-то серьезном, — хотя страх за ее жизнь постоянно гнал меня туда. Посоветоваться мне было не с кем. Что делать — я не знала. Что я могла сделать?

— Разумеется, ничего, — ответил Спейд. — Но тут пришло ее письмо?

— Да, и я сразу же послала ей телеграмму, умоляя вернуться домой. Я послала ее сюда, на главный почтамт, «до востребования». Другого адреса она мне не дала. Я ждала целую неделю, но не получила от нее никакого ответа, ни словечка. Время шло, возвращение родителей приближалось. Вот я и приехала за ней в Сан-Франциско. Написала, что еду. Наверное, зря я это сделала?

— Может, и зря. Порой сразу и не сообразишь, что делать. Вы ее не нашли?

— Нет, не нашла. Я написала, что буду ждать ее в отеле «Сент-Марк», и умоляла прийти поговорить со мной, даже если она не думает возвращаться домой. Но она не пришла. Я ждала ее три дня, но она и сама не появилась и не прислала мне хотя бы записочки.

Спейд кивнул белокурой мефистофелевской головой, сочувственно нахмурился и сжал губы.

— Ужас, — сказала мисс Уондерли, вымученно улыбаясь. — Сидеть вот так… ждать… не зная, что с ней произошло или, может, сейчас происходит. — Улыбаться она более не пыталась. Ее била нервная дрожь. — Кроме адреса «до востребования» у меня ничего не было. Я написала ей еще одно письмо и вчера днем пошла на почту. Я пробыла там до темноты, но сестра не пришла.

Сегодня утрем я снова отправилась туда, но Коринны так и не дождалась, зато увидела Флойда Терзби.

Спейд снова кивнул с напряженным вниманием.

— Он ни за что не хотел мне говорить, где Коринна, — с отчаянием в голосе продолжала она. — Он только сказал, что она здорова и счастлива. Но разве ему можно верить? Он сказал бы это в любом случае, ведь верно?

— Верно, — согласился Спейд. — Но, может, так оно и есть?

— Надеюсь. Я очень надеюсь, — воскликнула девушка. — Но не могу же я вернуться домой вот так, не повидав ее или хотя бы не поговорив с нею по телефону?! А он не соглашается отвести меня к ней. Говорит, что она не хочет меня видеть. Не верю. Он сказал, что передаст ей, что виделся со мной, и обещал сегодня вечером привести ее ко мне в отель, если она, конечно, согласится. Он, правда, уверен, что она не придет. Он сказал, что в этом случае придет один. Он…

Она замолчала, заметив, что дверь открывается, испуганно прикрыла рот рукой.

Человек, открывший дверь сделал шаг вперед, сказал: «Простите!» — и поспешно снял с головы

коричневую шляпу.

— Все в порядке, Майлз, — сказал Спейд. — Знакомьтесь мисс Уондерли, — это мистер Арчер, мой компаньон.

Мистер Арчер кивнул и приветливо махнул шляпой. Это был человек среднего роста, крепкий, широкоплечий, с толстой шеей, добродушным обветренным красным лицом, массивными челюстями и ежиком седеющих волос. Если Спейду было далеко за тридцать, то ему — далеко за сорок.

Спейд сказал:

— Сестра мисс Уондерли сбежала из Нью-Йорка с человеком по имени Флойд Терзби. Они сейчас в Сан-Франциско. Мисс Уондерли видела сегодня Терзби и договорилась встретиться с ним вечером еще раз. Может, он придет на свидание вместе с сестрой мисс Уондерли. Шансов, правда, немного. Мисс Уондерли хочет, чтобы мы нашли ее сестру и возвратили домой. — Он посмотрел на мисс Уондерли: — Все правильно?

— Да, — еле слышно прошептала она. Смущение, которое благодаря обворожительным улыбкам, поддакиваниям и ободрениям Спейда постепенно рассеялось, вновь окрасило ее щеки. Она взглянула на свою сумочку и начала ковы-

рять ее пальцем.

Спейд подмигнул компаньону.

Майлз Арчер подошел ближе. Девушка разглядывала сумочку, а он разглядывал девушку. Его маленькие карие глазки пробежали оценивающе от ее склоненного лица до ног, потом обратно. Посмотрев на Спейда, он молча сложил губы, как бы присвистывая от восхищения.

Спейд слегка приподнял два пальца от подлокотника, призывая его к осторожности.

— Думаю, что особых сложностей не предвидится. Нам надо выйти на этого человека сегодня вечером в отеле, сесть ему на хвост, и он, как миленький, выведет нас на вашу сестру. Если он придет с ней и вам удастся убедить ее вернуться домой — что ж, тем лучше. Если же нет… если она не захочет расстаться с ним, после того как мы найдем ее… тогда у нас найдется что-нибудь и на этот случай.

Арчер поддакнул хриплым грубоватым голосом:

— Вот именно.

Мисс Уондерли бросила быстрый взгляд на Спейда и хмуро сдвинула брови.

— Но только будьте очень осторожны. — Ее голос срывался, губы нервно подергивались. — Я до

смерти боюсь и его, и того, что он может сделать. Она ведь совсем ребенок, и то, что он привез ее сюда из Нью-Йорка, — это… Он может… ведь он может… с ней сделать что-нибудь?

Спейд с улыбкой побарабанил по ручкам кресла.

— Это предоставьте нам, — сказал он. — Как-нибудь справимся.

— Но ведь такое может случиться? — настаивала она.

— Совсем исключить это нельзя, — заметил рассудительно Спейд. — Но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы этого не произошло.

— Я доверяю вам, — сказала она искренне, — но хочу предупредить, что он очень опасный человек. Думаю, он ни перед чем не остановится. Чтобы спасти себя, он, не задумываясь… убьет Коринну. Ведь он может это сделать?

— Вы ему угрожали?

— Нет, я только сказала, что ей надо вернуться домой до возвращения родителей, чтобы они ничего не узнали. Я пообещала ему, что ни слова не скажу папе, если он мне поможет вернуть сестру, ну а если не поможет, папа, конечно, найдет способ привлечь его к ответственности. Но… вообще-то, он мне не поверил.

— А он может замять дело, женившись на ней? — спросил Арчер.

Девушка покраснела и смущенно ответила:

— У него в Англии жена и трое детей. Коринна написала об этом в письме, именно поэтому ей и пришлось бежать тайком.

— Обычно жены у них есть, правда, не обязательно в Англии. — Спейд наклонился, чтобы достать карандаш и лист бумаги. — Как он выглядит?

— На вид ему лет тридцать пять, он ростом с вас, очень смуглый или просто загорелый. У него темные волосы, густые брови. Говорит громко, даже вызывающе, очень нервный и раздражительный. На него посмотришь — и сразу ясно, что такой способен на все.

Спейд спросил, не поднимая головы от своих записей:

— Какого цвета глаза?

— Серо-голубые, водянистые, но пронзительные. И… еще… у него большая ямка на подбородке.

— Какой он из себя — худой, обычный, плотный?

— Крепкого сложения. Широкоплечий, держится прямо, почти как военный. Сегодня утром на

нем был светло-серый костюм и серая шляпа.

— Чем он зарабатывает на жизнь? — спросил Спейд, положив карандаш на стол.

— Не знаю, — ответила она. — Понятия не имею.

— Когда он обещал прийти к вам?

— После восьми.

— Хорошо, мисс Уондерли, наш человек будет там. Неплохо, если…

— Мистер Спейд, а нельзя, чтобы это были вы или мистер Арчер? — Она умоляюще вскинула руки. — Я хочу, чтобы кто-то из вас занялся этим сам. Не сомневаюсь, вы пошлете умелого сотрудника, но — боже! — я так боюсь за Коринну. И его тоже боюсь. Хорошо? Я понимаю… Это будет стоить дороже. — Дрожащими пальцами она открыла сумочку и положила на стол перед Спейдом две стодолларовые бумажки. — Этого хватит?

— Хватит, — сказал Арчер, — я займусь этим делом.

Мисс Уондерли встала и нервно протянула ему руку.

— Спасибо! Спасибо! — воскликнула она и повторила еще раз, пожимая руку Спейда: — Спасибо!

— Не за что! — ответил Спейд. — Рады вам служить. Будет неплохо, если вы сами встретите Терзби внизу или появитесь с ним в холле хотя бы на короткое время.

— Я так и сделаю, — пообещала она и снова поблагодарила компаньонов.

— И не высматривайте меня, — предупредил ее Арчер. — Я сам вас увижу.

Спейд проводил мисс Уондерли до выхода из конторы. Когда он вернулся, Арчер, кивнув в сторону стодолларовых банкнот, довольно прорычал: «Весьма кстати», взял одну бумажку, сложил и сунул в кармашек жилета.

— В ее сумочке я заметил еще несколько родных сестриц этих красоток.

Спейд спрятал в карман вторую банкноту, сел за стол и сказал Арчеру:

— Ты не очень-то петушись перед ней. Как она тебе?

— Конфетка! Как тут не петушиться! — Арчер вдруг грубо хохотнул: — Может, ты, Сэм, и увидел ее первым, зато я раньше сообразил. — Засунув руки в карманы, он раскачивался с носков на пятки.

— Ты еще намучаешься с ней, помяни мое слово. — Сэм ухмыльнулся, по-волчьи обнажая

клыки. — Впрочем, у тебя своя голова на плечах, не маленький. — И принялся сворачивать сигарету.

2. Смерть в тумане

В темноте зазвонил телефон. После третьего звонка заскрипела кровать, пальцы начали шарить по столу, что-то маленькое и тяжелое упало на покрытый ковром пол, потом снова скрипнули пружины кровати, и мужской голос произнес:

— Алло… Да, это я… Убит?.. Да… Через пятнадцать минут. Спасибо.

Щелкнул выключатель, и белый шар, свисающий с потолка на трех позолоченных цепях, залил комнату светом. Спейд, босой, одетый в бело-зеленую клетчатую пижаму, сел на край кровати. Он хмуро покосился на телефон и взял со стола пачку коричневой курительной бумаги и коробку табака «Вулл Дарем».

Через два открытых окна в комнату врывался холодный туманный воздух, с острова Алькатрас доносились частые гудки противотуманной сирены. Стрелки будильника, стоявшего на самом углу книги Дьюка «Знаменитые уголовные преступления в США», показывали пять минут третьего.

Спейд свернул сигарету, поднял упавшую на

пол зажигалку в кожаном футлярчике и прикурил. Снял с себя пижаму. Мощные руки, ноги, торс, массивные плечи делали его похожим на медведя. Впрочем, на медведя обритого: на его груди волосы не росли. Кожа его была по-детски мягкой и розовой.

Он почесал в затылке и начал одеваться. Сначала надел на себя белое белье, серые носки, черные подвязки и темно-коричневые туфли. Завязав шнурки, снял телефонную трубку и заказал такси. Надел сорочку в зеленую полоску, белый мягкий воротничок, зеленый галстук, серый костюм, в котором был накануне, свободное твидовое пальто и темно-серую шляпу. Когда Спейд рассовывал по карманам табак, ключи и деньги, позвонили в дверь парадного.

Там, где Буш-стрит поднимается над Стоктон-стрит, прежде чем круто спуститься к Чайнатауну, Спейд расплатился с водителем и вышел из такси. Улица тонула в ночном сан-францисском тумане — редком, липком и пронизывающем. Неподалеку от того места, где он оставил такси, несколько человек всматривались в переулок. На другой стороне Буш-стрит стояли две женщины и мужчина и тоже смотрели в сторону переулка. Из окон выглядывали любопытные.

Спейд пересек тротуар меж двух больших, обнесенных железными поручнями люков, в которых виднелись уродливые лестницы, подошел к парапету и, облокотившись о влажный камень, посмотрел вниз, на Стоктон-стрит.

Из туннеля под ним с ревом и свистом — будто ею выстрелили — вылетела машина и скрылась из виду. В нескольких ярдах от туннеля, около доски объявлений, закрывавшей прогалину между двумя складами, залепленной рекламой бензина и кино, в странной позе скорчился человек. Опустив голову почти до земли, он всматривался в щель под доской. Одной рукой он опирался на тротуар, другой держался за зеленую раму стенда. Еще два человека неловко заглядывали в небольшой зазор, образованный краем доски объявлений и складской стеной. По глухой серой стене другого склада и клочку земли, спрятанному за доской объявлений, шарили лучи фонариков, среди световых снопов бродили людские тени.

Спейд повернулся и пошел по Буш-стрит к переулку, около которого собрались люди. Полицейский в форме, стоявший под синей эмалированной табличкой с белой надписью. «Барритт-стрит», перестал жевать резинку, под-

нял руку и спросил:

— Что вам здесь надо?

— Меня зовут Сэм Спейд. Мне только что звонил Том Полхаус.

— А, это вы. — Полицейский опустил руку. — Я вас сначала не узнал. Вон они стоят. — Он ткнул большим пальцем куда-то себе за спину. — Скверное дело.

— Хорошего мало, — согласился Спейд и пошел по переулку.

Приблизительно на середине этой улочки стояла темная машина «скорой помощи». Слева, за машиной, переулок был отгорожен невысоким забором из длинных грубых досок. За забором темная земля круто обрывалась к тыльной стороне доски объявлений на Стоктон-стрит.

Верхняя десятифутовая доска забора была оторвана с одной стороны. Внизу, на склоне, футах в пятнадцати, из земли торчал большой плоский валун. В углублении между склоном и валуном лежал на спине Майлз Арчер. Над ним стояли двое. Один из них освещал фонариком тело убитого. По склону сновали еще несколько человек с фонариками.

Один из полицейских, крикнув: «Привет, Сэм», начал взбираться к переулку вслед за своей

тенью. Это был высокий брюхатый человек с маленькими хитрыми глазками, большим ртом и плохо выбритыми щеками. Его ботинки, колени, руки и подбородок были выпачканы грязью.

— Я решил, что ты захочешь посмотреть на него, прежде чем мы заберем тело, — сказал он, переступая через сломанный забор.

— Спасибо, Том, — сказал Спейд. — Как это случилось? — Он оперся локтем на заборный столбик и начал разглядывать людей внизу, кивая тем, кто здоровался с ним.

Том Полхаус ткнул себе в грудь грязным пальцем.

— Продырявили ему насос вот этой штуковиной. — Он вынул из кармана пальто большой револьвер и протянул его Спейду. Револьвер был заляпан грязью. — «Уэбли». Английская система, верно?

Спейд снял локоть со столбика, наклонился вперед, чтобы получше рассмотреть оружие, но в руки его не взял.

— Да, — сказал он. — Револьвер системы «Уэбли-Фосбери». Все верно. Тридцать восьмого калибра, восьмизарядный. Сейчас их уже не выпускают. Сколько раз стреляли?

— Один. — Том снова ткнул себя в грудь. — Он

уже, похоже, был мертв, когда треснулся о забор. — Он приподнял грязный револьвер. — Ты такие когда-нибудь видел?

Спейд кивнул.

— Видел, — сказал он равнодушно, а потом вдруг заговорил быстро. — Его застрелили вот здесь, верно? Он стоял спиной к забору там, где ты сейчас стоишь. Тот, кто стрелял в него, стоял здесь. — Спейд встал перед Томом и, подняв руку на уровень груди, выставил указательный палец в его сторону. — Этот тип стреляет, Майлз падает, сбивает верхнюю перекладину забора и летит вниз, пока не упирается в валун. Так?

— Так, — не спеша ответил Том, насупив брови. — Выстрел опалил ему пальто.

— Кто его обнаружил?

— Шиллинг, патрульный полицейский. Он шел по Буш-стрит и только поравнялся с переулком, как проходящая машина осветила сломанный забор. Он подошел к забору выяснить, в чем дело, и нашел его.

— А что это была за машина?

— Неизвестно, Сэм, Шиллинг не обратил на нее внимания, поскольку еще не знал об убийстве. Он говорит, что, пока шел от Пауэлл-стрит, из переулка никто не выходил, — он бы наверняка

заметил. Есть только еще один способ выбраться отсюда — это пролезть под доской объявлений и выйти на Стоктон-стрит. Но там никто не проходил. Земля от тумана влажная, а других следов, кроме тех, что оставили тело Майлза и брошенный револьвер, на склоне нет.

— Кто-нибудь слышал выстрел?

— Побойся бога, Сэм, мы только что приехали. Кто-нибудь, наверное, слышал, но их еще надо найти. — Он повернулся, переступил одной ногой через забор. — Пошли, посмотришь на него.

— Нет, — ответил Спейд.

Том остановился, почти оседлав забор, обернулся и бросил на Спейда удивленный взгляд.

Спейд сказал:

— Ты же видел его. Ничего нового я не увижу.

Том, не отрывая глаз от Спейда, недоверчиво кивнул и перенес через забор вторую ногу.

— Пистолет у Майлза остался за поясом, пальто застегнуто на все пуговицы. В бумажнике нашли больше ста шестидесяти долларов. Он что, работал?

Мгновение поколебавшись, Спейд кивнул.

Том спросил:

— Что за работа?

— Он должен был пасти типа, которого зовут

Флойд Терзби, — ответил Спейд и повторил описание, полученное от мисс Уондерли.

— Зачем?

Спейд засунул руки в карманы своего плаща и сонно поморгал, глядя на Тома.

— Зачем? — повторил Том нетерпеливо.

— Кажется, этот тип англичанин. Впрочем, я не знаю, что за игру он ведет. Мы только пытались выяснить, где он живет, — Спейд ухмыльнулся, вытащил руку из кармана и похлопал Тома по плечу. — Не дави на меня. — Он снова засунул руку в карман. — Мне еще надо сообщить о случившемся жене Майлза.

Нахмурившись, Том открыл рот, потом закрыл его, так ничего и не сказав, откашлялся и заговорил с грубоватой теплотой:

— Это ж надо, как с ним жизнь обошлась. У Майлза, конечно, как и у всех нас, были недостатки, но ведь были и достоинства.

— Это точно, — неохотно согласился Спейд и пошел прочь.

Из дежурной аптеки на углу Буш-стрит и Тейлор-стрит Спейд позвонил по телефону.

— Радость моя, — начал он, когда его соединили, — Майлза застрелили… Да, убит… Держи себя в руках… Да… Сообщи об этом Иве… Нет, я ни за

что ей звонить не буду. Придется тебе. Умница… И не пускай ее ко мне в контору… Передай, что я сам к ней зайду… На днях… Да, но конкретно ничего не обещай… Вот и все. Ты ангел. Пока!

Металлический будильник Спейда показывал без двадцати четыре, когда он нажал на выключатель и белый шар снова залил комнату светом. Спейд кинул шляпу и пальто на кровать, пошел на кухню и вернулся в спальню со стаканом и высокой бутылкой «бакарди». Наполнив стакан, он выпил его стоя. Потом сел на край кровати и скрутил сигарету. Когда в дверь позвонили, он пил уже третий стакан «бакарди» и прикуривал пятую сигарету. Стрелки будильника показывали половину пятого утра.

Спейд вздохнул, встал с кровати и направился к ванной, рядом с которой на стене висело переговорное устройство. Подойдя, нажал на кнопку, отпирающую замок наружной двери. Потом пробормотал. «Черт бы ее подрал!» и принялся хмуро рассматривать черный ящичек переговорного устройства, тяжело дыша и постепенно багровея.

Из коридора донесся шум дверь лифта сначала открыли, а потом закрыли. Спейд снова вздохнул и поплелся к двери. Судя по тяжелым шагам в коридоре, к двери приближались двое мужчин.

Лицо Спейда прояснилось. Озабоченный взгляд исчез. Он быстро отпер дверь.

— Привет, Том, — сказал он брюхатому высокому сыщику с которым говорил на Барритт-стрит. — Привет, лейтенант сказал он его спутнику — Входите.

Они одновременно кивнули и молча вошли. Спейд закрыл за ними дверь и провел их в спальню. Том сел на краешек дивана около окна. Лейтенант устроился в кресле у стола.

Лейтенант был человеком крепкого сложения с седым ежиком волос, квадратным лицом и короткими седыми усиками.

Спейд принес из кухни еще два стакана, наполнил все три, протянул стаканы гостям и сел на край кровати. На его спокойном лице нельзя было заметить и тени удивления. Он поднял свой стакан и со словами «За здоровье уголовничков» выпил его залпом.

Том осушил свой стакан, поставил его на пол около ног и вытер рот грязным указательным пальцем. Он начал разглядывать изножье кровати, словно силясь что-то вспомнить.

Лейтенант смотрел на свой стакан с десяток секунд, потом, отхлебнув, поставил его на стол рядом с собой. Он внимательно осмотрел комна-

ту, а потом бросил взгляд на Тома.

Том заерзал на диване и, не поднимая головы, спросил.

— Ты сообщил о случившемся жене Майлза, Сэм?

Спейд ответил:

— Угу.

— И как она?

Спейд покачал головой:

— Я этих баб не понимаю.

Том сказал тихо:

— Не прибедняйся.

Упершись руками в колени, лейтенант слегка подался вперед. Его зеленоватые глаза сверлили Спейда с каким-то механическим упорством — казалось, что отвести его взгляд в сторону можно только нажатием на рычаг или кнопку.

— Какими пистолетами ты пользуешься? — спросил он.

— Никакими. Не люблю стрелять. В конторе, правда, лежит несколько штук.

— Мне бы хотелось посмотреть на них, — сказал лейтенант. — У тебя случайно здесь нет хотя бы одного?

— Нет.

— Уверен?

— Посмотри сам. — Спейд улыбнулся и взмахнул пустым стаканом. — Можешь перевернуть здесь все вверх дном. Я не пикну, если, конечно, у тебя есть ордер на обыск.

Том запротестовал.

— Ты не зарывайся, Сэм!

Спейд поставил свой бокал на стол и встал напротив лейтенанта.

— Что тебе от меня надо, Данди? — спросил он твердо и решительно, так же твердо и решительно он и смотрел на него.

Лейтенант Данди, не шевелясь, продолжал следить за Спейдом одними глазами.

Том снова заерзал на диване, шумно выдохнул через нос и примирительно проворчал:

— Мы же не ссориться пришли, Сэм.

Не обращая внимания на Тома, Спейд обращался к Данди:

— Ну, чего тебе от меня надо? Выкладывай. Кто ты такой, чтобы брать меня за горло в моем собственном доме?

— Хорошо, — сказал Данди глухо, — садись и слушай.

— Это я и без тебя решу, сидеть мне или стоять, — ответил Спейд, не двигаясь с места.

— Ради бога, перестаньте, — взмолился Том. —

На кой черт нам ссориться? Если ты хочешь знать, Сэм, почему мы не выложили тебе все напрямик, так вспомни, что, когда я спросил тебя, кто такой Терзби, ты мне ответил, дескать, не суй свой нос в чужие дела. Не надо с нами так, Сэм. Мы ведь на работе.

Лейтенант Данди вскочил на ноги и, стоя рядом с более высоким Спейдом, воинственно задрал подбородок.

— Я предупреждал, что рано или поздно ты поскользнешься.

Спейд, подняв брови, снисходительно скривил рот.

— Это с каждым может случиться, — сказал он с издевательским спокойствием.

— А теперь вот случилось с тобой.

Спейд улыбнулся и покачал головой.

— Со мной все в порядке. Не беспокойся. — Улыбка исчезла с его лица. Верхняя губа над левым клыком нервно дернулась. Глаза стали узкими и колючими. Он, как и лейтенант, заговорил низким грудным голосом. — Мне это не нравится. Что вы здесь вынюхиваете? Говорите прямо или выметайтесь и не мешайте спать.

— Кто такой Терзби?

— Я сказал Тому все, что знал о нем.

— Ни черта ты не сказал Тому.

— Я сам ни черта не знаю.

— Зачем ты сел ему на хвост?

— Это не я, а Майлз. А на хвост он ему сел по той простой причине, что этого пожелал клиент, заплативший настоящими американскими долларами.

— Кто этот клиент?

Спокойствие вернулось к Спейду. Он сказал с упреком:

— Ты же знаешь, что я не могу ответить на этот вопрос, не заручившись согласием клиента.

— Или ты сейчас говоришь это мне, или будешь отвечать перед судом, — сказал Данди запальчиво. — Не забывай, что речь идет об убийстве.

— Возможно. А ты, радость моя, не забывай, с кем имеешь дело. Я сам решу, что мне говорить тебе, а что — нет. Я уже давно отвык рыдать только оттого, что меня разлюбили полицейские.

Том пересел с дивана на кровать. На его небритом, испачканном грязью усталом лице залегли глубокие морщины.

— Не дури, Сэм, — попросил он. — Подумай и о нас. Как мы сможем поймать убийцу Майлза, если ты не расскажешь нам то, что знаешь?

— Вам нечего об этом беспокоиться, — сказал

ему Спейд. — Я сам похороню своего мертвеца.

Лейтенант Данди сел и снова уперся руками в колени.

— Я в этом и не сомневался, — сказал он и улыбнулся с мрачным удовольствием. — Именно поэтому мы и пришли к тебе. Верно я говорю. Том?

Том проворчал что-то нечленораздельное.

Спейд настороженно наблюдал за Данди.

— Именно это я и сказал Тому, — продолжал лейтенант. — Я сказал: «Том, мне кажется, Сэм Спейд не из тех, кто позволит посторонним копаться в своих семейных делах». В точности так я ему и сказал.

Настороженность во взгляде Спейда сменилась скукой. Он повернулся к Тому и спросил с деланным безразличием:

— Что теперь беспокоит твоего приятеля?

Данди вскочил и постучал по груди Спейда костяшками двух согнутых пальцев.

— А вот что, — начал он медленно, после каждого слова прикасаясь костяшками пальцев к груди Спейда, — Терзби застрелили рядом с его отелем через тридцать пять минут после того, как ты ушел с Барритт-стрит.

Спейд выговаривал слова с не меньшей тща-

тельностью:

— Убери свои поганые лапы.

Данди убрал руку, но голос его нисколько не изменился:

— Том говорит, ты так спешил, что даже не захотел посмотреть на своего убитого компаньона.

Том, как бы извиняясь, проворчал:

— Сэм, черт возьми, ты действительно убежал как ошпаренный.

— И домой к Арчеру, чтобы сообщить его жене, ты тоже не пошел, — сказал лейтенант. — Мы позвонили туда, там была девчонка из твоей конторы, и она сказала, что послал ее ты.

Спейд кивнул с выражением глуповатого спокойствия. Лейтенант Данди поднял было два согнутых пальца к груди Спейда, но быстро отдернул руку.

— Десять минут у тебя ушло на то, чтобы добраться до телефона и позвонить своей девчонке, — сказал он, — еще десяти минут, ну в крайнем случае пятнадцати, хватило, чтобы добраться до отеля Терзби — он жил в «Джиари» около Ливенуорта. Так что тебе пришлось даже ждать его минут десять — пятнадцать.

— Значит, я знал, где он живет? — спросил Спейд. — И, кроме того, я знал, что, убив Майлза,

он не сразу пойдет к себе?

— Тебе лучше знать, что ты знал, — упрямо ответил Данди. — Когда ты вернулся домой?

— Без двадцати четыре. Я бродил по улицам, обдумывая случившееся.

Лейтенант качнул своей круглой головой.

— Мы знаем, что в полчетвертого тебя дома еще не было. Мы звонили тебе. Так где ты гулял?

— По Буш-стрит — туда и обратно.

— Ты не заметил кого-нибудь, кто мог бы…

— Нет, свидетелей нет, — сказал Спейд и добродушно рассмеялся. — Садись, Данди. Ты не допил ром. Давай твою посудину, Том.

Том сказал:

— Не хочу, спасибо, Сэм.

Данди сел, но на стакан с ромом даже не посмотрел.

Спейд налил себе, выпил и снова сел на кровать.

— Теперь я хоть понимаю, в чем дело, — сказал он, переводя добродушный взгляд с одного полицейского на другого. — Прошу прощения, что встал на дыбы, но посудите сами — вы вламываетесь среди ночи и пытаетесь пришить мне убийство — есть от чего занервничать. Смерть Майлза и без того выбила меня из колеи, а тут

еще вы со своими штучками. Теперь, когда я знаю, что вас привело ко мне, все в порядке, зла я на вас не держу.

Том сказал:

— Забудь об этом.

Лейтенант ничего не сказал.

Спейд спросил:

— Терзби убит?

Пока лейтенант колебался, Том сказал:

— Да.

Тут лейтенант сказал раздраженно:

— Не мешает тебе также знать — если, конечно, ты до сих пор не знаешь, — что он умер, не успев никому ничего сказать.

Спейд сворачивал сигарету. Он спросил, не поднимая глаз:

— Что ты имеешь в виду? Ты думаешь, что я знал это?

— Я имею в виду то, что сказал, — резко ответил Данди.

Держа свернутую сигарету в одной руке, а зажигалку — в другой, Спейд взглянул на него и улыбнулся.

— Ты ведь еще не можешь посадить меня в кутузку, Данди, — я правильно понял? — спросил он.

Данди холодно взглянул на него своими зелеными глазами и ничего не ответил.

— Тогда, — сказал Спейд, — я могу наплевать на то, что ты думаешь, ведь правда, Данди?

Том сказал:

— Не дури, Сэм.

Спейд сунул сигарету в рот, прикурил и засмеялся, выпустив клуб дыма.

— Я постараюсь не дурить. Том, — пообещал он. — Только скажите, как я убил Терзби? Совсем память отшибло.

Том заскрипел зубами. Лейтенант Данди сказал:

— Ему влепили четыре пули в спину из сорок четвертого или сорок пятого калибра с противоположной стороны улицы, когда он входил в свой отель. Свидетелей нет, но именно такая получается картина после осмотра.

— И в кобуре у него нашли «люгер», — добавил Том, — из которого не стреляли.

— Что вы узнали о нем в отеле? — спросил Спейд.

— Только то, что он прожил там неделю.

— Один?

— Один.

— Нашли что-нибудь? У него или в номере?

Данди втянул губы и спросил:

— А что, по-твоему, мы должны были найти?

Спейд беззаботно описал круг горящей сигаретой.

— Что-нибудь, что рассказало бы о нем самом или о его занятиях. Так нашли?

— Мы думали, ты нам сам об этом расскажешь.

Когда Спейд поднял на лейтенанта свои желтовато-серые глаза, в его взгляде мелькнуло почти неправдоподобное доброжелательство.

— Я никогда в жизни не видел Терзби, ни живого, ни мертвого.

Лейтенант Данди встал с недовольным видом. Том поднялся, зевая и потягиваясь.

— Мы задали все вопросы, ради которых пришли сюда, — сказал Данди хмуро, сверкая иглами зеленых глаз. Он поджал верхнюю губу и выталкивал слова одной нижней. — Мы рассказали тебе больше, чем ты нам. Пусть. Ты знаешь меня, Спейд. Убивал ты или не убивал, не сомневайся, я докопаюсь до истины. И уж если я окажусь прав, то не обессудь — от тюрьмы тебе не отвертеться.

— Ясное дело, — спокойно ответил Спейд. — Но мне будет спокойнее, если ты допьешь свой ром.

Лейтенант Данди повернулся к столу, взял стакан и медленно выпил его до конца. Потом

сказал: «Спокойной ночи» — и протянул руку. Спейд церемонно пожал ее. Затем обменялся церемонным рукопожатием с Томом. Проводив полицейских до двери, Спейд разделся, потушил свет и лег спать.

3. Три женщины

Когда на следующий день в десять часов утра Спейд пришел в контору, Эффи Перин разбирала за своим столом утреннюю почту. Бледность ее мальчишеского лица не мог скрыть даже загар. Увидев Спейда, она положила пачку конвертов и медный нож для резки бумаги на стол и сказала тихим предупреждающим голосом:

— Она там, у тебя в кабинете.

— Я же просил тебя не пускать ее в контору, — укоряюще, но тоже шепотом отозвался Спейд.

Вытаращив карие глаза, Эффи Перин раздраженно ответила.

— Просил, только забыл сказать, как это сделать! — Глаза ее приняли обычное выражение, плечи ссутулились. — Не трепли мне нервы, Сэм, — сказала она устало. — Я с ней всю ночь промучилась.

Спейд подошел к девушке, положил руку ей на голову и пригладил растрепавшиеся волосы.

— Прости, ангел мой, я… — Он осекся, заметив, что дверь его кабинета открывается. — Привет, Ива, — сказал он женщине, открывшей дверь.

— О, Сэм! — простонала она.

Это была блондинка тридцати с небольшим лет. На красивом лице уже были заметны следы увядания. Фигура ее, несмотря на некоторую полноту, отличалась великолепными пропорциями и изяществом. Вся она, с головы до пят, была одета в черное. Правда, траурный наряд ее выглядел чуточку игриво. Произнеся его имя, она отступила на шаг и остановилась в ожидании.

Спейд снял руку с головы Эффи Перин и вошел в кабинет, притворив за собой дверь. Ива быстро подошла к нему и подставила свое печальное лицо для поцелуя. Она обвила его руками еще до того, как он успел обнять ее. После поцелуя он попытался осторожно высвободиться, но она уткнулась ему лицом в грудь и зарыдала.

Он гладил ее по круглой спине, приговаривая «бедняжка» В голосе его была нежность. В глазах, скосившихся на стол компаньона, сквозило раздражение.

— Ты сообщила брату Майлза? — спросил он.

— Да, он приходил сегодня утром.

Спейд с трудом разобрал слова, которые она произносила сквозь рыдания, уткнувшись в его пальто. Он снова скорчил гримасу и попытался незаметно взглянуть на свои наручные часы.

Часы показывали десять минут одиннадцатого.

Женщина пошевелилась в его объятиях и снова подняла к нему лицо.

— О, Сэм, — простонала она, — это ты убил его?

Спейд смотрел на нее, вытаращив глаза. Его длинная челюсть отвисла. Он высвободился из ее объятий и отступил. Нахмурился, откашлялся.

Руки ее застыли в таком положении, словно она еще продолжала обнимать его. В глазах, чуть прикрытых из-за вздернутых над переносицей бровей, стояла боль. Ее мягкие влажные красные губы дрожали.

Спейд выдавил из себя хриплое «Ха!» и отошел к занавешенному окну. Повернувшись к ней спиной, он смотрел сквозь занавеси во двор. Как только она двинулась к нему, он быстро повернулся и почти отбежал к столу. Сел, поставил локти на стол, подпер подбородок кулаками.

— Кто, — спросил он ледяным тоном, — вбил тебе в голову эту замечательную мысль?

— Я думала… — Она закрыла рот рукой, заплакала и подошла к его столу. Несмотря на высоченные каблуки своих черных маленьких туфель, двигалась она с уверенностью и изяществом. — Не обижай меня, Сэм, — сказала она с обезоруживающей простотой.

Он засмеялся ей в лицо.

— Ты убил моего мужа, Сэм, не обижай меня.

Он хлопнул в ладоши и сказал:

— Боже милостивый.

Она заплакала в голос, прижимая к лицу белый носовой платок.

Он поднялся с кресла и встал у нее за спиной. Поцеловав в шею между ухом и воротником, сказал:

— Ну не надо, Ива. — Когда она перестала плакать, он прошептал ей в ухо: — Тебе не следовало сегодня приходить сюда, дорогая. Это неосторожно. Тебе нельзя здесь оставаться. Иди домой.

Она повернула к нему лицо и спросила:

— Ты придешь ко мне вечером?

Он тихо покачал головой.

— Не сегодня.

— А скоро?

— Да.

— Когда же?

— Как только смогу.

Он поцеловал ее в губы, подвел к двери, сказал: «До свидания, Ива» — и с поклоном выпроводил.

Сев за стол, Спейд вынул табак и курительную бумагу из карманов пиджака, но сигарету сворачивать не стал. Он сидел, держа бумагу в одной

руке, а табак — в другой, и задумчиво разглядывал стол убитого компаньона.

Эффи Перин открыла дверь и вошла в кабинет. Деланно равнодушным голосом она спросила:

— Ну что?

Спейд продолжал молча разглядывать стол компаньона.

Девушка нахмурилась и подошла к нему вплотную.

— Ну что, — спросила она громче, — как вы со вдовой поладили?

— Она думает, что это я застрелил Майлза, — произнес Спейд, даже не пошевелившись.

— Чтобы жениться на ней?

На это Спейд ничего не ответил.

Девушка сняла шляпу с его головы и положила на стол. Потом наклонилась и вынула из его неподвижных пальцев кисет с табаком и пачку курительной бумаги.

— А полицейские считают, что я убил Терзби, — сказал он.

— Кто такой Терзби? — спросила она, отрывая коричневую бумажку от пачки и насыпая табак.

— А по-твоему, кого я убил? — спросил он.

Видя, что она не реагирует на его вопрос, он сказал:

— Терзби — это тот тип, которого должен был пасти Майлз по просьбе девчонки Уондерли.

Эффи Перин облизала край бумаги, разгладила сигарету, закрутила ее концы и сунула в рот Спейду. Он сказал: «Спасибо, радость моя», обнял ее за тонкую талию и, закрыв глаза, устало прижался щекой к ее бедру.

— Ты женишься на Иве? — спросила она, любуясь его светло-русыми волосами.

— Не говори глупости, — пробормотал он. Незажженная сигарета прыгала в такт движениям губ.

— Она это глупостью не считает. Да и почему бы ей так считать после всех ваших забав?

Он сказал, вздохнув:

— Видит бог, лучше бы я ее вообще не встречал.

— Может, сейчас ты действительно так думаешь. — В голосе ее зазвучали злобные нотки. — Но когда-то ты думал иначе.

— С женщинами у меня никогда других отношений не получалось, — проворчал он, — да к тому же я не любил Майлза.

— Ты лжешь, Сэм, — сказала девушка. — Ты знаешь, что я считаю ее стервой, но сама я с радостью стала бы стервой, если бы за это награждали

таким телом, как у нее.

Спейд нетерпеливо потерся лицом о ее бедро, но промолчал.

Эффи Перин прикусила губу, сморщила лоб и, нагнувшись, чтобы видеть его лицо, спросила:

— Как ты думаешь, она могла убить его?

Спейд сел прямо, убрал руку с ее талии и с улыбкой прикурил сигарету.

— Ты ангел, — сказал он нежно, выдыхая дым, — но с куриными мозгами.

Она криво улыбнулась.

— Ты думаешь? А если я скажу тебе, что Ива появилась дома всего за несколько минут до трех часов утра, когда я пришла сообщить ей страшную новость?

— Ты не шутишь?

— Она заставила меня ждать под дверью, пока раздевалась. Я видела ее одежду, впопыхах брошенную на стул: пальто и шляпка внизу, а еще теплая комбинация — сверху. Ива сказала мне, что спала, но это неправда. Постель она переворошила, а вот измять ее как следует, до складок, не успела.

Спейд взял руку девушки и похлопал по ней.

— Ты настоящий сыщик, дорогая, но, — он покачал головой, — она его не убивала.

Эффи Перин вырвала свою руку.

— Эта стерва хочет выйти за тебя замуж, Сэм, — сказала она с горечью.

Он протестующе мотнул головой и одновременно махнул рукой.

Нахмурившись, она строго спросила:

— Ты вчера вечером виделся с ней?

— Нет.

— Честно?

— Честно. Не бери пример с Данди, радость моя. Это тебе не идет.

— Данди снова взъелся на тебя?

— Угу. Они с Томом Полхаусом зашли ко мне выпить по рюмочке в четыре утра.

— Они действительно считают, что ты застрелил этого… как там его зовут?

— Терзби. — Он бросил окурок в медную пепельницу и принялся сворачивать новую сигарету.

— Ты не ответил, — не отставала она.

— Кто их знает. — Он не отрывал глаз от почти готовой сигареты. — У них было такое подозрение. Не знаю, насколько мне удалось их разубедить.

— Посмотри на меня, Сэм.

Он взглянул на нее и расхохотался — на ее озабоченном лице тоже мелькнула озорная

усмешка.

— Я боюсь за тебя, — сказала она уже серьезно. — Ты хитер и уверен в себе, но как бы тебе однажды не перехитрить самого себя.

Он притворно вздохнул и потерся щекой о ее руку.

— Вот и Данди говорит мне то же самое, но ты, прелесть моя, не пускай ко мне Иву, а я уж как-нибудь постараюсь справиться с остальными трудностями. — Он встал и надел шляпу. — Кстати, сними-ка с двери вывеску «Спейд и Арчер» и повесь табличку «Сэмюэл Спейд». Через час я вернусь или позвоню.

Спейд прошел через холл отеля «Сент-Марк», отделанный в розоватых тонах, к конторке портье и спросил рыжего денди, у себя ли мисс Уондерли. Повернувшись на миг, рыжий денди покачал головой.

— Она уехала сегодня утром, мистер Спейд.

— Спасибо.

Мимо конторки Спейд прошел в нишу, где за огромным столом из красного дерева сидел пухлый тридцатилетний человек в темном костюме. На краю стола стояла призма из красного дерева и меди, на которой было написано: «Мистер Фрид».

Толстяк встал, обошел стол и протянул Спейду руку.

— Я искренне сожалею об Арчере, Спейд, — сказал он тоном человека, привыкшего соболезновать. — Я только что прочитал в «Колл». Ты ведь знаешь, что он был здесь вчера вечером.

— Спасибо, Фрид. Ты говорил с ним?

— Нет. Когда я вечером пришел в отель, он сидел в холле. Я не стал с ним здороваться. Подумал, что, может, он работает, и, зная, как вы не любите, когда к вам пристают в таких случаях, молча прошел мимо. Это как-то связано с его…

— Не думаю, но пока мы точно не знаем. Как бы то ни было, постараемся, насколько возможно, не упоминать вашего заведения в связи с этим убийством.

— Спасибо.

— Не за что. Можешь дать ты мне сведения о бывшей гостье вашего отеля, а потом напрочь забыть о нашем разговоре?

— Конечно.

— Сегодня утром из отеля уехала некая мисс Уондерли. Мне бы хотелось знать подробности.

— Пошли, — сказал Фрид, — посмотрим, чем тебе можно помочь.

Спейд не двинулся с места, а лишь покачал

головой.

— Я не хочу, чтобы тут торчали мои уши.

Фрид кивнул и вышел из алькова. В холле он неожиданно остановился и вернулся к Спейду.

— Вчера вечером у нас в отеле дежурил сыщик Харриман. Он наверняка видел Арчера. Может, стоит попросить его забыть об этом?

Спейд искоса взглянул на Фрида.

— Лучше не надо. Это не имеет никакого значения, пока имя Арчера никак не связано с этой Уондерли. Харриман — неплохой малый, но любит языком трепать, и мне бы не хотелось, чтобы он думал, будто здесь что-то пытаются зарыть.

Фрид снова кивнул и вышел. Через пятнадцать минут он вернулся.

— Она приехала в прошлый вторник, в регистрационной карточке написано, что из Нью-Йорка. Чемодана у нее не было, только сумки. К ней в номер никто не звонил, почты она, кажется, тоже не получала. Единственный, с кем ее однажды видели, — это высокий темноволосый человек лет тридцати пяти. Сегодня утром, в половине десятого, она куда-то ушла, через час вернулась, оплатила счет и попросила отнести ее сумки в машину. Мальчишка, который нес ее вещи, говорит, что машина была из туристиче-

ского агентства Нэша, возможно, взята напрокат. С ее слов в карточке записано, что она уехала в Лос-Анджелес, отель «Амбассадор».

Поблагодарив Фрида, Спейд вышел из отеля.

Увидев Спейда, Эффи Перин оторвалась от машинки.

— Приходил твой друг Данди, — сказала она. — Хотел посмотреть на пистолеты.

— А ты что?

— Я попросила его прийти, когда ты будешь на месте.

— Умница. Но если он снова появится, покажи ему все мои пушки.

— Кроме того, звонила мисс Уондерли.

— Весьма кстати. Что она сказала?

— Сказала, что хочет встретиться с тобой. — Девушка взяла со стола листок бумаги и прочитала написанный карандашом текст: «Она остановилась в пансионе „Коронет“ на Калифорния-стрит, номер 1001. Спросить мисс Леблан».

Со словами «Дай-ка сюда» Спейд протянул руку. Получив листок, он вынул из кармана зажигалку, крутанул колесико, поднес пламя к бумаге и держал листок за угол до тех пор, пока он не превратился в темные завитки пепла, потом бросил остатки на линолеумный пол и растер

их каблуком.

Девушка наблюдала за ним с укоризной во взгляде.

Он ухмыльнулся, произнес: «Вот так-то, дорогая» — и вышел.

4. Черная птица

Дверь номера 1001 в пансионе «Коронет» открыла сама мисс Уондерли, одетая в зеленое шелковое платье, подпоясанное ремешком. Темно-рыжие волосы, разделенные слева пробором и спадавшие волнами на правое плечо, были слегка растрепаны.

Сняв шляпу, Спейд сказал:

— Доброе утро.

Он улыбнулся, она робко улыбнулась в ответ. Но ее голубые, почти синие глаза смотрели тревожно. Наклонив голову, она неуверенно произнесла:

— Входите, мистер Спейд. — Мимо кухни, ванной и спальни она провела его в кремово-красную гостиную. — Все вверх дном. Я даже не закончила распаковывать вещи.

Она положила его шляпу на стол и села на кушетку орехового дерева. Он устроился напротив нее на обитом парчой стуле с овальной спинкой.

Она взглянула на свои пальцы, судорожно сцепила их и сказала:

— Мистер Спейд, я должна сделать ужасное…

ужасное признание.

На это Спейд ответил вежливой улыбкой, которую она не увидела, так как не подняла глаз, но промолчал.

— Та… та история, что я рассказала вчера, была… выдумана, — пробормотала она, запинаясь, и только теперь посмотрела на него печально и испуганно.

— Ерунда, — сказал Спейд с ухмылкой. — Мы вам, собственно говоря, и не поверили.

— Значит?.. — К выражению горя и испуга в ее глазах добавилось теперь и недоумение.

— Мы поверили вашим двумстам долларам.

— Вы хотите сказать?.. — Она, судя по всему, не понимала, что он хотел сказать.

— Я хочу сказать, что вы заплатили больше, чем те, кто говорит правду, — объяснил он учтиво, — и настолько больше, что с вашей неправдой можно было смириться.

Она было приподнялась с кушетки, но снова села, разгладила платье на коленях, наклонилась вперед и заговорила с жэ ром:

— И даже сейчас вы не откажетесь?..

Спейд остановил ее, чуть подняв руку. Он хоть и насупил брови, но продолжал улыбаться.

— Это зависит от обстоятельств, — сказал он. —

Самое паршивое, мисс… так кто вы на самом деле, Уондерли или Леблан?

Она зарделась и прошептала:

— На самом деле я — О'Шонесси… Бриджид О'Шонесси.

— Самое паршивое, мисс О'Шонесси, — это то, что два таких убийства подряд — она вздрогнула — всех настораживают, а полицию толкают на крайности, иметь дело с людьми стало трудно и дорого. Я не…

Он замолчал, поскольку она явно перестала слушать и просто ждала, когда он кончит.

— Скажите мне правду, мистер Спейд. — Голос ее почти срывался на истерический крик. — Я виновата в… в том, что случилось этой ночью?

Спейд покачал головой.

— Нет, если вы ничего от меня не скрываете, — сказал он. — Вы предупредили нас, что Терзби опасен. Вы, правда, наврали нам о сестре и обо всем прочем, но это неважно, потому что мы все равно вам не поверили. — Он пожал своими могучими плечами. — Я не думаю, что вы виноваты в этих убийствах.

Она очень тихо сказала: «Спасибо», а затем медленно покачала головой.

— Но я всегда буду чувствовать свою вину. —

Она прижала руку к груди. — Еще вчера днем мистер Арчер был так бодр, весел, уверен в себе…

— Хватит, — оборвал ее Спейд. — Он знал, на что идет. В нашей работе без риска нельзя.

— Он… он был женат?

— Да, и застрахован на десять тысяч долларов; детей у них не было, жена его не любила.

— Пожалуйста, не надо! — прошептала она.

Спейд снова пожал плечами.

— Тем не менее это так. — Он бросил взгляд на часы и пересел со стула к ней на кушетку. — Сейчас не время для сантиментов. — Говорил он приятным, но твердым голосом. — Вокруг нас шныряет, принюхиваясь, целая свора полицейских, помощников окружного прокурора и газетных репортеров. Что вы собираетесь делать?

— Я хочу, чтобы вы избавили меня от… от всего этого, — ответила она тонким дрожащим голоском. Потом робко притронулась к его рукаву. — Мистер Спейд, а они знают обо мне?

— Пока нет. Я сначала хотел поговорить с вами.

— Что… что они подумают, если узнают, как я пришла к вам… со всем этим враньем?

— Это, конечно, вызовет у них подозрения. Вот почему я держал их от вас подальше до нашей встречи. Может, и не стоит говорить им всего. Надо придумать что-то такое, что убаюкало бы их, как детей.

— Значит, вы не думаете, что я как-то связана… с убийствами… не думаете?

Он ухмыльнулся и сказал:

— Кстати, совсем забыл спросить вас об этом. Итак, вы как-нибудь связаны с убийствами?

— Нет.

— Хорошо. Так что же мы все-таки скажем полицейским?

Она заерзала на своем конце кушетки, глаза ее забегали среди густых ресниц, будто она хотела оторвать свой взгляд от его глаз и не могла. Потом она съежилась, прямо на глазах превращаясь в беззащитного ребенка.

— А может, им совсем не обязательно знать обо мне? — спросила она. — Я не выдержу, мистер Спейд. Я не могу это сейчас объяснить, но сделайте так, чтобы мне вообще не надо было отвечать на их вопросы. Я этого сейчас не вынесу. Я умру. Помогите мне, мистер Спейд.

— Попробую, — сказал он, — но я должен знать, что происходит на самом деле.

Она встала перед ним на колени. Посмотрела на него снизу вверх. Лицо ее над судорожно сцепленными руками было бледным, осунувшимся и испуганным.

— Я жила дурно, — заговорила она сквозь слезы. — Я бывала настолько плохой, что вам это даже трудно представить… но ведь не все еще потеряно. Посмотрите на меня, мистер Спейд. Вы же видите, что я не совсем пропащая? Вы же это видите, верно? Тогда поверьте мне. Я так одинока и испугана, и, кроме вас, мне некому помочь. Я знаю, что у меня нет права рассчитывать на ваше доверие, если я сама не доверяю вам. Я вообще-то доверяю, но не могу всего сказать. Сейчас не могу. Позднее, когда смогу, обязательно скажу. Я боюсь, мистер Спейд. Я боюсь довериться вам. Я не то говорю. Я доверяю вам, но, я доверяла Флойду и… у меня больше никого нет, ни-ко-го, мистер Спейд. Вы можете мне помочь. Вы сами сказали, что можете мне помочь. Если бы я не верила, что вы можете спасти меня, то не обратилась бы сегодня к вам, а убежала куда глаза глядят. Если бы я могла обратиться к кому-то другому, неужели я сейчас стояла бы вот так перед вами на коленях? Я знаю, что это несправедливо с моей стороны. Но будьте великодушны, мистер Спейд, не требуйте

от меня справедливости. Вы сильный, находчивый, храбрый. Ну что вам стоит поделиться со мной лишь малой частью вашей силы, находчивости и храбрости? Помогите мне, мистер Спейд. Я отчаянно нуждаюсь в вашей помощи, и, кроме вас, никто мне помочь не может. Помогите. У меня нет права просить, чтобы вы помогали мне слепо, но все же об этом я вас и прошу. Будьте великодушным, мистер Спейд. Вы можете мне помочь. Помогите.

Спейд, который прослушал, затаив дыхание, почти весь ее монолог теперь шумно выдохнул через сложенные трубочкой губы и сказал:

— Вам едва ли нужна чья-либо помощь. Вы неподражаемы. Совершенно неподражаемы. Особенно глаза и эта дрожь в голосе, когда вы произносите фразы типа «Будьте великодушны, мистер Спейд».

Она вскочила на ноги.

— Я заслужила это, — сказала она. — Я заслужила, но… О боже! Я действительно нуждаюсь в вашей помощи. Отчаянно нуждаюсь. И притворным было только то, как я говорила, а не что я говорила. — Она отвернулась, плечи ее обмякли. — Я сама виновата в том, что вы не верите мне сейчас.

Спейд покраснел, потупился и пробормотал:

— Я начинаю вас бояться.

Бриджид О'Шонесси подошла к столу и взяла шляпу Спейда. Потом вернулась на прежнее место, держа шляпу в руках — так, чтобы он мог при желании взять ее.

Спейд взглянул на свою шляпу и спросил:

— Что произошло вчера вечером?

— Флойд пришел в отель в девять часов, и мы пошли прогуляться. Я решила, что мистеру Арчеру так будет легче узнать его. Мы зашли в ресторан, кажется, на Джиари-стрит, поужинали, потанцевали и вернулись в отель в половине первого. Флойд простился со мной у входа, и я наблюдала из холла, как мистер Арчер пошел за ним по противоположной стороне улицы.

— Вы хотите сказать, к Маркет-стрит?

— Да.

— А вы не знаете, что они делали в районе Буш-стрит и Стоктон-стрит, где застрелили Арчера?

— Разве это не рядом с тем местом, где жил Флойд?

— Нет. Это с дюжину кварталов в сторону. Ладно, что вы делали после их ухода?

— Легла спать. А сегодня утром, когда спустилась позавтракать, случайно увидела газетный

заголовок и прочитала о… вы понимаете о чем. Тогда я пошла на Юнион-сквер, где раньше видела объявление о прокате автомобилей, наняла машину и поехала в отель за вещами. Как только я заметила, что мой номер обыскивали, я поняла, что надо переезжать, и вчера нашла вот это место. Потом я приехала сюда и позвонила вам в контору.

— Обыскивали ваш номер в «Сент-Марке»? — переспросил Спейд.

— Да, вчера, пока я была у вас в конторе. — Она прикусила губу. — Я не хотела вам говорить об этом.

— Это значит, что на вопросы об обыске вы отвечать не будете?

Она смущенно кивнула.

Он нахмурился.

Она еле заметно повернула шляпу в руках.

Он желчно засмеялся и сказал:

— Перестаньте размахивать шляпой перед моим носом. Разве я не пообещал вам сделать все, что смогу?

Она виновато улыбнулась, положила шляпу на стол и снова села рядом с ним на кушетку.

Он сказал:

— Готов слепо доверять вам, правда, если я не

буду знать, в чем все-таки дело, толку от меня будет немного. Например, мне надо знать, что из себя представлял Флойд Терзби.

— Мы познакомились на Востоке. — Она говорила медленно, глядя на свой палец, которым водила по рисунку на обивке кушетки. — Мы приплыли сюда из Гонконга на прошлой неделе. Он был… он обещал помочь мне. Но, воспользовавшись моей беззащитностью и доверчивостью, он предал меня.

— Как он вас предал?

Она покачала головой и ничего не ответила.

Спейд спросил, досадливо нахмурившись:

— Зачем вам потребовалось следить за ним?

— Я хотела узнать, как далеко он зашел. Он даже не сказал мне, где живет. Мне нужно было выяснить, что он делает, с кем встречается, ну и все такое.

— Это он убил Арчера?

Она взглянула на него с удивлением.

— Конечно.

— В кобуре у него нашли «люгер». А ведь Арчера убили не из «люгера».

— У него был еще один пистолет в кармане плаща.

— Вы сами видели?

— О, я видела его не раз. Он всегда носил в том кармане оружие. Вчера вечером я пистолет не видела, но я знаю, что он никогда бы не вышел на улицу, не положив в карман того, что стреляет.

— Зачем ему так много пистолетов?

— Он ими зарабатывал себе на жизнь. В Гонконге говорили, что на Восток он попал как телохранитель одного американского профессионального игрока, которому пришлось покинуть Штаты, и что игрок этот исчез. Говорили, что Флойд как-то связан с его исчезновением. Этого я не знаю. Зато я знаю, что он всегда был вооружен до зубов и что не ложился спать, не разбросав по полу мятые газеты — чтобы никто не мог бесшумно пробраться в его комнату.

— Хорошего же приятеля вы себе нашли.

— Только такой и мог помочь мне, — сказала она простодушно, — если бы, конечно, не предал меня.

— Вот именно, — Спейд смотрел на нее в мрачной задумчивости, сжав нижнюю губу большим и указательным пальцами. Поперечные складки на переносице стали резче, брови сдвинулись. — Ваше положение очень паршиво?

— Хуже не бывает, — сказала она.

— Ваша жизнь под угрозой?

— Я не героиня. И считаю, что хуже смерти ничего не бывает.

— Значит, я прав?

— Меня обязательно убьют, — тут ее начала бить дрожь, — если вы не поможете мне.

Он убрал пальцы от губы и провел всей пятерней по волосам.

— Я не Господь Бог, — сказал он раздраженно. — Чудес творить не умею. — Он мельком взглянул на часы. — Время идет, а я не узнал ничего, что позволило бы мне начать работу. Кто убил Терзби?

Она поднесла смятый носовой платок ко рту и сказала сквозь него:

— Не знаю.

— Ваши враги или его?

— Не знаю. Надеюсь, что его, но боюсь... я не знаю.

— Чем он вам должен был помочь? Зачем вы притащили его сюда из Гонконга?

Она бросила на него испуганный взгляд и молча покачала головой. На ее осунувшемся печальном лице появилось упрямое выражение.

Спейд встал, засунул руки в карманы пиджака и хмуро уставился на нее сверху вниз.

— Ни черта не получится, — сказал он грубо. —

Я для вас ничего не смогу сделать. Я даже не знаю, что вы от меня хотите. И подозреваю, что вы сами не знаете, чего вам надо.

Она уронила голову на грудь и заплакала.

Он издал какое-то звериное рычание и взял со стола шляпу.

— Пожалуйста, — взмолилась она тихим сдавленным голосом, не поднимая головы, — не ходите в полицию.

— Не ходите в полицию! — заорал он в ярости. — Полицейские носятся за мной с четырех часов утра. Я черт знает как рискую, пытаясь отвязаться от них. И ради чего? Ради идиотского предположения, что я могу помочь вам. А я не могу. И пытаться не буду. — Он надел шляпу и натянул ее поглубже. — «Не ходите в полицию»! Мне и ходить не надо, достаточно стоять, и они слетятся, как мухи на мед. И тогда я им все расскажу, а вы уж выпутывайтесь, как знаете.

Она поднялась с кушетки и выпрямилась, так и не сумев унять дрожь в коленях, ее губы и подбородок непроизвольно подергивались.

— Вы были терпеливы. Старались помочь мне. Но все безнадежно и бесполезно. — Она протянула правую руку. — Спасибо за все, что вы сделали. Я… я сама буду выпутываться.

Спейд снова рыкнул по-звериному и сел на кушетку.

— Сколько у вас денег? — спросил он.

Вопрос застал ее врасплох. Она прикусила нижнюю губу и через силу ответила:

— Осталось около пятисот долларов.

— Давайте их сюда.

Она колебалась, робко поглядывая на него. Он всем своим видом — губами, бровями, руками, плечами — выражал сердитое недовольство. Она ушла в спальню и почти тотчас же вернулась с пачкой бумажных денег в руках.

Он взял у нее деньги, пересчитав, сказал:

— Здесь только четыреста.

— Мне ведь надо жить на что-то, — объяснила она, покорно приложив руку к груди.

— А еще вы можете достать?

— Нет.

— Но ведь есть же у вас что-то, что можно продать?

— Есть кольца, кое-какие украшения.

— Заложите их, — сказал он и протянул руку. — Лучшее заведение — «Ремедиал» на углу Пятой авеню и Мишн-стрит.

Она умоляюще смотрела на него. Взгляд его желто-серых глаз оставался холодным и безжа-

лостным. Она медленно опустила руку за вырез платья, вытащила оттуда несколько банкнот, свернутых в трубочку, и положила их в его протянутую руку.

Он расправил и пересчитал бумажки — четыре двадцатидолларовые банкноты, четыре десятидолларовые и одна пятерка. Он вернул ей две десятки и пятерку, а остальные положил в карман. Потом встал и сказал:

— Я ухожу, посмотрим, что можно сделать для вас. Вернусь, как только смогу. В дверь я позвоню четыре раза — долгий звонок, короткий, долгий, короткий. Не надо меня провожать. Я сумею открыть дверь.

Она осталась стоять посреди комнаты, провожая его изумленным взглядом своих синих глаз.

Спейд вошел в приемную, на двери которой красовалась табличка «Уайз, Мерикан Уайз». Сидящая у коммутатора рыжая девушка сказала:

— О, мистер Спейд, здравствуйте.

— Привет, солнце мое, — ответил он. — Сид у себя?

Пока она возилась со штекером и гнездами, он стоял рядом и держал руку на ее пухлом плече. Наконец она сказала в микрофон:

— Мистер Уайз, к вам мистер Спейд. — Она

подняла на него глаза. — Идите, вас ждут.

Он пожал ее плечо в знак признательности, прошел через приемную, по тускло освещенному коридорчику дошел до двери с матовым стеклом. Открыв дверь, он оказался в кабинете, где за громадным столом, заваленным кипами бумаг, сидел маленький человечек с продолговатым оливковым усталым лицом и черными, обсыпанными перхотью волосами. Человечек махнул в сторону Спейда потухшей сигарой и сказал:

— Бери стул и садись. Значит, Майлз вчера ночью получил последний в этой жизни подарок? — Ни его усталое лицо, ни достаточно высокий пронзительный голос не выражали никаких чувств.

— Угу, именно поэтому я и пришел. — Спейд нахмурился и откашлялся. — Кажется, мне придется послать коронера к дьяволу, Сид. Могу я спрятаться от законников за неприкосновенностью тайн моих клиентов или еще за чем-либо подобным?

Сид Уайз поднял плечи и опустил уголки губ.

— Почему бы и нет? Предварительное расследование — это еще не судебное разбирательство. В любом случае попытка не пытка. Раньше тебе сходили с рук и более рискованные выходки.

— Знаю, но Данди совсем распоясался, и теперь, боюсь, так просто от него не отвяжешься. Бери шляпу, Сид, и пойдем навестим кого следует. Я хочу себя обезопасить.

Сид Уайз бросил взгляд на кипы бумаг, крякнул, но все же встал со стула и подошел к шкафу, стоящему у окна.

— Ты сукин сын, Сэмми, — сказал он, снимая шляпу с крюка.

К себе в контору Спейд вернулся в десять минут шестого. Эффи Перин за его столом читала «Тайм». Спейд сел на стол и спросил:

— Что сногсшибательного в мире?

— В мире — ничего. А вот у тебя такой вид, будто ты миллион выиграл.

Он довольно ухмыльнулся.

— Кажется, все не так уж и плохо. Я всегда считал, что мы только выиграем, если Майлз исчезнет или умрет. Ты не возьмешь на себя труд послать цветы от моего имени?

— Уже послала.

— Цены тебе, ангел, нет. Хочешь проверить свою женскую интуицию?

— Чего тебе от меня надо?

— Какого ты мнения об Уондерли?

— Хорошего, — не колеблясь ответила девуш-

ка.

— Слишком уж много у нее имен, — задумчиво произнес Спейд. — Уондерли, Леблан, а теперь она говорит, что на самом деле ее зовут О'Шонесси.

— А мне все равно. Пусть она возьмет себе хоть все фамилии из телефонной книги. С ней все в порядке.

— Не знаю. — Спейд сонно смотрел из-под полуопущенных век на Эффи Перин. Потом тихонько рассмеялся. — Как бы то ни было, за два дня мы получили от нее семьсот долларов, и уж тут-то все в порядке.

Эффи Перин выпрямилась в кресле и сказала:

— Сэм, если эта девушка попала в беду и ты не выручишь ее или же воспользуешься ее трудностями и оберешь до нитки, я тебе этого никогда не прощу.

Спейд деланно улыбнулся. Потом столь же деланно нахмурился. Только он открыл рот, чтобы ответить, как услышал, что кто-то вошел в контору.

Эффи Перин встала и скрылась в приемной. Спейд снял шляпу и сел в свое кресло. Девушка вернулась с тисненой визитной карточкой, на которой он прочитал: «Мистер Джоэл Кэйро».

— Очень странный тип, — сказала она.

— Проси его, дорогая, — сказал Спейд.

Мистер Джоэл Кэйро оказался человеком среднего роста с мелкими чертами лица и черными прилизанными волосами. В его внешности было что-то левантийское. На темно-зеленом галстуке мерцал квадратный рубин, обрамленный четырьмя бриллиантами. Его черное пальто, скроенное точно по узким плечам, слегка расширялось у пухлого зада. Брюки облегали ноги чуть плотнее, чем того требовала мода. Верха его ботинок из натуральной кожи закрывали желто-коричневые гетры. Держа черный котелок рукой в замшевой перчатке, он шел к Спейду мелкими, смешными, прыгающими шажками. Вместе с ним в кабинет проник запах «шипра».

Спейд кивнул вошедшему, показал глазами на стул и сказал:

— Садитесь, мистер Кэйро.

Кэйро церемонно поклонился и произнес «благодарю вас» тонким голоском. Он сел неестественно прямо, скрестил ноги, положил шляпу на колени и начал снимать свои желтые перчатки.

Спейд откинулся на спинку кресла и спросил:

— Чем могу служить, мистер Кэйро? — Дружелюбная небрежность тона, поза в кресле — все

было в точности таким же, как и накануне в разговоре с Бриджид О'Шонесси.

Кэйро перевернул свою шляпу, бросил в нее перчатки и поставил ее на угол стола. На указательном и безымянном пальцах его левой руки сверкнули бриллианты, а на среднем пальце правой загорелся рубин, даже бриллиантовым обрамлением похожий на тот, что торчал в галстуке. Мягкие и ухоженные руки из-за пухлых коротких пальцев казались неуклюжими. Потирая ладони, он сказал:

— Уместно ли незнакомому человеку выразить свои соболезнования по поводу безвременной кончины вашего компаньона?

— Благодарю.

— Могу ли я поинтересоваться, мистер Спейд, существует ли, как считают газеты, какая-либо… м-м-м… связь между этим печальным событием и последовавшей вскоре после этого смертью человека по имени Терзби?

В ответ Спейд красноречиво промолчал.

Кэйро встал и поклонился.

— Прошу прощения. — Он сел и положил руки на угол стола ладонями вниз. — Мой интерес, мистер Спейд, вызван отнюдь не праздным любопытством. Я пытаюсь возвратить некое… м-м-м…

украшение, которое — если так можно выразиться — попало в чужие руки. Я считал и надеялся, что найду у вас помощь.

Спейд кивнул и вскинул брови в знак того, что внимательно слушает.

— Украшение это является статуэткой, — продолжал Кэйро, тщательно выбирая и выговаривая слова, — изображающей черную птицу.

Спейд снова вежливо кивнул.

— За возвращение этой статуэтки я готов заплатить от имени ее законного владельца сумму в пять тысяч долларов. — Кэйро снял со стола правую руку и ткнул в воздух кончиком уродливого указательного пальца с широким ногтем. — Я готов взять на себя обязательство — как бы это выразиться? — не задавать лишних вопросов. — Он положил правую руку на прежнее место и вежливо улыбнулся.

— Пять тысяч — немалые деньги, — заметил Спейд, задумчиво глядя на Кэйро… — Они…

Кто-то тихонько забарабанил в дверь пальцами.

Не успел Спейд сказать «войдите», как дверь отворилась, но ровно настолько, чтобы в щель смогли просунуться голова и плечи Эффи Перин. На ней была небольшая темная фетровая шляпка

и темное пальто с серым меховым воротником.

— Я вам еще нужна? — спросила она.

— Нет. Всего доброго. Запри, пожалуйста, дверь, когда будешь уходить.

— Всего доброго, — ответила она, исчезая за дверью.

Спейд снова повернулся к Кэйро и сказал:

— Это очень заманчивая сумма.

До них донесся звук закрывшейся за Эффи Перин входной двери.

Кэйро улыбнулся и вынул из внутреннего кармана маленький плоский черный пистолет.

— Будьте добры, — сказал он, — поднимите, пожалуйста, ваши руки за голову.

5. Левантинец

На пистолет Спейд даже не взглянул. Он поднял руки, откинулся на спинку кресла и переплел пальцы рук за головой. Его спокойные бесстрастные глаза не отрывались от смуглого лица Кэйро.

Кэйро кашлянул с извиняющимся видом и нервно улыбнулся чуть побелевшими губами. Его влажные черные глаза выражали застенчивую искренность.

— Я намереваюсь обыскать помещения вашей конторы, мистер Спейд. Предупреждаю, что, если вы попытаетесь воспрепятствовать, я буду вынужден застрелить вас.

— Валяйте. — Голос Спейда был бесстрастен, как и выражение лица.

— Встаньте, пожалуйста, — приказал Кэйро. — Я должен удостовериться, что вы не вооружены.

Спейд встал, оттолкнув кресло.

Кэйро обошел Спейда и остановился у него за спиной. Из правой руки он переложил пистолет в левую. Потом поднял фалды Спейдова пиджака и посмотрел, нет ли у того оружия за поясом. Держа

дуло пистолета у спины сыщика, он обнял его правой рукой и ощупал грудь. Лицо левантинца оказалось всего в каких-нибудь шести дюймах от локтя правой руки Спейда.

Когда туловище Спейда стало разворачиваться вправо, локоть его чуть опустился. Голова Кэйро дернулась назад, но ненамного: правый каблук Спейда пригвоздил к полу ногу человека в ботинке из натуральной кожи. Локоть врезался ему в лицо чуть ниже скулы и наверняка свалил бы его на пол, если бы Спейд не наступил ему на ногу. В следующий миг локоть Спейда мелькнул мимо ошарашенного смуглого лица и разогнулся, когда его же рука ударила сверху по пистолету. Не успели пальцы Спейда прикоснуться к пистолету, как Кэйро тут же выпустил его. В ручище сыщика пистолет казался игрушечным.

Спейд убрал свой каблук с ноги Кэйро и повернулся к нему лицом. В левую руку он сгреб лацканы пиджака человечка, а правой рукой засунул отвоеванное оружие в карман своего пиджака. Желто-серые глаза Спейда горели мрачным огнем.

Лицо Кэйро скривилось от боли и отчаяния. В его черных глазах стояли слезы. Кожа стала свинцово-серой, краснело только пятно на щеке,

след от удара локтем.

Не ослабляя хватки, Спейд медленно подтащил левантинца к стулу, на котором тот еще недавно сидел. И тут Спейд улыбнулся. Нежной, почти мечтательной улыбкой. Правое плечо его поднялось на несколько дюймов. Согнутая правая рука чуть отошла назад. Кулак, запястье, предплечье, согнутый локоть — все обратилось в монолит, двигалось только плечо. Кулак врезался в лицо Кэйро, на мгновение закрыв одну сторону подбородка, угол рта и большую часть щеки от скулы до нижней челюсти.

Глаза Кэйро закрылись, и он потерял сознание.

Спейд опустил обмякшее тело на стул; Кэйро лежал, раскинув руки и ноги, голова упиралась в спинку стула, нижняя челюсть отвисла.

Спейд методично обшарил карманы лежащего в беспамятстве человека, на столе выросла внушительная горка всевозможных предметов. Вывернув последний карман, он снова сел в кресло, свернул и прикурил сигарету и начал рассматривать добычу — серьезно, неспешно и тщательно.

Сначала он осмотрел большой бумажник из мягкой темной кожи. В бумажнике было триста шестьдесят пять американских долларов в ку-

пюрах различного достоинства; три английские пятифунтовые банкноты; греческий паспорт со множеством виз и фотографией Кэйро; пять сложенных листков пергамента, испещренных значками, похожими на арабскую вязь; неаккуратно вырванное газетное сообщение о том, как обнаружили тела Арчера и Терзби; фотография темноволосой женщины; большой, пожелтевший от времени шелковый носовой платок, обтрепавшийся на сгибах; тоненькая пачечка тисненых визитных карточек мистера Джоэла Кэйро и билет в партер театра «Джиари» на сегодняшний вечер.

Кроме бумажника и его содержимого, из карманов были извлечены три цветастых шелковых носовых платка, надушенных «шипром»; платиновые часы фирмы «Лонжин» с цепочкой из золота и платины, к другому концу которой был прикреплен грушевидный брелок из светлого металла; горсть американских, английских, французских и китайских монет; кольцо с полудюжиной ключей; серебряная авторучка, отделанная ониксом; металлическая расческа в кожаном футлярчике; пилки для ногтей в кожаном футлярчике; карманный путеводитель по Сан-Франциско; багажная квитанция пароходной

компании «Сазерн Пасифик»; полпачки каких-то сиреневых пастилок; визитная карточка шанхайского маклера и четыре листа писчей бумаги из отеля «Бельведер», на одном из которых мелким аккуратным почерком было написано имя Сэмюэла Спейда, адрес его конторы и домашний адрес.

Внимательно осмотрев все эти предметы — он даже открыл заднюю крышку часов, чтобы убедиться, что там ничего не спрятано, — Спейд перегнулся через стол и, нащупывая пульс, взял двумя пальцами запястье лежащего человека. Потом отпустил безжизненную руку, сел в свое кресло, скрутил очередную сигарету и закурил.

Кэйро приходил в себя медленно. Сначала он открыл глаза, но прошло не меньше минуты, прежде чем он смог сфокусировать взгляд. Затем он закрыл рот, сглотнул слюну и шумно выдохнул через нос. Потом подтащил одну ногу, ощупал свое бедро, оглядел кабинет потерянным взором, увидел Спейда и сел. Кэйро открыл было рот, но скривился от боли и схватился за лицо в том месте, куда его ударил Спейд и где теперь красовался громадный синяк.

Превозмогая боль, он произнес сквозь зубы:

— Я мог застрелить вас, мистер Спейд.

— Вы могли попытаться, — согласился Спейд.

— Но я не пытался.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы ударили меня, когда я уже был безоружен?

— Простите, — сказал Спейд и оскалился, поволчьи обнажив клыки, — но представьте мое огорчение, когда я понял, что разговор о пяти тысячах долларов оказался чистейшим надувательством.

— Вы ошибаетесь, мистер Спейд. Мое предложение и тогда было серьезным и сейчас остается в силе.

— Что за чушь? — Спейд удивлялся вполне искренне.

— Я готов заплатить пять тысяч долларов за возвращение статуэтки. — Кэйро отнял руку от израненного лица и снова сел прямо, приняв деловой вид. — Эта фигурка у вас?

— Нет.

— Если ее здесь нет, — Кэйро говорил с вежливым скепсисом, — зачем же вы рисковали жизнью, пытаясь помешать мне обыскать вашу контору?

— Я просто не люблю, когда меня пытаются взять за жабры, — Спейд ткнул пальцем в вещи

Кэйро, лежавшие на столе. — У вас есть мой домашний адрес. Вы уже побывали там?

— Да, мистер Спейд. Я готов заплатить пять тысяч долларов за возвращение этой вещицы, но согласитесь, что с моей стороны вполне естественно сначала попытаться избавить законного хозяина от этих трат.

— Кто он, этот хозяин?

Кэйро, улыбаясь, покачал головой.

— Смею надеяться, что вы простите меня, если я не отвечу на этот вопрос.

— Вы так думаете? — Спейд подался вперед и улыбнулся, не разжимая губ. — Вы у меня в руках, Кэйро. Вы сами пришли ко мне и наследили так сильно, что полиции не составит труда протоптать дорожку от вас к вчерашним убийствам. Так что либо вы выкладываете карты на стол, либо я вам не завидую.

В притворно скромной улыбке Кэйро не было и тени беспокойства.

— Прежде чем прийти к вам, я навел самые подробные справки, — сказал он, — и убедился, что вы слишком разумный человек, чтобы разорвать выгодные деловые отношения, увлекшись посторонними соображениями.

Спейд пожал плечами.

— Что-то я не вижу выгодных деловых отношений.

— Я предложил вам пять тысяч долларов за…

Постучав пальцами по бумажнику, Спейд сказал:

— Ничего похожего на пять тысяч долларов здесь нет. Вы блефуете. С тем же успехом вы могли прийти и предложить мне миллион за розового слона, но что толку?

— Понимаю, понимаю, — произнес Кэйро задумчиво, закатывая глаза. — Вы хотите иметь доказательства моей искренности. — Он почесал красную нижнюю губу кончиком пальца. — Может, задаток нам поможет?

— Не исключено.

Кэйро потянулся было к бумажнику, но, передумав, отдернул руку и сказал:

— Сто долларов вас устроят?

Спейд взял бумажник и вынул сто долларов. Затем нахмурился, заметил вслух, что «двести, пожалуй, лучше», и вынул двести.

Кэйро промолчал.

— Ваше первое предположение состояло в том, что птица у меня, — сказал Спейд уверенным деловым тоном, после того как положил двести долларов в карман и бросил бумажник на

стол. — Это предположение неверно. Есть ли у вас другое?

— Да. Вы знаете, где она, или, точнее, знаете, что она в таком месте, где вы сможете до нее добраться.

Спейд не опроверг и не подтвердил это: казалось, он толком и не слушал. Потом спросил:

— Как вы можете доказать, что человек, которого вы представляете, действительно является владельцем этой вещи?

— Доказательств, к сожалению, у меня немного. Впрочем, одно все же есть: никто другой не может предъявить вообще никаких прав на нее. И если вы знаете об этом деле столько, сколько я предполагаю — а иначе бы я не пришел к вам, — то сам способ, которым его лишили этой вещи, свидетельствует о том, что у него больше прав на нее, чем у кого-либо другого, — и уж, во всяком случае, чем у Терзби.

— А как же его дочь? — спросил Спейд.

Кэйро выпучил глаза, открыл рот, лицо его покраснело от волнения, он закричал пронзительным голосом:

— Но птица принадлежит не ему!

Спейд неопределенно хмыкнул:

— Ах, вот как.

— Он сейчас здесь, в Сан-Франциско? — спросил Кэйро уже не таким пронзительным, но все еще взволнованным голосом.

Спейд сонно поморгал и предложил:

— Будет лучше, если мы выложим карты на стол.

— Я не думаю, что так будет лучше. — Голос его теперь звучал вкрадчиво. — Если вы знаете больше, чем я, то ваши знания обернутся для меня прибылью, да и для вас тоже — я имею в виду пять тысяч долларов. Если же это не так, то, значит, обратившись к вам, я совершил ошибку, а согласившись на ваше предложение, лишь усугублю ее.

Спейд равнодушно кивнул и, махнув рукой в сторону вещей Кэйро, сказал:

— Забирайте ваши вещички. — Когда Кэйро начал рассовывать их по карманам, он добавил: — Если я правильно понял, вы оплачиваете все мои расходы, связанные с добыванием черной птицы, а сверх того вручаете мне пять тысяч долларов по завершении этого дела.

— Да, мистер Спейд, то есть пять тысяч долларов за вычетом того, что вы уже получили, — всего пять тысяч.

— Хорошо. И, насколько я понимаю, дело это

носит законный характер. — Лицо Спейда, если не считать морщинок в уголках глаз, было серьезным. — Вы нанимаете меня не убивать и грабить, а просто вернуть вам вещь по возможности честным и законным образом.

— По возможности, — согласился Кэйро. Его лицо, если не считать глаз, тоже было серьезным. — И в любом случае со всей подобающей осторожностью. — Он встал и взял свою шляпу. — Если вы захотите связаться со мной, то знайте, что я живу в «Бельведере», номер шестьсот тридцать пять. Я искренне жду большой взаимной выгоды от нашего сотрудничества, мистер Спейд. — Он неуверенно помолчал. — Могу я взять свой пистолет?

— Конечно. Совсем забыл о нем.

Спейд вынул пистолет из кармана пиджака и передал его Кэйро.

Кэйро направил пистолет в грудь Спейда.

— Будьте добры, не отрывайте рук от стола, — сказал Кэйро ясным голоском. — Я намереваюсь обыскать вашу контору.

Спейд сказал:

— Проклятье. — Затем глухо засмеялся и добавил: — Хорошо. Валяйте. Я не буду вам мешать.

6. Филер-недомерок

Еще с полчаса после ухода Джоэла Кэйро Спейд в хмурой задумчивости сидел за столом. Потом произнес вслух, будто бы отмахиваясь от надоевшей проблемы: «Что ж, они платят за это» — и вынул из ящика стола бутылку «Манхэттена» и бумажный стаканчик. Наполнив стаканчик на две трети, он выпил, засунул бутылку в стол, выбросил стаканчик в корзину, надел шляпу и плащ, выключил свет и вышел на освещенную вечернюю улицу.

На углу, неподалеку от его конторы, праздно стоял щуплый коротышка лет двадцати, в плаще и серой аккуратной кепочке.

По Саттер-стрит Спейд дошел до Кирни, где в табачной лавке купил две пачки «Булл Дарема». Когда он вышел из лавки, молодой человек оказался в компании еще троих людей, ждущих трамвая на противоположном углу.

Спейд поужинал в закусочной Герберта на Пауэлл-стрит. Когда он в четверть восьмого выходил из закусочной, молодой человек разглядывал витрину соседнего галантерейного магазина.

Спейд дошел до отеля «Бельведер» и справился у портье о мистере Кэйро. Того сейчас в отеле не было. Молодой человек сидел в дальнем углу холла.

Спейд отправился в театр «Джиари» и, не найдя Кэйро в фойе, остался ждать его на противоположной стороне улицы. Молодой человек прогуливался среди других праздношатающихся перед рестораном Маркарда.

В десять минут десятого появился Джоэл Кэйро — он шел по Джиари-стрит своей смешной прыгающей походкой. Частного детектива он заметил, только когда тот дотронулся до его плеча. Кэйро на миг удивился, но потом вспомнил:

— Ах да, вы ведь видели театральный билет.

— Угу. Я вам хочу показать кое-что. — Спейд подвел его к краю тротуара, где было меньше народу. — Вон, видите мальчишку в кепочке у ресторана Маркарда?

Кэйро промямлил: «Понятно» — и бросил взгляд на свои часы. Потом посмотрел на другую сторону Джиари-стрит, затем перевел взгляд на театральную афишу прямо перед собой и только после этого искоса и незаметно оглядел мальчишку в кепочке, его мертвенно-бледное лицо с густыми ресницами, скрывавшими опущенные глаза.

— Кто это? — спросил Спейд.

Кэйро взглянул на него с улыбкой.

— Понятия не имею.

— Он ходит за мной по всему городу.

Кэйро облизал нижнюю губу и спросил:

— В таком случае разумно ли, чтобы он видел нас вместе?

— Откуда я знаю? — ответил Спейд. — Все равно уже увидел.

Кэйро снял шляпу, пригладил волосы рукой в перчатке, водрузил шляпу на место и сказал чистосердечно:

— Я даю вам слово, мистер Спейд, что я не знаю его. Даю вам слово, что не имею с ним ничего общего. Клянусь, что не искал ничьей помощи, кроме вашей.

— Так, может быть, он из другой компании?

— Возможно.

— Я просто хотел узнать, не огорчит ли вас, если я сделаю ему «бо-бо», когда он мне надоест.

— Поступайте, как считаете нужным. Мне он совершенно безразличен.

— Ясно. Спектакль начинается. Всего хорошего, — сказал Спейд и пошел на остановку трамвая, идущего в западном направлении.

Молодой человек в кепочке сел в тот же трам-

вай.

Спейд сошел на Хайд-стрит и отправился домой. В квартире ничего вроде бы не изменилось, но следы обыска нельзя было не заметить. Умывшись и надев чистую сорочку, Спейд вышел из дому, дошел до Саттер-стрит и снова сел на трамвай. Там же оказался и молодой человек.

За шесть кварталов до пансиона «Коронет» Спейд сошел с трамвая и нырнул в вестибюль высокого коричневого жилого дома. В вестибюле он нажал на три кнопки автоматического замка входной двери. Замок зажужжал и открылся. Миновав лестницу и лифт, Спейд углубился в длинный желтый коридор, добрался до задней двери, запертой на английский замок, открыл ее и попал в узкий двор. Двор выходил на темную улочку, по которой Спейд прошел пару кварталов до Калифорния-стрит. Когда он входил в «Коронет», было около половины десятого вечера.

Бриджид О'Шонесси так обрадовалась, увидев Спейда, словно уже и не надеялась увидеть его когда-либо. На ней было сатиновое платье модного в тот сезон голубого оттенка с желтыми бретельками; чулки и туфли были того же модного цвета.

Кремово-красная гостиная была на сей раз в

идеальном порядке; ее оживляли цветы в больших черно-серых керамических вазах. В камине горели три небольших неошкуренных полена. Пока она вешала в прихожей его шляпу и плащ, Спейд задумчиво смотрел на огонь.

— Я надеюсь, вы принесли хорошие новости? — спросила она, вернувшись в гостиную. Улыбка не могла скрыть ее тревогу, и, ожидая ответа, она даже затаила дыхание.

— Мы не будем афишировать то, что пока неизвестно широкой публике.

— Полиция не узнает обо мне?

— Нет.

Она радостно вздохнула и села на ореховую кушетку. Лицо ее сделалось спокойным, тело расслабилось. Потом она улыбнулась и одарила его обожающим взглядом.

— Как вам это удалось? — спросила она.

— В Сан-Франциско почти все можно купить или взять силой.

— Вы, наверное, рисковали? Прошу вас, садитесь, пожалуйста. — Она подвинулась, освобождая ему место рядом с собой на кушетке.

— Я не имею ничего против разумного риска, — сказал он почти без рисовки.

Он встал около камина и принялся совершенно

откровенно разглядывать девушку изучающим, оценивающим взглядом.

Она слегка зарделась от такой бесцеремонности, но в целом владела собой лучше, чем раньше; впрочем, застенчивое выражение глаз, которое так шло ей, она сохранила. Он постоял у камина ровно столько, чтобы стало ясно, что он пренебрег приглашением сесть с ней рядом, и только потом подошел к кушетке.

— Вы ведь совсем не такая, — сказал он, садясь, — какой хотите казаться.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она своим глухим голосом, недоуменно глядя на него.

— Вы ведете себя как школьница, — объяснил он, — все эти заикания, стыдливый румянец и прочее.

Она покраснела и ответила быстро, потупившись:

— Сегодня я уже говорила вам, что порой настолько дурно себя вела, что вам это даже трудно представить.

— Это как раз то, что я имею в виду, — заметил он. — Сегодня вы уже говорили мне это теми же самыми словами и тем же тоном. Вы все это уже выучили наизусть.

После минутного замешательства, которое чуть было не закончилось слезами, она засмеялась и сказала:

— Прекрасно, мистер Спейд, я действительно не та, за кого выдаю себя. На самом деле мне восемьдесят лет, я несносная карга и работаю сталеваром. Но раз уж я так сжилась со своей маской, вы не обидитесь, если я не сразу откажусь от нее?

— Не обижусь, — заверил он ее. — Но вот если вы действительно так невинны, тогда у нас с вами ничего не получится.

— С невинностью покончено, — пообещала она, приложив руку к сердцу.

— Сегодня вечером я виделся с Джоэлом Кэйро, — сказал он как бы невзначай.

Игривость ее как ветром сдуло. В глазах мелькнул страх. Вытянув ноги, Спейд рассматривал свои ботинки. На лице его не было и тени мысли.

После долгого молчания она с трудом выдавила из себя:

— Вы… вы знакомы с ним?

— Я виделся с ним сегодня вечером. — Не глядя на нее, Спейд говорил все тем же светским тоном. — Он собирался в театр.

— Вы хотите сказать, что говорили с ним?

— Всего пару минут, пока не прозвонили к началу спектакля.

Она встала с кушетки и поправила кочергой поленья в камине. Потом чуть подвинула статуэтку на полке камина, подошла к столику в углу комнаты и взяла пачку сигарет, поплотнее задернула занавеску и возвратилась на прежнее место. Лицо ее теперь было спокойным и даже беззаботным.

Спейд усмехнулся:

— Вы неподражаемы.

Выражение ее лица не изменилось. Она тихо спросила:

— Что он сказал?

— О чем?

— Обо мне.

— Ничего. — Спейд повернулся и протянул ей зажигалку.

— Ну так что он сказал? — спросила она с игривым нетерпением.

— Он предложил мне пять тысяч долларов за черную птицу.

Она вздрогнула, нервно откусила зубами конец сигареты и, бросив быстрый тревожный взгляд на Спейда, отвернулась.

— Вы не хотите снова пошевелить поленья в камине или поправить что-нибудь в комнате? — спросил он ленивым тоном.

Она весело засмеялась, бросила сломанную сигарету в пепельницу и взглянула на него ясными и веселыми глазами.

— Нет, не хочу. А что вы ему ответили?

— Пять тысяч долларов — немалые деньги.

Она улыбнулась, но он смотрел на нее серьезно, и улыбка ее стала меркнуть, а потом и вовсе исчезла. Лицо ее приняло удивленный и обиженный вид.

— Вы ведь не собираетесь принимать его предложение? — спросила она.

— А почему бы и нет? Пять тысяч долларов — немалые деньги.

— Но, мистер Спейд, вы обещали помочь мне. — Она схватила его за рукав. — Я доверилась вам. Вы не смеете… — Она замолчала, отпустив его рукав, и нервно сжала руки.

Спейд мило улыбнулся, глядя в ее встревоженные глаза.

— Давайте не будем уточнять, насколько вы мне доверились, — сказал он. — Я обещал вам помочь — что верно, то верно, но я не помню, чтобы вы хоть мельком упоминали каких-нибудь

черных птиц.

— Но, видимо, вы и сами знали, иначе… иначе вы не заговорили бы об этом. Во всяком случае, теперь-то вы знаете. Вы не станете… вы не можете… так поступить со мной. — Глаза ее молили, сияя небесной синевой.

— Пять тысяч долларов — немалые деньги, — повторил он в третий раз.

Она подняла плечи, развела руки и бессильно уронила их, признавая свое поражение.

— Немалые, — согласилась она тихим потухшим голосом. — Эта сумма много больше той, которую я могла бы предложить вам, если бы вступила в торг за вашу лояльность.

Спейд засмеялся. Смех его был отрывистым и горьким.

— И это говорите вы! — сказал он. — Что я получил от вас, кроме денег? Может быть, ваше доверие? Или искренность? Или хоть какую-то помощь в решении ваших же проблем? Разве вы сами не пытались приобрести мою лояльность исключительно за деньги?! И если уж я продаю свою лояльность за деньги, то почему бы мне не поработать на того, кто больше платит?

— Я отдала вам все деньги, что у меня были. — В ее широко раскрытых глазах стояли слезы. Гово-

рила она хрипло и с дрожью в голосе. — Я отдала себя на вашу милость, признавшись, что без вашей помощи я пропаду. Что же еще? — Она вдруг придвинулась к нему и истерично крикнула: — А может, я могу купить вас своим телом?

Лица их были совсем рядом. Спейд взял ее лицо в свои ручищи и грубо поцеловал ее в губы. Потом сел прямо.

— Я обдумаю ваше предложение. — Он с трудом сдерживал ярость.

Она сидела неподвижно, держась за онемевшие щеки.

Он встал и сказал:

— Черт! Что за чушь! — Сделал два шага к камину и остановился, глядя на горящие поленья и до боли сжимая зубы.

Она не шевелилась.

Две поперечные складки над носом Спейда углубились и побагровели.

— Мне наплевать на вашу честность, — сказал он, пытаясь сдержать свой гнев. — Мне все равно, какие мерзости вы задумали и что вы хотите от меня утаить, но мне совершенно необходимо убедиться, что вы знаете, что творите.

— Прошу вас. Поверьте мне, и все будет хорошо, и…

— Убедите меня, — сказал он повелительно. — Я хочу вам помочь. До сих пор я делал все возможное. И дальше, если потребуется, я буду действовать вслепую, но я больше не могу работать, не доверяя вам. Вы должны убедить меня, что понимаете происходящее, а не пытаетесь действовать наугад, как бог на душу положит, надеясь, что в конце концов все образуется.

— Но вы можете потерпеть еще немножко?

— Сколько это, немножко? И чего вы ждете?

Она прикусила губу и потупилась.

— Я должна поговорить с Джоэлом Кэйро, — прошептала она едва слышно.

— Вы можете встретиться с ним сегодня же вечером, — сказал Спейд, глядя на часы. — Спектакль скоро кончится. Мы можем позвонить ему в отель.

Она встревоженно вскинула брови.

— Но сюда ему нельзя. Я не хочу, чтобы он знал, где я живу. Я боюсь.

— Можно встретиться с ним у меня, — предложил Спейд.

Она в сомнении задумалась:

— Думаете, он придет?

Спейд кивнул.

— Поехали!

Их такси остановилось около парадного Спейда рядом с темным седаном. За рулем седана сидела Ива Арчер. Спейд приподнял шляпу, здороваясь с ней, и вошел с Бриджид О'Шонесси в парадное. В парадном он вдруг остановился.

— Вы не могли бы подождать меня здесь минутку? Я сейчас.

— Конечно, могу, — сказала Бриджид О'Шонесси, садясь на скамью. — Не спешите.

Спейд вернулся к седану. Едва он открыл дверцу машины, Ива затараторила:

— Мне надо поговорить с тобой, Сэм. Давай поднимемся к тебе.

— Сейчас нельзя.

— Кто эта девушка?

— У меня всего минута, Ива, — терпеливо объяснил Спейд. — Что стряслось?

— Кто она? — повторила Ива, кивнув на дверь парадного.

Он отвернулся и посмотрел вокруг. На ближайшем углу, напротив гаража, стоял, прислонившись к стене, щуплый коротышка лет двадцати в плаще и серой аккуратной кепочке. Спейд нахмурился и снова повернулся к расстроенной Иве.

— В чем дело? — спросил он. — Что стряслось? Тебе не следует приезжать сюда так поздно.

— Я, кажется, начинаю кое-что понимать, — с упреком сказала она. — То ты говоришь, что мне не стоит приезжать в твою контору, а теперь, оказывается, мне нельзя приезжать и сюда. Может, ты хочешь, чтобы я вообще перестала за тобой бегать? Тогда так прямо и скажи.

— Перестань, Ива, у тебя нет права говорить со мной таким образом.

— Знаю. Насчет тебя у меня, кажется, вообще нет никаких прав. Дура я, дура. Я думала, твоя притворная любовь дает мне…

Спейд устало перебил ее.

— Об этом потом, дорогая. О чем ты хотела со мной поговорить?

— Я не могу говорить с тобой здесь, Сэм. Можно я поднимусь к тебе?

— Не сейчас.

— Почему?

Спейд ничего не ответил.

Она плотно сжала губы, оглянулась и, злобно уставившись в ветровое стекло, завела мотор.

Когда седан тронулся с места, Спейд сказал: «Спокойной ночи, Ива», захлопнул дверцу и подождал, пока машина не скрылась из виду. Потом он снова вошел в парадное.

Бриджид О'Шонесси встала со скамьи, весе-

ло ему улыбаясь, и они поднялись в квартиру Спейда.

7. Буква, нарисованная в воздухе

В спальне, которая днем, когда поднимали откидную кровать, превращалась в гостиную, Спейд взял у Бриджид О'Шонесси шляпку и пальто, усадил ее в мягкое кресло-качалку и позвонил в «Бельведер» Кэйро еще не вернулся из театра. Спейд оставил свой телефон с просьбой, чтобы Кэйро позвонил ему, как только придет.

Потом сел в кресло у стола и без всякого предисловия, без каких-либо предварительных объяснений начал рассказывать историю, случившуюся на американском Северо-Западе несколько лет тому назад. Он говорил ровным невыразительным голосом, без акцентов и пауз, лишь изредка повторяя отдельную фразу в слегка измененном виде, как бы подчеркивая, что каждая деталь должна быть передана абсолютно точно.

Сначала Бриджид О'Шонесси слушала вполуха, заинтригованная больше не самой историей, а тем, что Спейд стал ее рассказывать, любопытство ее подогревалось не подробностями событий, а догадками о причинах, вызвавших

сам рассказ; но постепенно история захватывала ее все больше и больше и наконец полностью поглотила ее внимание.

Однажды человек по фамилии Флиткрафт ушел на обед из своей маклерской конторы в Такоме и более туда не возвращался. Не пришел он и играть в гольф в четыре часа дня, куда сам же пригласил знакомого за полчаса до своего ухода на обед. Жена и дети больше никогда его не видели. У него было двое сыновей — мальчики пяти и трех лет, собственный дом в пригороде Такомы, новый «пакард» и все прочее, что следует иметь процветающему американцу.

Флиткрафт получил в наследство от отца семьдесят тысяч долларов и, успешно торгуя недвижимостью, стал обладателем капитала приблизительно в двести тысяч долларов. Его дела шли нормально, хотя обилие не доведенных до конца сделок говорило, что перед исчезновением он ничего специально в порядок не приводил. К примеру, сделку, которая обещала ему немалую прибыль, предполагалось заключить назавтра после дня, когда он исчез. Судя по всему, в момент исчезновения при нем было не больше шестидесяти или семидесяти долларов. Вся его жизнь в последние месяцы была на виду, так что

в тайных грехах или даже в близких отношениях с другой женщиной его не подозревали, хотя совсем исключить любую из этих возможностей было, конечно, нельзя.

— Он исчез, — сказал Спейд, — как исчезает кулак, когда разжимаешь пальцы.

В это время зазвонил телефон.

— Алло, — сказал Спейд. — Мистер Кэйро?.. Это Спейд. Вы можете сейчас приехать ко мне домой, на Пост-стрит?.. Да, думаю, что важно. — Он поглядел на девушку, сложил губы трубочкой и выпалил: — У меня сейчас мисс О'Шонесси, которая хочет встретиться с вами.

Бриджид О'Шонесси нахмурилась, заерзала на стуле, но промолчала.

Спейд положил телефонную трубку и сказал:

— Он скоро будет здесь. Так, значит, случилось это в тысяча девятьсот двадцать втором году. В тысяча девятьсот двадцать седьмом я работал в крупном детективном агентстве в Сиэтле. Приходит к нам миссис Флиткрафт и говорит, что в Спокане видели человека, похожего на ее мужа. Я поехал туда. Это действительно оказался Флиткрафт. Он уже два года жил в Спокане под именем Чарльза Пирса. Торговал автомобилями, что приносило ему от двадцати до двадцати пяти

тысяч долларов в год, имел жену, сына-малыша, дом в пригороде Спокана и в теплое время после четырех часов дня любил играть в гольф.

У Спейда не было четких инструкций на тот случай, если он найдет Флиткрафта. И он пригласил его к себе в Давенпорт. Чувства вины Флиткрафт не испытывал. Он оставил свою первую семью хорошо обеспеченной, собственное же поведение казалось ему вполне оправданным. Его волновало только, сумеет ли он объяснить Спейду резоны своих поступков — ведь ему пока не приходилось развивать свои доводы вслух.

— Я-то его понял, — сказал Спейд Бриджид О'Шонесси, — но миссис Флиткрафт так никогда и не смогла понять. Она считала его поступок идиотским. Может, она и права. Скандала она не хотела, а после такого гнусного обмана — так она смотрела на это — он ей был больше не нужен. Поэтому они развелись по-тихому, и все остались довольны.

— А теперь послушайте, что с ним произошло, — продолжал Спейд. — В тот день по дороге на обед он проходил мимо стройки. Неподалеку от него на тротуар грохнулась балка, сорвавшаяся с восьмого или девятого этажа. Балка его не задела, правда, осколком выбитого асфальта ему

оцарапало лицо. Просто кожу содрало, но шрам все-таки остался. Когда он рассказывал об этом, то любовно потирал его пальцем. Хотя он, по собственному признанию, до смерти испугался, главным все же было потрясение, а не испуг. Он испытывал такое чувство, будто кто-то сорвал покров с жизни и показал ему ее устройство.

Флиткрафт был достойным гражданином, хорошим мужем и заботливым отцом не по принуждению, а из внутренней потребности жить в согласии с окружающим миром. Его так воспитали. Такими были люди вокруг него. Та жизнь, которую он знал, была ясной, упорядоченной, здравой и ответственной. Падение балки показало ему, что на самом деле жизнь совсем не такова. Его, достойного гражданина, мужа, отца, могло смахнуть с лица земли между конторой и рестораном случайно сорвавшейся балкой. Он вдруг осознал, что люди умирают по чистой случайности, а живут лишь до тех пор, пока их щадит слепой рок.

И потрясла его больше всего даже не несправедливость, с ней в конце концов, оправившись от первого шока, он смирился. Самое сильное потрясение он испытал, открыв для себя, что, упорядочивая свои дела, он отдалялся от жиз-

ни, а не приближался к ней. Он сказал, что, не успев пройти и двадцати футов от того места, где упала балка, понял, что не обретет душевного покоя, пока не приспособит себя к новому пониманию жизни. К концу обеда он уже знал, как ему приспособиться. Жизнь его может прервать случайно сорвавшаяся балка: нет уж, он сам ее изменит не менее случайным образом, просто исчезнув. По его словам, он любил свою семью, как все любят, но, во-первых, он оставлял ее обеспеченной, а во-вторых, он любил домочадцев не настолько, чтобы разлука с ними была для него мучительной.

— В тот же день он уехал в Сиэтл, — сказал Спейд, — а оттуда пароходом добрался до Сан-Франциско. Пару лет его носило по стране, а затем принесло на Северо-Запад, в Спокан, где он осел и снова женился. Его новая жена внешне не была похожа на прежнюю, но все-таки между ними было много общего. Она принадлежала к тому хорошо известному типу женщин, которые любят гольф, бридж и новые рецепты салатов. Он никогда не жалел о содеянном, поскольку считал свое поведение оправданным. Я даже думаю, что не догадывался, что, как и следовало ожидать, попал в ту же самую колею, из которой выбрался

в Такоме. Но именно это мне больше всего в нем и нравилось. Он приспособился к тому, что балки падают, а когда они падать перестали, он приспособился и к тому, что они больше не падают.

— Захватывающая история, — сказала Бриджид О'Шонесси. Она встала с кресла и подошла почти вплотную к Спейду. Ее широко раскрытые глаза смотрели на него очень многозначительно. — Мне, видимо, не надо объяснять вам, в сколь сложное положение вы при желании можете меня поставить в его присутствии.

Спейд улыбнулся не разжимая губ.

— Нет, объяснять это мне не надо, — согласился он.

— И вы также знаете, что я бы никогда не поставила себя в такое положение, если бы не доверяла вам полностью. — Большим и указательным пальцами она вертела черную пуговицу на его синем пиджаке.

Спейд воскликнул с притворной уступчивостью:

— Опять вы за свое!

— Но вы же сами знаете, что это правда, — настаивала она.

— Нет, я этого не знаю. — Он похлопал по руке, которая вертела пуговицу. — Моя попытка вы-

яснить, почему я должен доверять вам, привела нас сюда. Не будем запутывать простые вещи. Впрочем, пока вам удается убеждать меня слепо доверять вам, вам нет нужды доверять мне.

Она изучающе разглядывала его лицо.

Спейд засмеялся. Потом еще раз похлопал ее по руке и сказал:

— Не забивайте сейчас себе этим голову. Он будет здесь с минуты на минуту. Заканчивайте с ним свои дела, а потом мы решим, что нам делать дальше.

— И вы позволите мне побеседовать… с ним… как я захочу?

— Разумеется.

Она отпустила пуговицу и сжала его пальцы. Потом сказала с нежностью:

— Мне вас бог послал.

Спейд заметил:

— Не переигрывайте.

Джоэл Кэйро был расстроен. Темные глаза его были в пол-лица. Не успел Спейд открыть дверь, как он торопливо запищал:

— Тот мальчишка шпионит за домом, мистер Спейд, мальчишка, которого вы показали мне около театра или, может, которому вы показали меня. Как это понимать, мистер Спейд? Я шел

сюда с добрыми намерениями, не подозревая о подвохе или ловушке.

— Вас и пригласили сюда с добрыми намерениями. — Спейд хмуро задумался. — Впрочем, я мог бы догадаться, что он снова припрется сюда. Он видел, как вы входили ко мне?

— Естественно. Я хотел пройти мимо, но он уже видел нас вместе, так что это было бы глупо.

Бриджид О'Шонесси появилась за спиной Спейда и встревоженно спросила:

— Что за мальчишка? О чем вы?

Кэйро снял свою черную шляпу, сухо поклонился и сказал обиженным голосом:

— Поинтересуйтесь у мистера Спейда. Я знаю обо всем только с его слов.

— Какой-то недомерок весь вечер таскался за мной по городу, — бросил Спейд через плечо, не поворачивая головы к девушке. — Входите, Кэйро. Зачем говорить на пороге, развлекая соседей?

Бриджид О'Шонесси схватила Спейда за руку и испуганно спросила:

— Он видел вас и возле моего дома?

— Нет. Я оторвался от него, перед тем как прийти к вам. Тогда, как я предполагаю, он и вернулся сюда в надежде снова сесть мне на хвост.

Кэйро, двумя руками прижимая черную шляпу

к животу, вошел в прихожую. Спейд закрыл за ним входную дверь, и они прошли в гостиную. Там Кэйро еще раз учтиво нагнул голову и сказал:

— Рад видеть вас снова, мисс О'Шонесси.

— Я и не сомневалась в этом, Джо, — ответила она, протягивая руку.

С легким поклоном он пожал ее руку и тут же отпустил.

Она села в кресло-качалку, на свое прежнее место. Кэйро сел в кресло у стола. Повесив шляпу и пальто Кэйро в шкаф, Спейд сел на диван около окна и принялся сворачивать сигарету.

Бриджид О'Шонесси сказала Кэйро:

— Сэм рассказал мне о твоем предложении купить сокола. Как скоро ты можешь приготовить эту сумму?

Брови Кэйро дрогнули. Он улыбнулся.

— Она уже готова. — Какое-то время улыбка еще подержалась на его лице, а потом он взглянул на Спейда.

Спейд прикуривал сигарету. Лицо его было совершенно спокойным.

— Наличными? — спросила девушка.

— О да, — ответил Кэйро.

Она нахмурилась, высунула кончик языка,

убрала его, спросила:

— Ты можешь дать нам сейчас пять тысяч долларов в обмен на сокола?

Кэйро замахал рукой:

— Простите меня. Я, видимо, неудачно выразился. Я не хотел создать впечатления, что деньги у меня в карманах, я имел в виду только то, что могу получить их буквально за несколько минут в часы работы банков.

— О! — она взглянула на Спейда.

Спейд выдохнул сигаретный дым себе на грудь и сказал:

— Похоже, он говорит правду. Сегодня днем, когда я обыскивал его, у него было при себе всего несколько сотен долларов.

Он ухмыльнулся, увидев, что глаза ее округлились от удивления.

Левантинец наклонился вперед. Его глаза и голос выдавали нетерпение.

— Я вполне могу передать вам деньги, скажем, в половине десятого утра. Идет?

Бриджид О'Шонесси улыбнулась ему.

— Но сокола у меня нет.

Лицо Кэйро почернело от злобы.

Девушка издевательски усмехнулась.

— Впрочем, он будет у меня, самое позднее,

через неделю.

— А где он сейчас?

— Там, где его спрятал Флойд.

— Флойд? Терзби?

Она кивнула.

— И вы знаете, где он спрятал его? — спросил он.

— Думаю, что да.

— Тогда зачем нам ждать неделю?

— Может быть, и меньше. Для кого ты покупаешь сокола. Джо?

Брови Кэйро поползли вверх.

— Я говорил мистеру Спейду. Для его законного владельца.

Девушка, судя по лицу, искренне удивилась.

— Так ты снова вернулся к нему?

— А что здесь такого?

Она засмеялась тихим грудным смехом.

— Я бы многое дала, чтобы посмотреть на вашу встречу.

Кэйро пожал плечами.

— Это было вполне логично. — Он потер внешнюю сторону левой руки ладонью правой и прищурил глаза. — Если я, в свою очередь, могу задать вопрос, то почему вы хотите продать его мне?

— После того, что случилось с Флойдом, я боюсь, — сказала она просто. — Вот почему я сейчас не держу его при себе. И прикоснусь к нему, только чтобы передать в другие руки.

Спейд сидел на диване, опершись на локоть, и бесстрастно взирал на происходящее. В его ленивой расслабленности не было и намека на любопытство или нетерпение.

— А что же все-таки, — спросил Кэйро тихо, — произошло с Флойдом?

Бриджид О'Шонесси указательным пальцем правой руки нарисовала в воздухе букву «Г».

Кэйро сказал:

— Понимаю. — И все же в улыбке его было что-то недоверчивое. — Он здесь?

— Не знаю. — Она говорила раздраженно. — А какая разница?

Это еще более усилило сомнения Кэйро.

— Разница может оказаться огромной, — сказал он, так сложив свои руки на коленях, что его тупой указательный палец, умышленно или непроизвольно, был направлен на Спейда.

Девушка бросила взгляд на указующий перст и нетерпеливо мотнула головой.

— Или я, — сказала она, — или ты.

— Как же, как же, а не добавить ли вам для

большей уверенности еще и мальчишку, который болтается на улице?

— Добавим, — согласилась она со смехом. — Добавим, если это не тот же самый мальчишка, который был у тебя в Константинополе.

Лицо Кэйро пошло багровыми пятнами.

— Ты имеешь в виду того, которого не смогла соблазнить?

Бриджид О'Шонесси в бешенстве вскочила с кресла. В два прыжка она оказалась рядом с Кэйро. Тот начал подниматься. Правой рукой она наотмашь залепила ему пощечину, оставив на щеке след своих пальцев.

Кэйро хрюкнул и тоже дал ей пощечину — она покачнулась и глухо вскрикнула.

Спейд с каменным лицом вскочил с дивана и подбежал к ним. Он схватил Кэйро за горло и с силой тряхнул его. Кэйро сунул руку за пазуху. Спейд сжал запястье левантинца, вытащил его руку из кармана, заставил его вытянуть ее и выкручивал до тех пор, пока неуклюжие пухлые пальцы не раскрылись и не выронили пистолет на ковер.

Бриджид О'Шонесси ловко подобрала пистолет.

Кэйро, с трудом выговаривая слова через сдав-

ленное горло, прошипел:

— Вы уже второй раз поднимаете на меня руку. — Его глаза блестели холодно и угрожающе.

— Да, — зарычал Спейд. — Сейчас вы получите от меня еще и будете благодарить за доставленное удовольствие. — Он отпустил запястье Кэйро и освободившейся рукой влепил ему три увесистые оплеухи.

Кэйро попытался плюнуть в лицо Спейду, но во рту у левантинца пересохло, и дело ограничилось лишь злобным жестом. Спейд ударил его по губам, из нижней потекла кровь.

В дверь зазвонили.

Кэйро бросил быстрый взгляд на дверь. Девушка судорожно вздохнула и повернулась к прихожей. Спейд посмотрел на струйку крови из губы Кэйро, потом отпустил горло левантинца и отступил от нбго на шаг.

— Кто это? — прошептала девушка, приблизившись к Спейду; глаза Кэйро метнулись к нему с тем же немым вопросом.

Спейд ответил раздраженно:

— Не знаю.

Снова раздался звонок, на сей раз настойчивее.

— Сидите тихо, — сказал Спейд и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Спейд включил свет в прихожей и открыл дверь. На пороге стояли лейтенант Данди и Том Полхаус.

— Привет, Сэм, — сказал Том. — Мы подумали, что, может быть, ты еще не спишь.

Данди молча кивнул.

Спейд добродушно отозвался:

— Привет. Хорошее вы, ребята, время для визитов выбираете. Что на сей раз стряслось?

И тут тихо заговорил Данди:

— Мы хотим поговорить с тобой, Спейд.

— Ну? — Спейд стоял в дверях, загораживая проход. — Валяйте, говорите.

Том Полхаус сделал шаг вперед.

— Неужели мы будем разговаривать здесь, стоя?

Спейд не сдвинулся с места.

— Я не могу вас пригласить к себе, — сказал Спейд чуть извиняющимся тоном.

Хотя на крупном мясистом лице Тома и можно было прочитать дружеское осуждение, в его маленьких проницательных глазах мелькнула искорка догадки.

— Что за чертовщина, Сэм? — спросил он протестующе и, как бы в шутку, положил свою ручищу на грудь Спейда.

Спейд уперся грудью в выставленную руку, по-волчьи осклабился и спросил:

— Хочешь помериться силами, Том?

Том проворчал: «Да что ты, бог с тобой» — и убрал руку.

Данди процедил сквозь плотно сжатые зубы:

— Пропусти нас.

Верхняя губа Спейда дернулась.

— Не пропущу. Что ты будешь со мной делать? Ворвешься силой? Или же поговоришь прямо здесь, у порога? Или пойдешь к чертям собачьим?

Том глубоко вздохнул.

Данди сказал, по-прежнему не разжимая зубов:

— Ты доиграешься, Спейд. Тебе удалось выйти сухим из воды раз, другой, третий. Но вечно так продолжаться не может.

— Вот ты меня и остановишь, когда сможешь, — ответил Спейд с вызовом.

— Это уж непременно. — Данди заложил руки за спину и вздернул подбородок, глядя прямо в глаза частному детективу. — Говорят, что ты и жена Арчера обманывали Майлза.

Спейд рассмеялся.

— Похоже, ты сам это придумал.

— Значит, это неправда?

— Неправда.

— Говорят, — продолжал Данди, — что она пыталась развестись с ним, чтобы выйти замуж за тебя, но он не дал ей развода. И это неправда?

— Неправда.

— Говорят даже, — упрямо гнул свое Данди, — что именно поэтому с ним и свели счеты.

Спейд даже повеселел.

— Не будь свиньей, — сказал он. — Зачем тебе вешать на меня сразу два убийства? Если ты обвиняешь меня в убийстве Майлза, твоя первая версия о том, что я убил Терзби в отместку за убийство Майлза, разваливается.

— Я никогда не утверждал, что ты кого-то убил, — ответил Данди. — Ты сам все время об этом твердишь. Но предположим, что я обвинил тебя в этом. Ты вполне мог бы пришить и обоих. И объяснения этому найдутся.

— Угу. Майлзу я пустил кровь, чтобы заполучить его жену, а Терзби я кокнул, чтобы было на кого повесить убийство Майлза. Чертовски остроумное рассуждение, которое станет только убедительнее, если я прикончу кого-нибудь еще и свалю на новую жертву убийство Терзби. Но когда же я при таком раскладе остановлюсь? И

что же, теперь ты будешь приходить по мою душу после каждого убийства в Сан-Франциско?

Том сказал:

— Перестань валять дурака, Сэм. Ты прекрасно понимаешь, что нам эта комедия нравится не больше твоего, но мы же на работе.

— Надеюсь, что приходить сюда каждую ночь и задавать мне уйму идиотских вопросов — это еще не вся ваша работа?

— Нет, не вся. Мы еще должны выслушивать идиотские ответы, — неторопливо сказал Данди.

— Не зарывайся, — предупредил его Спейд.

Смерив Спейда взглядом, Данди уставился ему в глаза.

— Если ты будешь утверждать, что между тобой и женой Арчера ничего не было, то я тебе в лицо скажу, что ты лжешь.

В маленьких глазах Тома появилось испуганное выражение.

Спейд облизал губы кончиком языка и спросил:

— Именно этот неотложный вопрос привел тебя ко мне среди глубокой ночи?

— И этот тоже.

— А еще что?

Данди опустил уголки губ.

— Пропусти нас. — Он многозначительно кивнул на дверь, в проеме которой стоял Спейд.

Спейд хмуро покачал головой.

Уголки губ Данди расправились в мрачной улыбке.

— Видимо, что-то за тем звонком действительно кроется, — сказал он Тому.

Том, переминаясь с ноги на ногу, промямлил, не глядя ни на того, ни на другого:

— Кто его знает?

— Это еще что за шарады? — спросил Спейд.

— Ладно, Спейд, мы уходим. — Данди застегнул плащ. — Мы время от времени будем навещать тебя. Может, у тебя и есть причины бояться нас. Подумай хорошенько.

— Угу, — промычал Спейд, ухмыляясь. — Всегда буду рад тебя видеть, лейтенант, и с радостью приглашу в дом, если не буду занят.

Из гостиной Спейда раздался истошный крик:

— На помощь! Полиция! Помогите! Помогите! — Высокий пронзительный голос принадлежал Джоэлу Кэйро.

Лейтенант Данди, который уже отвернулся от двери, снова встал перед Спейдом и сказал решительно:

— Кажется, нам пора войти.

До них донесся шум недолгой борьбы, звук удара, придушенный крик.

Лицо Спейда скривилось в невеселой улыбке.

— Кажется, пора, — сказал он и отступил в сторону.

8. Чушь собачья

Бриджид О'Шонесси скрючилась в кресле у стола. Подтянув колени к подбородку и закрыв лицо руками, она с ужасом смотрела на Кэйро.

Джоэл Кэйро стоял, склонившись над ней, в правой руке он держал пистолет, который незадолго перед этим Спейд отнял у него. Левую руку он прижимал ко лбу. Между пальцами сочилась кровь, двумя струйками сбегавшая на глаза. Третья струйка, поменьше, стекала на подбородок из раненой губы.

Кэйро не замечал полицейских. Он свирепо буравил глазами девушку. Губы его спазматически двигались, но он ничего не мог выговорить.

Данди, первым вошедший в гостиную, подбежал к Кэйро, нащупывая под плащом свою кобуру, схватил левантинца за руку и прорычал:

— Что здесь происходит?

Кэйро отнял залитую кровью руку ото лба и сунул ее лейтенанту под нос. На лбу его красовалась царапина длиной не менее трех дюймов.

— Посмотрите, — закричал он. — Посмотрите, что она сделала.

Девушка опустила ноги на пол и обвела осторожным взглядом Данди, державшего Кэйро за руку, Тома Полхауса, стоявшего чуть сзади, и Спейда, прислонившегося к дверной раме. Лицо Спейда оставалось непроницаемым. Когда их взгляды встретились, в его желто-серых глазах на миг мелькнула и тут же исчезла злобная усмешка.

— Это вы сделали? — спросил Данди у девушки, кивнув в сторону рассеченного лба Кэйро.

Она снова взглянула на Спейда. Опираясь на дверной косяк, Спейд взирал на присутствующих с вежливым равнодушием стороннего наблюдателя.

Девушка посмотрела на Данди.

— Он вынудил меня, — сказала она низким срывающимся голосом. — Мы остались в комнате вдвоем, и он напал на меня. Я не могла… Я пыталась не подпустить его к себе. Я… я не могла заставить себя выстрелить в него.

— Врешь! — закричал Кэйро, безуспешно вырывая свою руку с пистолетом из цепкой хватки Данди. — Врешь, гадина! — Он извернулся, чтобы видеть Данди. — Она бессовестно лжет. Я пришел сюда с самыми добрыми намерениями, а они вдвоем напали на меня, когда вы позвонили, он

пошел открывать, а ее оставил здесь с пистолетом, и она сказала, что они убьют меня, когда вы уйдете, и я закричал: «На помощь», чтобы вы не оставили меня здесь погибать одного, и тут она ударила меня пистолетом.

— Ну-ка, дай-ка мне эту штуковину, — сказал Данди и взял пистолет у Кэйро. — Так, а теперь давайте разберемся по порядку. Зачем вы пришли сюда?

— Он пригласил меня. — Кэйро повернул голову и посмотрел с вызовом на Спейда. — Он позвонил мне по телефону и попросил прийти сюда.

Спейд сонно моргнул и промолчал.

Данди спросил:

— Зачем он пригласил вас?

Прежде чем ответить, Кэйро промокнул окровавленные лоб и подбородок шелковым платком в лиловую полоску. В нем уже начала просыпаться осторожность.

— Он сказал, что хочет… что они хотят… встретиться со мной.

Том Полхаус наклонил голову, принюхался, почувствовал запах «шипра», который остался в воздухе от лилового носового платка, и повернулся к Спейду с немым вопросом.

Спейд подмигнул ему, не переставая сворачи-

вать сигарету.

Данди спросил:

— Ну, а что было дальше?

— А дальше они напали на меня. Сначала ударила она, а потом он стал меня душить и вытащил пистолет из моего кармана. Я просто не знаю, что бы они сделали со мной, если бы не вы. Думаю, я бы не выбрался отсюда живым. Когда он пошел открывать вам дверь, то оставил ее с пистолетом стеречь меня.

Бриджид О'Шонесси вскочила на ноги с криком «Заставьте его сказать правду!» и влепила Кэйро пощечину.

Кэйро заорал что-то нечленораздельное.

Данди одной рукой толкнул девушку обратно в кресло, другой схватил Кэйро за руку и прорычал:

— Сейчас же прекратите.

Спейд прикурил сигарету и, добродушно улыбаясь сквозь дым, заметил Тому:

— Очень нервная девушка.

— Очень, — согласился Том.

Данди, хмуро уставившись на нее сверху вниз, спросил:

— Так в чем же, по-вашему, правда?

— Но уж не в том, что он здесь наплел, — ответи-

ла она. — Сплошное вранье. — Она повернулась к Спейду. — Ведь верно?

— А я откуда знаю? — сказал Спейд. — Когда тут шум поднялся, я на кухне готовил омлет, разве не так?

Нахмурив лоб, она долго смотрела на него растерянным взглядом.

Том негодующе крякнул.

Данди, все еще не отрывая взгляда от девушки, пропустил слова Спейда мимо ушей и спросил ее:

— Если он врет, тогда почему «на помощь» звал он, а не вы?

— Он, он до смерти перепугался, когда я ударила его, — ответила она, бросив на левантинца брезгливый взгляд.

Кэйро побагровел, что было заметно даже на залитом кровью лице, и закричал:

— Тьфу! Снова врет!

Она лягнула его каблуком голубой туфли, попав по ноге чуть ниже колена. Данди оттащил Кэйро в сторону, а Том подошел к девушке вплотную и пророкотал:

— Спокойнее, сестренка. Давай без грубостей.

— Тогда пусть он говорит правду, — огрызнулась она.

— У нас он обязательно скажет правду, — пообещал Том. — Но ты не дерись.

Данди говорил своему подчиненному, глядя на Спейда холодно-торжествующе:

— Что ж. Том, думаю, большой ошибки не будет, если мы всю эту компанию заберем в участок.

Том мрачно кивнул.

Спейд отлепился от дверного косяка и, бросив окурок в пепельницу, вышел на середину комнаты.

— Не будем спешить, — сказал он с дружелюбной улыбкой. — Все вполне объяснимо.

— Как же, как же, — издевательски согласился Данди.

Спейд поклонился девушке.

— Мисс О'Шонесси, — сказал он, — разрешите мне представить вам лейтенанта Данди и сержанта Полхауса. — Он поклонился Данди. — Мисс О'Шонесси работает в моем агентстве.

Джоэл Кэйро начал негодующе:

— Это неправда. Она…

Спейд прервал его достаточно громким, но по-прежнему дружеским голосом:

— Я нанял ее совсем недавно — вчера. А это мистер Кэйро, друг или, во всяком случае, знакомый Терзби. Он пришел ко мне сегодня днем и пред-

ложил мне найти какую-то вещь, которая, как он считает, находилась у Терзби, когда того убили. Я, естественно, отказался от такого странного предложения. Тогда он вытащил пистолет — я готов забыть это недоразумение, если, конечно, дело не дойдет до предъявления взаимных обвинений. Однако, обсудив ситуацию с мисс О'Шонесси, я все-таки решил пригласить его к себе в надежде выведать что-нибудь об убийстве Майлза и Терзби. Может, мы и были с ним излишне грубы, но вреда ему не причинили, и повода звать на помощь у него не было. Мне, кстати, снова пришлось отбирать у него оружие.

Пока Спейд говорил, залитое кровью лицо Кэйро становилось все мрачнее. Взгляд его метался от пола к непроницаемому лицу Спейда и обратно.

Повернувшись к Кэйро, Данди спросил:

— Что вы можете сказать на это?

Почти минуту Кэйро вообще ничего не мог сказать, тупо глядя в грудь лейтенанта. Когда он поднял глаза, в них легко было заметить испуг и нерешительность.

— Я не знаю, что говорить, — пробормотал он. Его смятение выглядело вполне искренним.

— Постарайтесь говорить правду, — предложил Данди.

— Правду? — глаза Кэйро забегали, хотя он и не отрывал взгляда от лейтенанта. — Какие у меня основания считать, что правде поверят?

— Перестаньте изворачиваться. Все, что от вас требуется, — это подтвердить под присягой, что они избили вас, и этого будет достаточно, чтобы подписать ордер на арест и упрятать их за решетку.

Спейд весело предложил:

— Валяйте, Кэйро. Пусть он порадуется. Но как только вы сделаете это, мы дружно подтвердим под присягой нашу версию случившегося, и тогда уж в тюрьму мы отправимся все вместе.

Кэйро откашлялся и начал нервно озираться, стараясь все же не смотреть ни на кого из присутствующих.

Данди шумно выдохнул через нос и сказал:

— Одевайтесь.

Сбитый с толку Кэйро заметил издевательский взгляд Спейда. Спейд подмигнул ему и уселся на подлокотник кресла-качалки.

— Ну что ж, мальчики и девочки, — сказал он, радостно ухмыляясь левантинцу и Бриджид О'Шонесси, — мы прекрасно все разыграли.

Выражение сурового лица Данди изменилось на самую малость. Он повторил властно:

— Одевайтесь.

Не переставая ухмыляться, Спейд повернулся к лейтенанту, устроился поудобнее на подлокотнике и лениво спросил:

— Ты что, не понимаешь, когда тебя разыгрывают?

Полхаус побагровел.

Данди, все более мрачнея, произнес онемевшими от напряжения губами:

— Нет, не понимаю, но мы оставим этот разговор до полицейского участка.

Спейд встал и выпрямился, чтобы смотреть на лейтенанта не просто свысока, а сильно свысока. Ухмылка его, как и поза, были подчеркнуто издевательскими.

— Попробуй арестуй нас, Данди, — сказал он. — Над тобой будут потешаться все газеты Сан-Франциско. Ведь не думаешь же ты, что мы под присягой станем давать показания друг против друга? Проснись. Тебя разыграли. Когда вы позвонили в дверь, я сказал мисс О'Шонесси и Кэйро: «Опять эти олухи. Надоели до черта. Давайте-ка их разыграем. Как услышите, что они вошли, пусть один из вас завопит, а потом будем водить за нос, сколько получится. И...»

Бриджид О'Шонесси согнулась и истерически

захохотала.

Кэйро вздрогнул и улыбнулся. Радости в его улыбке не было, но он продолжал улыбаться.

— Хватит, Сэм, — проворчал Том.

Спейд хохотнул:

— Но ведь так оно и было. Мы…

— А исцарапанный лоб и разбитая губа? — спросил Данди презрительно. — Они-то откуда?

— Спроси его, — предложил Сэм. — Может, он порезался, когда брился.

Кэйро, не дожидаясь вопроса, заговорил, с трудом сохраняя на лице вымученную улыбку:

— Я упал. Мы хотели притвориться, что боремся за пистолет, когда вы пришли, но я упал. Зацепился за ковер и упал, когда мы притворялись, что боремся.

Данди сказал:

— Чушь собачья.

Спейд сказал:

— Но это правда, Данди, хочешь верь, хочешь нет. Важно то, что мы все будем держаться именно этой версии. Газеты напечатают ее, даже если она им и покажется чушью собачьей, и в любом случае стыда ты не оберешься. Ну что ты с этим сможешь поделать? Разыграть фараона — еще не преступление. Ты ничего не добьешься. Все, что

тебе здесь понарассказали, — всего лишь шутка. Ну что тут поделаешь?

Данди повернулся к Спейду спиной и схватил Кэйро за плечи:

— Ты так просто не отделаешься, — зарычал он, тряся левантинца. — Ты визжал о помощи, и мы тебе ее окажем.

— Нет, сэр, — залопотал Кэйро. — Это была шутка. Он сказал нам, что вы его друзья и не будете сердиться.

Спейд засмеялся.

Данди грубо повернул Кэйро и схватил его на сей раз одной рукой за запястье, а другой — за шею.

— Я тебя арестую, по крайней мере, за незаконное хранение оружия, — сказал он. — И остальные тоже пойдут со мной, и там мы поглядим, как вы умеете смеяться.

Кэйро скосил свои испуганные глаза на Спейда.

Спейд сказал:

— Не пори чушь, Данди. Пистолет — часть розыгрыша. Он — мой. Жаль только, что тридцать второго калибра, а то бы ты наверняка определил, что именно из него убили Терзби и Майлза.

Данди отпустил Кэйро, резко повернулся и за-

ехал Спейду кулаком в подбородок.

Бриджид О'Шонесси испуганно вскрикнула.

В момент удара улыбка слетела с лица Спейда, но тут же возвратилась, правда, в ней появилась странная мечтательность. Чтобы не упасть, он сделал шаг назад, его могучие покатые плечи взбугрились под пиджаком. Прежде чем успел взметнуться кулак Спейда, Том Полхаус втиснулся между частным детективом и лейтенантом, отталкивая их друг от друга своим громадным животом и руками.

— Нет, ради бога, не надо! — взмолился Том.

После затянувшейся паузы Спейд расслабил мышцы.

— Тогда быстро забирай его отсюда, — сказал он. Улыбка его исчезла, лицо осунулось и побледнело.

Том, стоя рядом со Спейдом и держа его за руки, повернулся и с укором посмотрел через плечо на Данди.

Данди стоял, расставив ноги и выставив кулаки, но его свирепость не очень вязалась с широко раскрытыми от страха глазами.

— Запиши их имена и адреса, — приказал он.

Том взглянул на Кэйро, и тот быстро ответил:

— Джоэл Кэйро, отель «Бельведер».

Спейд заговорил раньше, чем Том успел задать вопрос девушке.

— Ты всегда можешь связаться с мисс О'Шонесси через меня.

Тот посмотрел на Данди. Данди прорычал:

— Запиши ее адрес.

Спейд сказал:

— Ее адрес можно получить только через мое агентство.

Данди шагнул вперед к девушке.

— Где вы живете? — спросил он.

Спейд обратился к Тому:

— Убери его отсюда. С меня достаточно.

Том взглянул в холодно горящие глаза Спейда:

— Успокойся, Сэм. — Он застегнул свой плащ, обернулся к Данди, намеренно обыденно спросил: «Кажется, все?» — и направился к двери.

Хмурый вид Данди не мог скрыть его нерешительности.

Кейро неожиданно шагнул к двери и сказал:

— Я тоже ухожу, если мистер Спейд будет добр принести мою шляпу и пальто.

Спейд спросил:

— Что за спешка?

Данди раздраженно заметил:

— Все было в шутку, но оставаться с ними вы

боитесь.

— Вовсе нет, — ответил левантинец, отводя взгляд в сторону, — но уже поздно и… и мне пора. Я выйду с вами, если вы не возражаете.

Данди плотно сжал губы и ничего не сказал. Его зеленые глаза горели недобрым огнем.

Спейд принес из прихожей шляпу и пальто Кэйро. Лицо его оставалось каменно спокойным. Таким же спокойным был и его голос, когда, подав левантинцу пальто, он обратился к Тому:

— Скажи ему, пусть оставит пистолет.

Данди вынул пистолет Кэйро из кармана плаща и положил его на стол. Он вышел первым, за ним — Кэйро. Задержавшись около Спейда, Том пробормотал: «Надеюсь, ты понимаешь, что творишь», не получил никакого ответа, вздохнул и последовал за ушедшими. Спейд дошел до угла прихожей и стоял там, пока Том не закрыл за собой входную дверь.

9. Бриджид

Спейд вернулся в гостиную и сел на угол дивана, положив локти на колени и обхватив голову руками; он смотрел в пол, а не на Бриджид О'Шонесси. Глаза его были прищурены.

Когда Бриджид О'Шонесси поняла, что смотреть на нее он не собирается, она стала разглядывать его с растущей тревогой.

Спейд вдруг побагровел и заговорил грубым горловым голосом. Вперившись яростным взглядом в пол, он пять минут кряду осыпал Данди ругательствами; он ругался безостановочно, грязно, богохульно, изобретательно.

Потом отнял руки от лица, взглянул на девушку и, миролюбиво усмехнувшись, сказал:

— Мальчишество, да? Сам знаю, но, черт возьми, не выношу, когда нельзя ответить ударом на удар. — Он осторожно дотронулся до подбородка. — Хотя удар был так себе. — Он засмеялся, откинулся на спинку дивана, положил ногу на ногу. — Недорого ведь за такую победу? — Он на миг нахмурил брови. — Впрочем, я ему это припомню.

Девушка встала с кресла и села рядом с ним на диван.

— Более дикого человека, чем вы, я не встречала, — сказала она.

— Я позволил ему ударить себя…

— Но он же полицейский чин.

— Дело не в этом… Потеряв голову, он перестарался. Если бы я дал ход, ему бы не отвертеться. Но тогда и нам пришлось бы в полиции повторить нашу идиотскую историю. — Он задумчиво посмотрел на девушку и спросил: — Что вы сделали с Кэйро?

— Ничего. — Она слегка покраснела. — Я хотела попугать его, чтобы он сидел тихо до их ухода, а он то ли от испуга, то ли из упрямства вдруг начал вопить.

— И тогда вы шмякнули его пистолетом?

— Пришлось, он кинулся на меня.

— Вы играете с огнем. — Улыбка Спейда не могла скрыть его раздражения. — Я уже говорил вам: вы действуете наугад, как бог на душу положит.

— Я сожалею, — сказала она вкрадчиво, с искренним раскаянием и нежно улыбаясь ему, — Сэм.

— Еще бы. — Он вынул из карманов табак и бумагу и начал сворачивать сигарету. — Так с

Кэйро вы все-таки поговорили. Теперь настала и моя очередь.

Она дотронулась пальцем до губы, глядя в никуда широко открытыми глазами, потом, сощурив их, бросила быстрый взгляд на Спейда. Он был поглощен своей сигаретой.

— Ах, да, — начала она — конечно… — Потом убрала палец ото рта, разгладила голубое платье и стала хмуро разглядывать свои колени.

Спейд лизнул сигарету, заклеил и, спросив: «Ну?», полез в карман за зажигалкой.

— Но я с ним не поговорила, — сказала она, оставляя большие паузы между словами, будто выбирала их с большим трудом, — времени не хватило. — Она оторвала хмурый взгляд от своих коленей и посмотрела на Спейда ясными искренними глазами. — Нас прервали в самом начале.

Спейд прикурил сигарету и засмеялся, выдыхая клубы дыма.

— Хотите, чтобы я позвонил ему и попросил вернуться?

Она покачала головой, не улыбнувшись.

Спейд обнял ее одной рукой, положив ладонь на голое белое гладкое плечо. Она откинула голову на изгиб его руки. Он сказал:

— Я слушаю.

Она повернула голову, улыбнулась ему с вызывающей игривостью и спросила:

— Тебе для этого необходимо обнимать меня?

— Нет. — Он снял руку с ее плеча.

— Ты совершенно непредсказуем.

— Я по-прежнему слушаю тебя.

— Посмотри, который час! — воскликнула она, ткнув пальцем в сторону стоящего на книге будильника, уродливые стрелки которого показывали без десяти три.

— Угу. Суматошный выдался вечер.

— Я должна идти. — Она встала с дивана. — Все это ужасно. — Спейд остался сидеть. Покачав головой, он сказал:

— Никуда ты не пойдешь, пока не расскажешь мне все.

— Но посмотри, который час, — запротестовала она, — чтобы все рассказать, мне надо много времени.

— Ничего, времени у нас хватит.

— Я арестована? — весело спросила она.

— Кроме того, не забывай о мальчишке, который болтается около моего дома. Он, возможно, еще не ушел спать.

Ее веселость как рукой сняло.

— Ты думаешь, он еще здесь?

— Скорее всего.

Она вздрогнула.

— А ты можешь проверить?

— Можно спуститься и посмотреть.

— О, пожалуйста… проверь.

Спейд какое-то время внимательно всматривался в ее озабоченное лицо, потом встал с дивана.

— Хорошо, — сказал он и достал из шкафа шляпу и плащ. — Я вернусь через десять минут.

— Ради бога, будь осторожен, — умоляла она его, провожая до двери.

— Постараюсь.

На Пост-стрит не было ни души. Спейд прошел квартал, перебрался на противоположный тротуар, прошел обратно два квартала, снова возвратился на свою сторону улицы и вернулся к дому, не заметив никого, кроме двух механиков, которые ремонтировали машину в одном из гаражей.

Бриджид О'Шонесси стояла в углу прихожей, держа в руке пистолет Кэйро.

— Он все еще там, — сказал Спейд.

Она прикусила губу, медленно повернулась и пошла в гостиную. Спейд отправился следом, бросил шляпу с плащом на кресло, пробурчал, что «у

нас есть время поговорить», и вышел на кухню. Когда она появилась в дверях, он уже поставил кофейник на плиту и резал на ломтики длинную французскую булку. Пальцы ее левой руки бессознательно ласкали корпус и затвор пистолета, который она все еще держала в правой руке.

— Скатерть вон там, — сказал он, указывая хлебным ножом на простой одностворчатый буфет.

Пока она накрывала на стол, он готовил бутерброд с ливерной колбасой и холодной говядиной. Затем разлил по чашкам кофе, добавил в него коньяку из пузатой бутылки, и они сели за стол. Сели рядом на одну скамейку. Пистолет она положила около себя.

— Можешь начинать рассказ прямо сейчас, за ужином, — сказал он.

— Нельзя быть таким нетерпеливым!

— Да к тому же еще диким и непредсказуемым. Что это за птица сокол, которая так взбудоражила всю компанию?

Она прожевала хлеб с говядиной, проглотила, посмотрела внимательно на обкусанный бутерброд и спросила:

— А что, если я тебе не скажу? А что, если я вообще ничего тебе не скажу? Что тогда?

— Ты только не подумай, — ответил он, ухмыляясь так, что стали видны коренные зубы, — будто я растеряюсь и ничего не смогу сделать.

— Но что же все-таки ты сделаешь? — Она переключила внимание с бутерброда на его лицо. — Я и хочу узнать, каков будет твой следующий шаг?

Он покачал головой.

В ее улыбке появилось что-то издевательское.

— Сделаешь что-нибудь дикое и непредсказуемое?

— Возможно. Но я не вижу, что ты выигрываешь, продолжая скрывать от меня правду. Она ведь и так постоянно выясняется. Многого я еще не знаю, но кое-что мне стало известно и кое о чем я уже могу догадаться; еще один такой день, и я буду знать вещи, о которых ты и не подозреваешь.

— Наверное, ты и сейчас знаешь больше меня, — сказала она, снова с серьезным видом разглядывая бутерброд. — Но… о!., я так устала от этого, и меня тошнит от разговоров. А не лучше ли… а не лучше ли подождать, пока ты сам все узнаешь?

Спейд рассмеялся.

— Не знаю. Тебе решать. Мой способ узнавать прост: я бросаю дикий и непредсказуемый гаеч-

ный ключ в работающий механизм. Мне-то все равно, а ты смотри, как бы тебя не пришибло случайно отлетевшей железкой.

Она смущенно пожала голыми плечами, но ничего не сказала. Несколько минут они ели молча: он — флегматично, она — задумчиво. Затем она тихо сказала:

— Я боюсь тебя, вот в чем дело.

Он ответил:

— Дело не в этом.

— В этом, — настаивала она все тем же тихим голосом. — Я боюсь только двоих людей, и сегодня видела обоих.

— Я могу понять, почему ты боишься Кэйро, — сказал он. — До него тебе не добраться.

— А до тебя?

— Я совсем рядом, — сказал он с усмешкой.

Она покраснела, потом взяла бутерброд с серой ливерной колбасой. Положила его на тарелку. Наморщила свой белый лобик.

— Как ты знаешь, это черная статуэтка птицы, ястреба или сокола, гладкая и блестящая, вот такой высоты. — Она развела руки примерно на фут.

— Что в ней такого замечательного?

Прежде чем ответить, она отхлебнула кофе с

коньяком.

— Не знаю. Они мне не говорили. Мне обещали пятьсот фунтов, если я помогу заполучить ее. Потом, когда мы бросили Джо, Флойд сказал, что даст мне семьсот пятьдесят.

— Значит, она стоит дороже семи с половиной тысяч?

— Гораздо дороже. Они и не старались делать вид, что честно делятся со мной. Меня просто наняли, чтобы я помогла им.

— Как помогла?

Она снова поднесла чашку к губам. Спейд, не отрывая своих властных желто-серых глаз от ее лица, начал сворачивать сигарету. За ними на плите булькал кофейник.

— Помогла им забрать эту вещь у кого она была, — медленно произнесла она, опустив чашку. — У русского по фамилии Кемидов.

— Как?

— А, это неважно, — заметила она, — и помочь тебе не может, — она дерзко улыбнулась, — и уж совсем тебя не касается.

— Это было в Константинополе?

Помолчав в нерешительности, она кивнула.

— На Мармаре.

Он махнул сигаретой в ее сторону и сказал:

— Продолжай. Что было дальше?

— Но это все. Я все рассказала. Они обещали мне пятьсот фунтов за помощь, и я им помогла, а потом мы узнали, что Джо Кэйро собирается смыться, забрав с собой сокола и оставив нас с носом. Но мы сами удрали от него. Хотя мое положение от этого не стало лучше; Флойд и не собирался платить мне семьсот пятьдесят фунтов. Я узнала это, когда мы уже добрались до Сан-Франциско. Он говорил, что поедет в Нью-Йорк, где продаст сокола и даст мне мою долю, но я видела, что он врет. — Гнев окрасил ее глаза в фиолетовый цвет. — Вот тогда я и пришла к тебе, чтобы ты помог мне выяснить, где сокол.

— Допустим, ты нашла его. Что тогда?

— Тогда бы условия мистеру Флойду Терзби диктовала уже я.

Спейд скосил на нее глаза.

— Но ты ведь не знаешь, где можно получить за него бóльшую сумму, чем та, которую он предложил тебе?

— Нет, не знаю, — сказала она.

Спейд хмуро рассматривал пепел, который стряхивал в свою тарелку.

— Почему так ценится эта фигурка? Ты должна хоть что-то знать об этом или хотя бы догады-

ваться.

— Понятия не имею.

Он перевел хмурый взгляд на ее лицо.

— Из чего она сделана?

— Из фарфора или черного камня. Точно не знаю. Я даже не дотрагивалась до нее. И видела всего один раз, да и то несколько минут. Флойд показал мне ее, когда она оказалась у нас в руках.

Спейд загасил окурок в тарелке и одним глотком допил кофе с коньяком. Хмурое выражение исчезло с его лица. Он вытер губы салфеткой, бросил ее на стол и спокойно сказал:

— Врешь.

Она встала из-за стола, посмотрела на него своими темными виноватыми глазами, покраснела.

— Вру, — сказала она. — И всегда врала.

— Нашла чем хвастаться. Ты же не ребенок. — Он тоже вышел из-за стола. — В твоей сказке есть хоть доля правды?

Она опустила голову. На темных ресницах сверкнули слезы.

— Да, — прошептала она.

— Какая?

— Не… небольшая.

Взяв ее за подбородок, Спейд поднял ее голову. Он рассмеялся в ее мокрые от слез глаза и

сказал:

— У нас вся ночь впереди. Я приготовлю еще кофе с коньяком, и мы начнем все сначала.

Она потупилась.

— Я так устала, — сказала она дрожащим голосом, — так устала от всего, от себя, от своего вранья, от придумывания небылиц, от того, что уже не знаю, где правда, а где ложь. Лучше…

Она взяла лицо Спейда в свои ладони, прижалась полуоткрытым ртом к его губам, прильнула к нему всем телом.

Спейд обнял ее так, что вздулись мышцы под синими рукавами его пиджака, одну руку он запустил в ее рыжие волосы, другой ласкал хрупкую спину. Глаза его горели желтым огнем.

10. Отель «Бельведер»

Спейд проснулся, когда рассвет еще едва брезжил. Рядом с ним глубоко и ровно дышала во сне Бриджид О'Шонесси. Спейд тихо встал с кровати, осторожно вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Одевался он в ванной. Потом внимательно осмотрел одежду спящей девушки, взял из кармана ее пальто плоский медный ключ и вышел на улицу.

Добравшись до «Коронета», от отпер дверь ее квартиры. Шел он уверенно и не таясь, так что ничего странного в нем заметить было нельзя. Необычным было только то, что ходил он почти бесшумно.

Включив все лампы, он обыскал номер девушки самым тщательным образом. Его глаза и пальцы двигались вроде бы неспешно, но зато ни на чем долго не останавливались, не колебались и не возвращались к уже осмотренному — они методично и с профессиональной уверенностью исследовали, проверяли, ощупывали. Он открыл все ящики и шкафы, дверцы, коробки, сумки, чемоданы — как запертые, так и не запертые — и

осмотрел их содержимое. Он проверил каждую складку одежды, нащупывая утолщения и прислушиваясь, не зашуршит ли бумага. Он снял с кровати постельное белье. Заглянул под ковры и под мебель. Опустил жалюзи, чтобы убедиться, что ничего в них не спрятано. Высунулся из каждого окна, чтобы удостовериться, что ничего не висит снаружи. Потыкал вилкой во все баночки с пудрой и кремом на туалетном столике. Подержал против света каждую бутылочку и пульверизатор. Обнюхал и ощупал все тарелки, сковороды, продукты. Вывалил на газету содержимое мусорного ведра. Снял крышку сливного бачка в туалете, спустил воду и заглянул внутрь. Осмотрел и проверил металлические заглушки на ванне, раковине, на водопроводных кранах и вводах.

Он не нашел черной птицы. Он не нашел ничего, что бы имело к ней хоть малейшее отношение. Единственным документом, который ему удалось обнаружить, была копия счета за квартиру недельной давности на имя Бриджид О'Шонесси. Единственное, что привлекло его внимание и на время приостановило обыск, была пригоршня довольно-таки изысканных украшений в раскрашенной шкатулке, которую хозяйка держала в

запертом ящике туалетного столика.

Закончив обыск, он сварил и выпил чашку кофе. Потом открыл кухонное окно, поцарапал шпингалет перочинным ножом, открыл в комнате ближайшее к пожарной лестнице окно, взял свои шляпу и плащ с кушетки в гостиной и ушел из квартиры тем же путем, которым и пожаловал в нее.

По дороге домой он зашел в магазин — его как раз открывал толстенький дрожащий от холода бакалейщик с опухшими глазами — и купил апельсинов, яиц, булочек, масла и сливок.

В свою квартиру Спейд вошел тихо, но едва он закрыл за собой входную дверь, как услышал крик Бриджид О'Шонесси:

— Кто там?

— Добрый дядюшка Спейд принес завтрак.

— Как ты испугал меня!

Дверь в спальню, которую он закрыл перед уходом, была открыта. Девушка сидела на краю кровати, ее била дрожь, правую руку она засунула под подушку.

Спейд положил свертки на кухонный стол и вошел в спальню. Он сел на кровать рядом с девушкой, поцеловал ее гладкое плечо и сказал:

— Я решил проверить, на месте ли мальчишка,

и купить чего-нибудь на завтрак.

— Ты видел его?

— Нет.

Она вздохнула и прижалась к нему.

— Я проснулась — тебя нет рядом, и вдруг я слышу, что кто-то входит в квартиру. Я испугалась до смерти.

Спейд откинул ее рыжие волосы со лба и сказал:

— Прости, ангел. Я надеялся, что ты не проснешься до моего прихода. Ты что, всю ночь держала пистолет под подушкой?

— Нет. Ты же знаешь, что нет. Я вскочила с постели и схватила его, только когда поняла, что ты ушел.

Пока она мылась в ванной и одевалась, он приготовил завтрак и опустил плоский медный ключ в карман ее пальто.

Она вышла из ванной, насвистывая мелодию «En Cuba»[1].

— Убрать постель? — спросила она.

— Сделай милость. Яйца будут готовы через пару минут.

Когда она пришла на кухню, завтрак уже был

---

[1] Примечания: 1

«На Кубе» *(исп.).*

на столе. Они сели так же, как и накануне вечером, и с аппетитом принялись за еду.

— Ну что, поговорим о птице? — предложил он, пока они ели.

Она положила вилку на стол и посмотрела на него, нахмурив брови и сложив губы трубочкой.

— И у тебя хватает наглости просить меня об этом в такое утро! — возмутилась она. — Не хочу и не буду.

— Стерва ты упрямая, — сказал он грустно, отправляя в рот кусок булки.

Когда Спейд и Бриджид О'Шонесси вышли из парадного и сели в ожидавшее их такси, мальчишки-филера поблизости не было. За такси тоже никто не следил. Ни недомерка, ни других праздношатающихся личностей они не заметили и около «Коронета».

Бриджид О'Шонесси не захотела, чтобы Спейд поднимался с ней наверх.

— Возвращаться в вечернем платье в этот час подозрительно даже и без спутника. Надеюсь, мне никто не встретится.

— Поужинаем вместе?

— Хорошо.

Они поцеловались. Она вошла в подъезд. Он сказал водителю:

— Отель «Бельведер».

В «Бельведере» он тут же заметил мальчишку-филера, который сидел в холле на низком диванчике, откуда хорошо просматривались все лифты. Мальчишка читал газету.

У портье Спейд выяснил, что Кэйро в отеле нет. Он нахмурился и ущипнул себя за нижнюю губу. В глазах его заплясали желтые искорки.

— Спасибо, — тихо сказал он дежурному и отвернулся. Вразвалочку он пересек холл, подошел к диванчику, откуда хорошо просматривались лифты, и сел рядом с молодым человеком, который читал газету.

Молодой человек от газеты не оторвался. Вблизи он выглядел явно моложе двадцати лет. Черты его лица были мелкими, но пропорциональными. Кожа поражала белизной. Одежда его не отличалась новизной или особым качеством, но носил он ее со строгой мужской опрятностью.

Высыпая табак на согнутую коричневую бумажку, Спейд, как бы между прочим, спросил:

— Где он?

Мальчишка опустил газету и огляделся намеренно медленно, словно бы сдерживая природную быстроту. Он смотрел в грудь Спейда своими маленькими светло-карими глазами из-

под длинных загибающихся ресниц. Абсолютно спокойным и ровным голосом он спросил:

— Что?

— Где он? — Спейд продолжал возиться с сигаретой.

— Кто?

— Педераст.

Взгляд ореховых глаз пополз вверх по груди Спейда и застыл на узле его бордового галстука.

— Дурака валяешь? — спросил мальчишка.

— Что ты?! Когда мне придет такое в голову, я тебя заранее предупрежу. — Спейд облизал край курительной бумаги и дружески улыбнулся мальчишке. — Из Нью-Йорка пожаловал?

Мальчишка неотрывно смотрел на галстук Спейда и молчал. Спейд кивнул, будто услышал утвердительный ответ, и спросил:

— Неприятностей ищешь?

Мальчишка еще какое-то время смотрел на галстук Спейда, потом поднял газету повыше и снова углубился в чтение.

— Отвали, — сказал он сквозь зубы.

Спейд прикурил сигарету, уселся поудобнее и добродушно заговорил:

— Вам придется поговорить со мной, сынок, кому-то из вас обязательно придется, так и передай

Г. Это я вам точно говорю.

Мальчишка отложил газету и повернулся к Спейду, холодно глядя на его галстук. Его маленькие руки спокойно лежали на животе.

— Ты допрыгаешься, — сказал он низким ровным угрожающим голосом. — Повторяю еще раз — отвали.

Подождав, пока пройдут мимо толстый человек в очках и тонконогая блондинка, Спейд засмеялся и сказал:

— Этим ты еще можешь напугать кого-нибудь на Седьмой авеню. Но мы не в твоем Нью-Йорке, а в моем Сан-Франциско. — Он затянулся и выдохнул большой клуб сигаретного дыма. — Так где он?

Мальчишка произнес два слова, первое из которых было «пошел», а второе — указывало направление.

— Так и зубов лишиться недолго. — Голос Спейда был по-прежнему дружелюбен, хотя лицо и каменело. — Пока цел, учись вежливости.

Мальчишка повторил свои два слова.

Спейд бросил сигарету в высокую каменную вазу и поднял руку, привлекая внимание человека, который уже несколько минут стоял рядом с табачным киоском. Человек кивнул и заспешил

к ним. Он был средних лет и среднего роста, хорошо сложен и одет в опрятный темный костюм.

— Привет, Сэм, — сказал он, подойдя к ним.

— Привет, Люк.

Они пожали друг другу руки, и Люк сказал:

— Бедняга Майлз.

— Угу, не повезло ему. — Спейд кивнул в сторону мальчишки, сидящего рядом. — Почему ты позволяешь всякой сволочи, набившей карманы пистолетами, торчать у тебя в отеле?

— Ах, вот оно что? — Люк оглядел мальчишку карими цепкими глазами, лицо его сразу посуровело. — Чего тебе здесь надо? — спросил он.

Мальчишка встал. Спейд тоже встал. Мальчишка переводил взгляд с одного мужчины на другого, точнее, с одного галстука на другой. Люк носил черный галстук. Рядом с детективами мальчишка выглядел школьником.

Люк сказал:

— Значит, так: если тебе ничего не надо, то проваливай и чтоб я тебя здесь больше не видел.

Мальчишка сказал: «Я вам это еще припомню» — и вышел из отеля.

Они смотрели на него, пока он не скрылся из виду. Сняв шляпу, Спейд вытер влажный лоб носовым платком.

Гостиничный детектив спросил:

— Кто это?

— Не знаю, — ответил Спейд. — Впервые вижу. Можешь мне что-нибудь сказать о Джоэле Кэйро из номера 635?

— Ах, этот? — Люк ухмыльнулся.

— Сколько он здесь уже живет?

— Четыре дня. Сегодня пятый.

— Так что ты можешь сказать про него?

— Да ничего, если не считать его мерзкой внешности.

— Выясни, пожалуйста, ночевал он сегодня или нет.

— Постараюсь, — сказал детектив и ушел.

Спейд сел на диванчик.

— Нет, — доложил Люк, — в номере он не ночевал. А что случилось?

— Ничего.

— Выкладывай. Ты же знаешь, я умею держать пасть на замке, но если что не так, мы должны успеть получить с него по счету.

— Все так, — заверил Спейд. — Видишь ли, я для него делаю небольшую работенку. Если что, я тебе обязательно скажу.

— Да уж конечно. Может, хочешь, чтобы я посмотрел за ним?

— Спасибо, Люк. Это никогда не помешает. В наши дни чем больше знаешь о тех, на кого работаешь, тем лучше.

Джоэл Кэйро появился в отеле, когда часы в вестибюле над лифтом показывали одиннадцать часов двадцать одну минуту. Лоб его был забинтован. У одежды был тот несколько неопрятный вид, который она приобретает, если ее носят не снимая много часов подряд. Опущенные уголки губ и век придавали лицу кислое выражение.

Спейд встретил его у конторки портье.

— Доброе утро, — произнес он самым обычным тоном.

Кэйро выпрямил свое усталое тело, мышцы его печального лица напряглись.

— Доброе утро, — вяло ответил он.

Наступила пауза.

Спейд сказал:

— Пойдемте куда-нибудь, надо поговорить.

Кэйро вздернул подбородок.

— Прошу извинить меня, — сказал он. — Наши неофициальные беседы имели такой характер, что у меня нет никакого желания продолжать их. Простите за прямоту, но это так.

— Вы имеете в виду прошлый вечер? А что, черт возьми, мне оставалось делать? Я думал, вы

поймете. Раз уже вы решили подраться с ней или позволили ей подраться с вами, то я вынужден брать ее сторону. Я не знаю, где эта проклятая птица. И вы тоже. А она знает. Как, черт возьми, мы получим ее, если я не буду ей подыгрывать?

Кэйро задумался, потом сказал с сомнением:

— Должен признаться, вы всегда умело выкручиваетесь.

Спейд ухмыльнулся.

— Что же мне делать? Учиться говорить невразумительно и с заиканием? Ладно, можно поговорить и в холле. — Он пошел к диванчику, на котором раньше сидел мальчишка-филер. Когда они сели, он спросил:

— Данди забрал вас в полицейское управление?

— Да.

— И долго они трудились над вами?

— Долго, и вопреки моему желанию. Только что освободили. — Боль и возмущение слышались в голосе Кэйро. — Я непременно обращусь в Генеральное консульство Греции и к своему адвокату.

— Обратитесь, может, что и получится. Удалось им вытрясти что-нибудь из вас?

Кэйро улыбнулся с неподдельным удоволь-

ствием.

— Абсолютно ничего. Я придерживался того курса, который вы сами избрали ранее. — Улыбка слетела с его лица. — Хотя я бы предпочел, чтобы ваша выдумка была более правдоподобной. Мне было очень неловко повторять ее.

Спейд издевательски усмехнулся.

— Конечно, — сказал он, — но ценность моей выдумки именно в том, что она идиотски неправдоподобна. Вы уверены, что ничего им не выдали?

— Можете положиться на меня, мистер Спейд, я ничего не выдал.

— Данди не оставит вас в покое. Продолжайте валять дурака, и все будет в порядке. Не тревожьтесь, что ваша версия ублюдочна. Правдоподобная версия давно довела бы нас всех до тюрьмы. — Он встал. — После целой ночи полицейских любезностей вы наверняка валитесь с ног. Мы еще увидимся.

Когда Спейд входил в приемную своей конторы, Эффи Перин говорила в телефонную трубку: «Нет, еще нет». Она оглянулась на него, и ее губы беззвучно произнесли: «Ива». Он покачал головой.

— Да, я попрошу его позвонить вам, как только он придет, — сказала она уже громко и положила

трубку: — Третий раз за утро звонит.

Спейд раздраженно проворчал что-то неразборчивое.

Девушка повела карими глазами в сторону его кабинета.

— Там твоя мисс О'Шонесси. Ждет тебя с девяти часов.

Спейд кивнул, будто ожидал этого сообщения, и спросил:

— Что еще?

— Звонил сержант Полхаус. Ничего не передавал.

— Соедини меня с ним.

— А еще звонил Г.

Глаза Спейда заблестели. Он спросил:

— Кто?

— Г. Так он себя назвал. — Личную незаинтересованность в делах Спейда она изображала безупречно. — Когда я сказала, что тебя нет в агентстве, он попросил передать: «Скажите ему, что звонил Г., получивший его сообщение», и что он еще позвонит.

Спейд сложил губы, словно пробовал на вкус что-то очень приятное.

— Спасибо, дорогая, — сказал он. — Постарайся дозвониться до Тома Полхауса. — Он вошел в

кабинет и плотно закрыл дверь за собой.

Бриджид О'Шонесси, одетая точно так же, как в свой первый визит в эту контору, поднялась с кресла у стола и быстро подошла к нему.

— Кто-то был в моей квартире, — воскликнула она. — Все разбросано и перевернуто вверх дном.

— Что-нибудь пропало? — Спейд убедительно изобразил удивление.

— Не думаю. Не знаю. Я боялась там оставаться. Быстро переоделась и прибежала сюда. Это ты привел ко мне мальчишку на хвосте!

Спейд покачал головой.

— Нет, ангел мой. — Он вынул из кармана утренний выпуск одной из местных газет, развернул его и показал ей статейку в четверть колонки, озаглавленную «Крик спугнул грабителя».

Молодая женщина по имени Каролин Бил, живущая одна на Саттер-стрит, проснулась в четыре утра от шума, который производил неизвестный, проникший в ее спальню. Она закричала. Неизвестный убежал. Еще две женщины, живущие одиноко в том же доме, обнаружили утром явные признаки того, что в их квартирах кто-то побывал. Никаких пропаж не обнаружено.

— Там я и улизнул от него, — объяснил Спейд. — Я вошел в парадное этого здания и выбрался

через черный ход. Вот почему взломщика интересовали только одинокие женщины. Он забирался только в те квартиры, которые в списке жильцов подъезда шли под женскими именами. Он надеялся найти тебя, предполагая, что ты живешь под чужим именем.

— Но ведь когда мы были у тебя, ты же сам видел, что он околачивался около твоего дома, — возразила она.

Спейд пожал плечами.

— А почему ты думаешь, что он работает один? Кроме того, он мог отправиться на Саттер-стрит, убедившись, что мы остались ночевать у меня. Возможностей здесь тьма, только на «Коронет» я его не выводил.

Это ее не успокоило.

— Но он — или кто-нибудь другой — нашел мою квартиру.

— Конечно. — Он хмуро смотрел на ее ноги. — Может, это Кэйро? В отеле он не ночевал и пришел туда всего несколько минут назад. Мне он сказал, что его всю ночь допрашивали в полицейском участке. Что-то сомнительно.

Спейд повернулся и, открыв дверь, спросил Эффи Перин:

— Не удалось связаться с Томом?

— Его нет на месте. Попытаюсь еще раз через несколько минут.

— Спасибо.

Закрыв дверь, Спейд вновь повернулся к Бриджид О'Шонесси.

Она смотрела на него, нахмурившись.

— Ты ходил сегодня утром к Джо? — спросила она.

— Да.

Какое-то время она колебалась.

— Зачем?

— Зачем? — он улыбнулся, глядя на нее сверху вниз. — Затем, любовь моя, что если я хочу разобраться в этом запутанном клубке, то должен обращать внимание на все детали и поддерживать отношения со всеми участниками этой истории. Он обнял ее одной рукой за плечи и повел к своему вращающемуся креслу. Чмокнув в нос, усадил в кресло. Сев на стол напротив нее, сказал:

— Теперь нам надо найти для тебя новое жилье, верно?

Она энергично закивала.

— Я туда не вернусь.

Он постучал рукой по столешнице и сделал задумчивый вид.

— Кажется, я нашел, — сказал он вскоре. — Подожди минутку. — Он вышел в приемную, закрыв за собой дверь. Эффи Перин потянулась к телефонной трубке.

— Сейчас еще раз позвоню.

— Позже. Твоя женская интуиция по-прежнему говорит тебе, что моя гостья непорочная мадонна?

Она бросила на него строгий взгляд.

— Что бы с ней ни приключилось, я по-прежнему ей верю, если, конечно, я поняла тебя правильно.

— Ты поняла меня правильно, — сказал он. — У тебя хватит силенок помочь ей сейчас?

— Как?

— Ей надо пожить где-нибудь несколько дней.

— Ты имеешь в виду, у меня дома?

— Да. Ее квартиру снова кто-то обыскивал. Это уже второй случай за неделю. Сейчас ей лучше не оставаться одной. Было бы здорово, если бы ты смогла взять ее к себе.

Наклонившись вперед, Эффи Перин с тревогой спросила:

— Ей действительно угрожает опасность, Сэм?

— Думаю, что да.

— Мама, конечно, позеленеет от страха. Но я

скажу ей, что она твой самый ценный свидетель, которого ты прячешь до последнего момента.

— Ты прелесть, — сказал Спейд. — Тогда сразу же и отправляйтесь. Я возьму у нее ключ и заберу из ее квартиры самое необходимое. Давай подумаем. Вас не должны видеть вместе. Поезжай сейчас домой. Возьми такси и убедись, что за тобой нет хвоста. Его и не должно быть, но все-таки. Ее я посажу в другое такси и позабочусь, чтобы за ней никто не увязался.

11. Толстяк

Как только Спейд вернулся в свой кабинет, отправив Бриджид О'Шонесси на такси к Эффи Перин, на его столе зазвонил телефон. Он поднял трубку.

— Алло… Да, я у телефона… Да, получил. Я ждал вашего звонка… Кто?.. Мистер Гутман? Ах, да, конечно!.. Сейчас — чем скорее, тем лучше… Двенадцатый К… Хорошо. Скажем, через пятнадцать минут… Хорошо.

Спейд сел на угол стола рядом с телефоном и свернул сигарету. Губы его были плотно сжаты в подобие улыбки. Глаза, следившие за пальцами, тлели угольками из-под полуопущенных век.

Открылась дверь, и в кабинет вошла Ива Арчер.

Лицо Спейда неожиданно приняло приветливое выражение.

— Привет, солнце мое.

— О, Сэм, прости меня! Прости меня! — сдавленно закричала она. Она стояла в дверях, не сняв перчаток, комкая носовой платок с черной каймой, и покрасневшими припухшими глазами

старалась заглянуть ему в лицо.

Он так и остался сидеть на углу стола. Только сказал:

— Конечно. О чем речь?! Я уже забыл.

— Но, Сэм, — завопила она, — это я прислала к тебе полицейских. Я сошла с ума от ревности и позвонила им. «Если хотите узнать что-нибудь о смерти Майлза, — сказала я, — немедленно отправляйтесь на квартиру Спейда».

— Почему ты так решила?

— Я так не думала, просто рехнулась и хотела сделать тебе больно.

— Ты поставила меня в затруднительное положение. — Он обнял ее одной рукой и притянул к себе. — Но теперь все в порядке, только больше ничего такого не устраивай, пожалуйста.

— Не буду, — пообещала она, — никогда. Но вчера вечером ты плохо со мной поступил. Был какой-то холодный, чужой и хотел поскорее от меня отвязаться — а я так долго ждала у твоего парадного, чтобы предупредить тебя, а ты…

— Предупредить? О чем?

— О Филе. Он как-то узнал о… о том, что ты любишь меня, а Майлз еще раньше говорил ему, что я хочу развестись с ним, хотя, конечно, он не знал, с какой целью, и теперь Фил думает, будто

мы… Будто ты убил его брата, потому что тот не давал мне развод и мы не могли пожениться. Он сам мне все это выложил, а вчера пошел в полицию и рассказал.

— Очень мило, — сказал Спейд вкрадчиво. — И ты, значит, приехала предупредить меня, а поскольку я был занят, ты закусила удила и помогла этому ублюдку Филу Арчеру устроить шум в полиции.

— Я виновата… Я знаю, ты никогда не простишь меня. Прости меня… прости, прости, я виновата.

— Безусловно, — сказал он, — и перед собой, и передо мной. Данди приходил к тебе после заявления Фила в полицию? Или кто-нибудь из его людей?

— Нет. — Лицо ее все яснее выражало тревогу.

— Они придут, — сказал Спейд, — и было бы лучше, если бы они застали тебя не здесь. Ты назвала себя, когда звонила им по телефону?

— О нет! Я только сказала, что если они не мешкая поедут к тебе домой, то узнают кое-что об убийстве, и повесила трубку.

— Откуда ты звонила?

— Из аптеки рядом с твоим домом. О, Сэм, любимый, я…

Он похлопал ее по плечу и сказал примири-

тельным тоном:

— Это была грязная шутка, но кто старое помянет… Отправляйся-ка лучше домой и подумай, что ты скажешь полиции. Они не заставят себя долго ждать. Может быть, лучше все отрицать с самого начала. — Он едва заметно нахмурился. — А может быть, тебе повидаться с Сидом Уайзом? — Он снял руку с ее плеча, вынул из кармана визитную карточку, нацарапал что-то на ее обратной стороне и протянул карточку ей. — Сиду ты можешь говорить все. — Он снова нахмурился. — Или почти все. Где ты была в тот вечер, когда застрелили Майлза?

— Дома, — ответила она без колебаний.

Он покачал головой, глядя на нее с ухмылкой.

— Дома, — уверенно повторила она.

— Неправда, — сказал он, — но если ты настаиваешь на этом, мне все равно. Иди к Сиду. Это за углом, в розовом здании, комната восемьсот двадцать семь.

Ее голубые глаза пытливо искали его желто-серые.

— Почему ты думаешь, что я не была дома? — спросила она, медленно выговаривая слова.

— Ничего я не думаю, я просто знаю.

— Но я была дома, была. — Губы ее скривились,

глаза потемнели от гнева. — Это все Эффи Перин, — сказала она негодующе. — Я заметила, как она смотрела на мою одежду и все вынюхивала. Ты же знаешь, что она меня терпеть не может. Сэм. Почему ты веришь ей? Ведь чтобы мне досадить, она что угодно скажет!

— Черт бы вас, женщин, подрал, — сказал он беззлобно. Потом посмотрел на свои наручные часы. — Тебе пора, бесценная. Я уже опаздываю на деловое свидание. Поступай как знаешь, но я бы на твоем месте говорил Сиду правду или же вообще ничего. Чего не хочешь, не говори, но ничего не придумывай.

— Я не лгу тебе, Сэм, — запротестовала она.

— Как же! Не лжешь! — сказал он, вставая.

— Ты мне не веришь? — прошептала она.

— Нет, не верю.

— И ты не простишь мне того… того, что я сделала?

— Конечно, прощу. — Он нагнул голову и поцеловал ее в губы. — Все нормально. А теперь иди.

Она обняла его.

— А ты не пойдешь со мной к мистеру Уайзу?

— Я не могу, да и все равно был бы там лишним. — Он похлопал ее по плечу, осторожно высвободился из объятий, повернул ее к двери и

легонько подтолкнул.

— Иди, — приказал он.

Дверь из красного дерева номера люкс 12-К в отеле «Александрия» открыл мальчишка, с которым Спейд разговаривал в холле «Бельведера». Спейд сказал добродушно:

— Привет.

Мальчишка ничего не ответил. Он только распахнул дверь и отошел в сторону.

Спейд вошел. Ему навстречу спешил очень толстый человек.

Толстяк был толст чудовищно: выпуклости розовых пухлых щек, губ, подбородков, шеи, громадное яйцо живота, составлявшего никак не менее половины тела, перевернутые конусы рук и ног. При каждом его шаге все выпуклости поднимались, опускались и дрожали отдельно, словно мыльные пузыри, еще не оторвавшиеся от трубки. Его заплывшие жиром темные глаза блестели. На большом черепе виднелись редкие завитки темных волос. Одет он был в черный шерстяной пиджак, черный жилет, ворот рубашки повязан черным атласным широким галстуком, заколотым розоватой жемчужиной, серые брюки в полоску и лаковые туфли. Говорил он с каким-то горловым мурлыканьем.

— Ах, мистер Спейд, — произнес он с выражением, протягивая ему жирную лапу, напоминавшую толстую розовую морскую звезду. Спейд пожал протянутую руку и, улыбнувшись, сказал:

— Здравствуйте, мистер Гутман.

Держа руку Спейда, толстяк повернулся, взял его другой рукой под локоть и повел по зеленому ковру к зеленому плюшевому креслу у стола, на котором стояли сифон, стаканы, бутылка виски «Джонни Уокер», коробка сигар «Коронас дель Риц», маленькая простая шкатулочка из желтой пемзы, лежали две газеты.

Спейд сел в зеленое кресло. Толстяк стал наполнять стаканы из бутылки и сифона. Мальчишка исчез. Все двери, ведущие в комнату с трех разных сторон, были закрыты. В четвертой стене, той, к которой Спейд сидел спиной, было два окна, выходящих на Джиари-стрит.

— Начнем, пожалуй, с виски, сэр, — промурлыкал толстяк, протягивая Спейду стакан. — Я не доверяю людям, которые остерегаются пить. Если человек боится напиться, значит, он не доверяет себе.

Спейд с улыбкой взял стакан и слабым кивком поблагодарил хозяина. Толстяк поднял свой стакан и подержал его против света, падающего из

окна. Он причмокнул от удовольствия, увидев бегущие вверх пузырьки, и сказал:

— Итак, сэр, за откровенный диалог и взаимопонимание.

Они отпили по глотку и опустили стаканы.

Посмотрев проницательно на Спейда, толстяк спросил:

— Вы неразговорчивый человек?

Спейд покачал головой.

— Напротив, люблю поговорить.

— Прекрасно, прекрасно! — воскликнул толстяк. — Я не доверяю неразговорчивым людям. Если уж они начинают говорить, то чаще всего в неподходящее время и невпопад. Хорошо говорит тот, кто постоянно в этом практикуется. — Лицо его сияло. — Мы поладим, непременно поладим. — Он поставил свой стакан на стол и протянул Спейду коробку «Коронас». — Берите сигару.

Спейд взял сигару, откусил конец, прикурил. Тем временем толстяк придвинул другое зеленое кресло поближе к Спейду и поставил большую напольную пепельницу между ним и собой. Затем взял со стола свой стакан, выбрал из коробки сигару и сел в кресло. Его многочисленные выпуклости перестали дрожать, дрябло улеглись

и успокоились. Удовлетворенно вздохнув, он сказал:

— А теперь, сэр, поговорим, если не возражаете. И вы сразу убедитесь, что я люблю поговорить с человеком, который понимает в этом толк.

— Великолепно. Значит, поговорим о черной птице?

Толстяк засмеялся, и в такт этому смеху заколыхались все его жировые складки.

— Вы так считаете? — спросил он. И тут же сам ответил: — Обязательно. — Его розовое лицо светилось от удовольствия. — Вы мне нравитесь, сэр, мы оба скроены по одному образцу. Никаких околичностей, а сразу быка за рога. «Значит, поговорим о черной птице?» Обязательно поговорим. Мне это по душе. Я сам люблю именно так делать дела. Давайте поговорим о черной птице, но сначала, чтобы между нами не оставалось неясностей, не откажите в любезности ответить на один вопрос — впрочем, может, и излишний. Вы пришли сюда как представитель мисс О'Шонесси?

Спейд выдохнул дым так, что он застыл клубом над головой толстяка. Потом хмуро задумался, глядя на обугливший кончик сигары. Наконец медленно ответил:

— Я не могу сказать ни «да», ни «нет». Все еще может измениться, как в ту, так и в другую сторону. — Перестав хмуриться, он поднял глаза на толстяка. — Это зависит от обстоятельств.

— Каких?

Спейд покачал головой.

— Если бы я знал это, то смог бы уверенно ответить «да» или «нет».

Сделав глоток из своего стакана, толстяк предположил:

— Может, это зависит от Джоэла Кэйро?

Быстрое «может» Спейда прозвучало уклончиво. Он тоже отпил из своего стакана.

Толстяк, насколько позволял ему живот, наклонился вперед.

Он улыбался и добродушно мурлыкал:

— Иначе говоря, весь вопрос в том, кого из них вы представляете?

— Можно и так сказать.

— Значит, либо она, либо он?

— Этого я не говорил.

Глаза толстяка заблестели. Он перешел на горловой шепот:

— Кто еще замешан в этом деле?

Спейд кончиком сигары показал на свою грудь.

— Я, — сказал он.

Толстяк снова откинулся на спинку кресла, расслабился и облегченно вздохнул.

— Превосходно, сэр, — замурлыкал он. — Превосходно. Я люблю людей, которые прямо заявляют, что им небезразличны собственные интересы. Мы все таковы. Я не доверяю тем, кто утверждает противоположное. А тем, кто действительно не заботится о собственном интересе и говорит об этом вслух, я не доверяю больше всего, потому что они ослы, и более того, ослы, идущие наперекор природе.

Спейд выдохнул дым. Лицо его сохраняло выражение учтивой внимательности. Он сказал:

— Угу. А теперь давайте поговорим о черной птице.

Толстяк улыбнулся самым добродушным образом.

— Давайте, — сказал он. И при этом так сощурился, что от глаз его, спрятанных за припухлостями, остался один только темный блеск. — Мистер Спейд, знаете ли вы, сколько денег можно получить за эту черную птицу?

— Нет.

Толстяк снова нагнулся и положил жирную розовую руку на подлокотник кресла, в котором

сидел Спейд.

— Да, сэр, если я скажу вам… ей-богу, если я скажу вам даже половину… вы назовете меня лжецом.

Спейд улыбнулся:

— Нет, не назову, даже если и подумаю это про себя. Но если вы все же боитесь такого оборота событий, расскажите просто, что она из себя представляет, а уж деньги я посчитаю сам.

Толстяк рассмеялся.

— Вы не сможете, сэр. Никто не сможет, если у него нет громадного опыта в вещах подобного рода, а, — здесь он сделал выразительную паузу, — вещей подобного рода в мире больше нет. — Его жирные выпуклости снова затряслись и запрыгали — толстяк опять засмеялся. Неожиданно смех оборвался. Толстые губы обвисли. Он разглядывал Спейда с пристальностью близорукого. Потом спросил:

— Значит, если я вас правильно понял, вы не знаете, что она из себя представляет? — От удивления он даже заговорил обычным голосом, не мурлыкая.

Спейд беззаботно взмахнул сигарой.

— Черт возьми, — сказал он спокойно, — я знаю, как она должна выглядеть. Я знаю ее непомер-

ную ценность, поскольку вижу, что вы готовы жизнь за нее отдать. Но я не знаю, что она из себя представляет.

— Она не сказала вам?

— Мисс О'Шонесси?

— Да. Прелестная девушка.

— Угу. Не сказала.

Глаза толстяка превратились в горящие угольки, еле видные за розовыми складками жира. Он произнес невнятно:

— Она должна знать. — Потом добавил: — И Кэйро тоже не сказал?

— Кэйро осторожен. Он готов купить ее, но боится сообщить мне что-нибудь, чего я еще не знаю.

Толстяк облизал губы.

— Сколько он предлагает за нее? — спросил он.

— Десять тысяч долларов.

Толстяк презрительно усмехнулся.

— Десять тысяч, причем даже не фунтов, а долларов. Вот вам и грек! Хм! И что вы ответили ему?

— Я сказал, что если и отдам ему птицу, то надеюсь взамен получить эти самые десять тысяч.

— Вот именно, «если»! Ловко сказано, сэр. — Лоб нахмурившегося толстяка покрылся новыми

морщинами. — Они должны знать, — сказал он почти про себя. — А знают ли? Знают ли они, что представляет из себя черная птица? Каково ваше впечатление?

— Не могу вам помочь в этом, — признался Спейд. — Кэйро вообще ничего не говорил, а она сказала, что не знает, но я ей не верю.

— Это мудро, не доверять ей, — сказал толстяк, но было видно, что мысли его бродят где-то далеко. Он почесал голову. Потом нахмурился так, что его лоб покрылся свежими красными складками. Поерзал в кресле, насколько это позволяли размеры кресла и его собственные габариты. Затем закрыл глаза, снова открыл — резко и широко — и сказал Спейду: — Может, они и не знают. — Его розовое лицо-луковица постепенно светлело, пока не приняло выражение неизъяснимого блаженства. — Если они не знают… — вскричал он. — Если они не знают, то во всем необъятном мире об этом знаю только я!

Спейд натянуто улыбнулся.

— Я рад, что пришел туда, куда нужно, — сказал он.

Толстяк тоже улыбнулся, но как-то загадочно. Выражение блаженства исчезло с его лица, глаза смотрели настороженно. Лицо превратилось в

улыбчивую маску — преграду между его мыслями и Спейдом. Избегая смотреть на Спейда, он бросил взгляд на его стакан. Лицо толстяка просветлело.

— Черт возьми, сэр, — сказал он, — у вас же стакан пустой. — Он встал, подошел к столу и, готовя напитки, начал возиться со стаканами, сифоном и бутылкой.

Спейд сидел неподвижно, пока толстяк с поклоном и игривой фразой «Ах, сэр, это лекарство еще никому не приносило вреда!» не протянул ему вновь наполненный стакан. Тогда Спейд встал и посмотрел на толстяка сверху вниз суровыми ясными глазами. Потом поднял стакан. Сказал отчетливо и с вызовом:

— За откровенный диалог и взаимопонимание.

Толстяк хихикнул, и они выпили. Толстяк сел. Держа свой стакан у живота двумя руками и улыбаясь Спейду, он сказал:

— Да, сэр, это поразительно, но все-таки, видимо, факт, что ни она, ни он не знают точно, что представляет из себя птица, и это, похоже, не знает никто в этом необъятном мире, кроме и за исключением вашего покорного слуги Каспера Гутмана, эсквайра.

— Прекрасно. — Спейд стоял, широко расставив ноги, одну руку он засунул в карман брюк, а в другой держал стакан с виски. — Когда я выслушаю ваш рассказ, нас будет только двое.

— Математически все правильно, сэр. — Глаза толстяка заискрились, — но, — он заулыбался, — я не уверен, что расскажу вам о птице.

— Не валяйте дурака, — сказал Спейд терпеливо. — Вы знаете, что она из себя представляет. Я знаю, где она. Именно поэтому мы и встретились.

— Так где же она, сэр?

Спейд промолчал.

Толстяк сложил губы бантиком, поднял брови и склонил голову набок.

— Видите ли, — начал он учтиво, — я должен сказать вам то, что знаю, а вы мне то, что знаете, не скажете. Это едва ли справедливо, сэр. Нет, нет, так дела, по-моему, не делаются.

Лицо Спейда сделалось бледным и суровым. Он заговорил быстро низким яростным голосом:

— Думайте, и побыстрее. Я уж говорил вашему мозгляку, что вам придется найти со мной общий язык. А теперь я говорю вам, что или вы мне сегодня все расскажете, или между нами все кончено. Зачем вы тратите мое время? На кой дьявол

мне вы и ваши секреты?! Я в точности знаю, что содержится в подвальных сейфах казначейства, но что мне за польза от этого? Обойдусь и без вас! Черт с вами! Может, и вы обошлись бы без меня, если бы держались от меня подальше. А теперь поздно. В Сан-Франциско вам без меня не обойтись. Так что вам придется решать — да или нет — причем сегодня.

Он развернулся и с яростным безрассудством запустил стаканом в стол. Стакан ударился о столешницу и разбился вдребезги; капли виски и осколки стекла засверкали на столе и на полу; Спейд как ни в чем не бывало снова повернулся к толстяку.

Судьба стакана взволновала толстяка не больше, чем Спейда; он по-прежнему сидел, сложив губы бантиком, подняв брови и склонив голову набок; выражение учтивого внимания не покидало его розоватого лица ни во время выходки Спейда, ни сейчас.

Все еще взбешенный Спейд сказал:

— И еще одно, я не хочу…

Слева от Спейда открылась дверь. Вошел уже знакомый мальчишка. Он закрыл дверь, встал около нее, уронив руки вдоль тела, и посмотрел на Спейда. Глаза его были широко открыты, зрач-

ки расширены.

— И еще одно, — повторил Спейд, сверля взглядом мальчишку, — пока думаете, держите этого ублюдка от меня подальше. Я убью его. Он мне не нравится. Действует на нервы. Я убью его, как только он сунется ко мне еще раз. Он и пикнуть не успеет. Я его убью.

Губы мальчишки сложились в подобие улыбки. Но он не поднял глаз и не проронил ни слова.

Толстяк сказал уступчиво.

— Да, сэр, должен сказать, у вас необузданный темперамент.

— Темперамент? — Спейд захохотал как безумный. Он подошел к креслу, на которое, войдя, положил свою шляпу, взял ее и надел. Вытянул свою длинную руку с толстым указательным пальцем, направленным в живот толстяка. Его гневный голос заполнил всю комнату. — Думайте, и хорошенько. Я жду до половины шестого. И тогда вы или играете со мной, или катитесь ко всем чертям. — Он опустил руку, мрачно посмотрел на учтивого толстяка, потом на мальчишку и направился к той двери, через которую пришел. Открыв дверь, он обернулся и хрипло сказал:

— Половина шестого — потом занавес.

Мальчишка, глядя в грудь Спейду, повторил два

слова, которые уже дважды произносил в холле отеля «Бельведер». Говорил он негромко. Но зло.

Спейд вышел, громко хлопнув дверью.

12. Карусель

От Гутмана Спейд спускался на лифте. Губы его пересохли, хотя побледневшее лицо и покрылось испариной. Вынимая носовой платок, он заметил, что рука его дрожит. Он ухмыльнулся и сказал «Ого!» так громко, что служащий, стоявший у кнопок лифта, повернулся и спросил:

— Чем могу помочь, сэр?

По Джиари-стрит Спейд дошел до отеля «Палас», где позавтракал. За стол он сел совершенно спокойным человеком — ни бледности на лице, ни сухости во рту, ни дрожи в руках. Он ел жадно, но без спешки; поев, отправился в контору Сида Уайза.

Когда Спейд вошел к Уайзу, тот грыз ноготь и смотрел в окно. Заметив Спейда, он убрал руку ото рта, повернулся к нему и сказал:

— Привет. Бери стул и садись.

Спейд поставил стул к заваленному бумагами столу и сел.

— К тебе приходила миссис Арчер? — спросил он.

— Да. — В глазах Уайза промелькнули едва за-

метные искорки. — Женишься на даме, Сэмми?

Спейд раздраженно фыркнул носом.

— Боже, теперь еще ты! — проворчал он.

Сид устало улыбнулся одними уголками губ:

— Если ты не женишься, забот не оберешься.

Спейд оторвал взгляд от сигареты и с горечью спросил:

— Точнее, ты их не оберешься. Впрочем, для этого ты и существуешь. Что она сказала тебе?

— О чем?

— О чем угодно, что я должен знать.

Уайз провел рукой по волосам, стряхнув перхоть себе на плечи.

— Она сказала, что хотела развестись с Майлзом, чтобы…

— Это я знаю, — прервал его Спейд. — Переходи к тому, чего я не знаю.

— Откуда мне знать, разрешила ли бы она?

— Перестань вилять, Сид. — Спейд поднес пламя зажигалки к сигарете. — Говори мне только то, что она просила от меня утаить.

Уайз бросил на Спейда укоризненный взгляд.

— Ну что ты, Сэмми, — начал он. — Разве так можно…

Спейд воздел глаза к небу и зарокотал:

— Господи! Вот мой адвокат, который зарабаты-

вает на мне немалые деньги, но, чтобы получить необходимые сведения, я должен становиться перед ним на колени. — Он посмотрел на Уайза. — Как ты думаешь, зачем я послал ее к тебе?

Уайз скорчил усталую гримасу.

— Еще один такой клиент, как ты, — сказал он жалобным тоном, — и я попаду в больницу или в тюрьму.

— Не одних же клиентов туда отправлять! Она сказала тебе, где была той ночью, когда его убили?

— Да.

— Где?

— Следила за ним.

Спейд выпрямился на стуле и моргнул. Потом удивленно воскликнул:

— Черт их поймет, этих женщин! — Он засмеялся, снова развалился на стуле и спросил: — Что же она увидела?

Уайз покачал головой.

— Немного. Майлз зашел в тот вечер домой поужинать и, чтобы подразнить ее, сказал, что уходит в отель «Сент-Марк» на свидание к девушке и что у Ивы есть шанс получить вожделенный развод. Сначала она решила, что он просто хочет позлить ее. Он знал…

— Я знаю историю их отношений, — сказал Спейд. — Переходи к тому, что делала она.

— Хорошо, но ты не даешь мне и слова сказать. Когда Майлз ушел, ей вдруг пришло в голову, что, может быть, он и в самом деле отправился на свидание. Ты знаешь Майлза. От него можно было ожидать…

— На описание характера Майлза тоже можешь не тратить время.

— Зачем я вообще тебе что-нибудь рассказываю? — воскликнул адвокат — Она вывела машину из гаража, подъехала к «Сент-Марку» и, остановившись напротив, стала ждать. Наконец увидела его и поняла, что он следит за мужчиной и девушкой, которые вышли из отеля незадолго перед ним, — она говорит, что это была та самая девушка, которую она видела с тобой прошлой ночью. Так она убедилась, что Майлз работает, а за ужином лишь разыгрывал ее. Мне кажется, это открытие и огорчило, и разозлило ее — во всяком случае, мне она рассказывала об этом с нескрываемой досадой. За Майлзом она ехала достаточно долго и, окончательно убедившись, что он занят делом, отправилась к тебе. Тебя дома не оказалось.

— В котором часу это было? — спросил Спейд.

— Когда она была у тебя? В первый раз между половиной десятого и десятью вечера.

— В первый раз?

— Да. Она поездила по городу с полчаса и снова вернулась к твоему дому. Это уже было где-то в половине одиннадцатого. Тебя все еще не было, она снова уехала в центр города и, чтобы убить время до полуночи, когда она надеялась застать тебя, пошла в кино.

Спейд нахмурился.

— В половине одиннадцатого?

— Так она говорит — на Пауэл-стрит есть кинотеатр, который работает до часу ночи. Судя по ее словам, она не хотела возвращаться домой до прихода Майлза. Если он возвращался домой около полуночи или позже и не заставал ее дома, то приходил в бешенство. Она проторчала в кинотеатре до закрытия, — Уайз говорил теперь медленнее и с еле заметной иронией. — Она говорит, что решила больше не ездить к тебе домой — не была уверена, что тебе понравится столь поздний визит. И поэтому поехала в закусочную Тейта на Эллис-стрит, поела там и отправилась домой. — Уайз откинулся на спинку кресла и ждал, что скажет Спейд.

Лицо Спейда ничего не выражало. Он спросил:

— Ты веришь ей?

— А ты нет? — ответил Уайз.

— Откуда мне знать? Откуда мне знать, что вы вдвоем не выдумали все это, чтобы запудрить мне мозги?

Уайз улыбнулся.

— Откуда тебе знать, Сэмми, что ты не выбрасываешь деньги на ветер?

— Денег на ветер я не выбрасываю. Ладно, что было дальше? Майлза дома не оказалось. Было уже по крайней мере два часа ночи, никак не меньше, и его уже не было в живых.

— Майлза дома не оказалось, — подтвердил Уайз. — Это, кажется, снова взбесило ее — она, видишь ли, не смогла прийти домой позже него, чтобы бесился он. Поэтому она снова вывела машину из гаража и снова поехала к тебе.

— А меня дома не было. Я в это время осматривал труп Майлза. Боже, что за карусель устроила она той ночью. А дальше?

— Она приехала домой, а мужа все не было, и, когда она стала раздеваться, в дверь постучала твоя посыльная с известием о смерти Майлза.

Спейд не проронил ни слова, пока не свернул новую сигарету и не прикурил ее. Потом сказал:

— Правдоподобная история. Она не противоре-

чит большинству фактов.

Уайз снова провел рукой по волосам, высыпав на плени новую порцию перхоти. Он с любопытством посмотрел в глаза Спейду и спросил:

— Но ты все-таки не веришь?

Спейд вынул сигарету изо рта.

— Дело не в том, Сид, верю я или не верю. Я ничего не знаю наверняка.

Губы адвоката скривились в ухмылке. Он устало повел плечами и сказал:

— Все правильно — я тебя продал. Почему бы тебе не поискать честного адвоката, которому бы ты доверял?

— Таких уже нет. — Спейд встал. И презрительно хмыкнул. — Обидчивый стал, да? У меня мало забот, я еще теперь должен думать, как бы не задеть тебя ненароком. Чем я провинился? Забыл преклонить колени перед входом?

Сид Уайз улыбнулся примирительно.

— Сукин сын! — сказал он.

Когда Спейд пришел в контору, Эффи Перин стояла посреди приемной. Она озабоченно посмотрела на него и спросила:

— Что случилось?

Лицо Спейда посуровело.

— О чем ты?

— Почему она не приехала?

Спейд в два прыжка очутился рядом с Эффи Перин и схватил ее за плечи.

— Она к тебе не приехала? — проорал он в ее испуганное лицо.

Она энергично затрясла головой.

— Я ждала ее, ждала, а ее все не было, дозвониться до тебя по телефону я не смогла, вот и примчалась сюда.

Спейд оставил ее плечи в покое, засунул руки глубоко в карманы брюк, остервенело прорычал: «Еще одна карусель» — и ушел в свой кабинет. Но вскоре вышел в приемную.

— Позвони своей матери, — приказал он. — Может, она уже приехала.

Пока девушка звонила, он ходил взад и вперед по комнате.

— Ее нет, — сказала она, повесив трубку. — Ты… ты посадил ее в такси?

Он проворчал что-то, по-видимому означавшее «да».

— Ты уверен, что… Ее наверняка выследили!

Спейд перестал ходить по комнате. Он уперся руками в бока и гневно уставился на девушку. Сказал громко и грубо:

— Никакого хвоста за ней не было. Ты что, счи-

таешь меня мальчишкой? Я убедился, что слежки нет, еще до того, как посадил ее в такси, я проехал с ней дюжину кварталов, чтобы лишний раз удостовериться в этом, а когда вышел из такси, для полной гарантии ехал за ней еще с полдюжины кварталов.

— Да, но…

— Но она к тебе не приехала. Ты мне уже говорила об этом. Я верю тебе. Может, ты думаешь, я подозреваю, что она на самом деле у тебя?

Эффи Перин фыркнула.

— А вот теперь ты и вправду ведешь себя как мальчишка-несмышленыш.

Спейд громко откашлялся и пошел к выходу.

— Я найду ее, даже если для этого придется перерыть все мусорные свалки, — сказал он. — Жди меня здесь, пока я не приду или не позвоню. Черт возьми, нам давно пора сделать что-нибудь толковое.

Он дошел уже до середины коридора, но потом вернулся в контору. Эффи Перин сидела за своим столом. Он сказал:

— Ты же знаешь, на меня не стоит обращать внимания, когда я говорю таким образом.

— Если ты думаешь, что я хоть когда-нибудь обращаю на тебя внимание, то ты рехнулся, —

ответила она. — Только, — она дотронулась до своих плеч, и губы ее неуверенно дернулись, — я не смогу носить вечерние платья по крайней мере две недели, медведь проклятый.

Простодушно ухмыльнувшись, он сказал:

— Я неисправим, дорогая. — Потом театрально поклонился и вышел из конторы.

На угловой стоянке было два желтых такси. Их водители беседовали, стоя неподалеку от своих машин. Спейд спросил:

— Не знаете, где блондин с красным лицом, который был здесь в полдень?

— Повез пассажира, — ответил один из них.

— Он вернется сюда?

— Наверное.

Другой водитель, кивнув, сказал:

— А вон и он сам едет.

Пока краснолицый блондин припарковывался и выходил из машины, Спейд стоял поодаль на тротуаре. Потом подошел к водителю.

— В полдень я сел в ваше такси с дамой. Мы поехали по Стоктон-стрит, потом по Сакраменто и Джоунз-стрит, где я и вышел.

— Точно, — сказал краснолицый, — я помню.

— Я попросил вас отвезти ее на Девятую авеню. Но вы ее туда не привезли. Куда вы ее дели?

Водитель потер щеку грязной рукой и с недоверием покосился на Спейда.

— Ничего не помню.

— Все в порядке, — заверил его Спейд, протягивая свою визитную карточку — Если сомневаетесь, можем подъехать в контору и получить «добро» вашего начальства.

— Да нет. Я отвез ее на Морской вокзал.

— Одну?

— Да. С кем же еще?

— По дороге никуда не заезжали?

— Нет. Дело было так: когда я высадил вас, мы снова выехали на Сакраменто, а на углу Полк-стрит она постучала в стекло и сказала, что хочет купить газету, поэтому я притормозил и свистнул мальчишке-газетчику, у которого она и купила свою газету.

— Какую?

— «Колл». Я поехал дальше по Сакраменто, но как только мы пересекли Ван Несс-стрит, она снова постучала в стекло и попросила отвезти ее к Морскому вокзалу.

— Она не показалась вам взволнованной или вообще необычной?

— Нет, ничего такого не заметил.

— А что было, когда вы подъехали к Морскому

вокзалу?

— Она расплатилась, и все.

— Ее там никто не ждал?

— Даже если кто и ждал, я никого не видел.

— В какую сторону она пошла?

— На Морском вокзале? Не знаю. Может, поднялась наверх, может, куда еще пошла.

— А газету с собой взяла?

— Да, она сунула ее под мышку, когда расплачивалась.

— На какой странице была развернута газета: на розовой или на белой?

— Ну, вы много хотите, кэп, этого я не помню.

Спейд поблагодарил водителя и со словами «На сигареты» сунул ему в руку серебряный доллар.

Спейд купил «Колл» и, чтобы спрятаться от ветра, зашел в вестибюль какого-то учрежденческого здания.

Он быстро пробежал заголовки первой, второй и третьей полос. На четвертой полосе взгляд его на мгновение задержался на заголовке «Арестован по подозрению в подделке документов», а на пятой — «Юноша из Саут-Бей пытался покончить с собой». На шестой и седьмой полосах ничто не привлекало его внимания. На восьмой его внимание ненадолго привлек заголовок «После

перестрелки в Сан-Франциско по подозрению в грабежах арестованы трое подростков», а потом он листал газету не останавливаясь до тридцать пятой страницы, на которой печатались прогнозы погоды, расписание прибытия судов, экономические новости, сведения о разводах, бракосочетаниях и некрологи. Он прочитал список скончавшихся, пробежал глазами тридцать шестую и тридцать седьмую полосы с финансовыми новостями — а затем настала очередь тридцать восьмой, и последней. Не найдя ничего интересного, Спейд вздохнул, сложил газету, запихнул ее в карман пиджака и скрутил сигарету.

Минут пять он хмуро курил в вестибюле, уставясь в пустоту. Потом вышел на Стоктон-стрит, остановил такси и поехал в пансион «Коронет».

В квартиру Бриджид О'Шонесси он попал, воспользовавшись полученным от нее ключом. Голубое платье, которое она носила накануне, лежало на кровати. Голубые чулки и туфли валялись на полу. Красивая шкатулочка, бывшая в ящике туалетного столика, теперь стояла пустой на столике — украшения из нее забрали. Спейд нахмурился, облизал губы, обошел комнаты, все тщательно осматривая, но ни к чему не притрагиваясь, спустился вниз и снова поехал в центр.

В дверях здания, где помещалась его контора, Спейд столкнулся с мальчишкой, которого совсем недавно видел у Гутмана. Загородив ему дорогу, мальчишка сказал:

— Пошли. Он прислал за тобой.

Мальчишка держал руки в карманах плаща, карманы заметно топорщились.

Спейд ухмыльнулся и с издевкой произнес:

— Я не надеялся увидеть вас ранее пяти часов двадцати пяти минут. Надеюсь, я не заставил вас долго ждать.

Мальчишка поднял глаза до губ Спейда и сказал сдавленным, словно от боли, голосом:

— Поговорим еще — скоро ты у меня начнешь выковыривать свинец из пупка.

Спейд издал довольный смешок.

— Чем мельче жулик, тем смачнее треп, — сказал он весело. — Пошли.

По Саттон-стрит они шли рядом. Мальчишка не вынимал рук из карманов плаща. Квартал они прошли молча. Затем Спейд вежливо поинтересовался:

— Давно перестал белье с веревок воровать, сынок?

Мальчишка сделал вид, что не слышал вопроса.

— Тебе не приходилось?.. — начал Спейд и осекся. В его желтоватых глазах заплясали игривые чертенята. Больше он с мальчишкой не заговаривал.

Они добрались до «Александрии», поднялись на двенадцатый этаж и по длинному пустому коридору пошли к апартаментам Гутмана.

Когда до двери Гутмана оставалось несколько шагов, Спейд чуть приотстал. Потом вдруг резко шагнул в сторону и схватил мальчишку сзади за руки чуть пониже локтей. Он силой отвел его руки вперед — полы плаща задрались. Мальчишка извивался, пытаясь вырваться, но в ручищах взрослого мужчины он был беспомощен — удар ногой попал в пустоту.

Спейд приподнял мальчишку и рывком снова опустил его на пол. Толстый ковер приглушил звук удара. В момент удара руки Спейда скользнули к запястьям мальчишки. Стиснув зубы, тот продолжал сопротивляться, но ни высвободиться, ни помешать Спейду опускать руки все глубже в карманы своего плаща он не мог. Слышался только скрип зубов мальчишки да тяжелое дыхание Спейда.

На какое-то время они оба застыли в напряжении, а потом вдруг руки мальчишки обмякли.

Спейд отпустил их и отступил в сторону. В каждой руке он теперь держал по большому автоматическому пистолету.

Мальчишка повернулся к Спейду. Лицо его стало белее мела. По-прежнему держа руки в карманах плаща, он молча смотрел в грудь Спейда.

Опустив пистолеты себе в карманы, Спейд презрительно ухмыльнулся:

— Пошли, шеф обязательно погладит тебя по головке.

Они подошли к двери Гутмана, и Спейд постучал.

13. Дар императора

Дверь открыл Гутман. Лицо его сияло радостной улыбкой. Протягивая руку, он сказал:

— Входите, сэр! Благодарю, что пришли. Прошу.

Спейд пожал протянутую руку и вошел. Мальчишка вошел следом. Толстяк закрыл дверь. Спейд вынул из карманов пистолеты мальчишки и протянул их Гутману.

— Держите. Вы зря разрешаете ему бегать по городу с такими игрушками. Как бы чего не вышло.

Толстяк весело засмеялся и взял пистолеты.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Что случилось? — спросил он, переводя взгляд на мальчишку.

Ответил Спейд:

— Одноногий калека-газетчик взял да и отнял игрушки у вашего щенка, но я его в обиду не дал.

Бледный как полотно телохранитель молча взял пистолеты у Гутмана и опустил их в свои карманы.

Гутман снова засмеялся.

— Ей-богу, — сказал он Спейду, — вы удивительный человек, я не жалею, что познакомился с вами. Входите. Садитесь. Разрешите, я повешу вашу шляпу.

Мальчишка вышел в правую от входа дверь.

Толстяк усадил Спейда в зеленое кресло около стола, всучил ему сигару, дал прикурить, смешал виски с содовой, один стакан протянул Спейду и, держа в руке другой, уселся напротив гостя.

— А теперь, сэр, — сказал он, — надеюсь, вы позволите мне принести извинения за…

— Ничего страшного, — сказал Спейд. — Давайте поговорим о черной птице.

Толстяк склонил голову набок и посмотрел на Спейда нежным взглядом.

— Отлично, сэр, — согласился он. — Давайте. — Он отпил глоток из своего стакана. — Я уверен, что более удивительного рассказа вам в жизни еще не приходилось слышать, хотя отлично понимаю, что человек вашего масштаба и вашей профессии успел наслушаться удивительных историй.

Спейд вежливо кивнул.

Толстяк прищурился и спросил:

— Что вы знаете, сэр, об ордене госпиталя святого Иоанна в Иерусалиме, который позднее был

известен как орден Родосских рыцарей и под многими другими именами?

Спейд помахал сигарой.

— Немного. Только то, что помню из школьной истории… крестоносцы или что-то с ними связанное.

— Очень хорошо. Значит, вы не знаете, что Сулейман Великолепный выгнал их с острова Родос в 1523 году?

— Нет.

— Так вот, сэр, он это сделал, и орден обосновался на Крите. Они оставались там семь лет, до 1530 года, когда им удалось убедить императора Карла V отдать им, — Гутман поднял три пухлых пальца и пересчитал их, — Мальту, Гоцо и Триполи.

— Да ну?

— Да, сэр, но на следующих условиях: первое, они должны были каждый год выплачивать императору дань в виде одного, — он поднял палец, — сокола в знак того, что Мальта остается собственностью испанской короны; второе, после их ухода с Мальты она должна была возвратиться под юрисдикцию Испании. Понимаете? Он отдал им Мальту, но только чтобы жить самим; ни подарить ее, ни продать они не могли.

— Ясно.

Толстяк обежал взглядом все три закрытые двери, пододвинул свое кресло на несколько дюймов ближе к Спейду и снизил голос до хриплого шепота:

— Вы имеете хотя бы самое общее представление о невероятных, неисчислимых богатствах ордена в то время?

— Если я не ошибаюсь, — сказал Спейд, — они тогда неплохо устроились.

Гутман улыбнулся снисходительно.

— Неплохо, — это мягко сказано. — Он перешел на еще более тихий и более мурлыкающий шепот. — Они купались в богатстве, сэр. Вы не можете себе этого представить. Никто из нас не может этого представить. Многие годы они грабили сарацинов и награбили несметные сокровища — отборный жемчуг, драгоценные металлы, шелка, слоновую кость. Вы же знаете, что священные войны для них, так же как и для тамплиеров, были прежде всего делом наживы. Итак, император Карл отдал им Мальту, взамен потребовав чисто символическую плату — одну скромную птичку в год, — продолжал Гутман. — И было ли что-нибудь естественнее для этих непередаваемо богатых рыцарей, чем подумать о том, как лучше выразить свою благодарность императору? И они,

сэр, об этом подумали. Кому-то из них пришла в голову счастливая мысль вместо одной скромной живой птички послать Карлу в качестве платы за первый год роскошного золотого сокола, с головы до ног украшенного самыми лучшими драгоценными камнями из хранилищ ордена. А они — не забывайте, сэр, — были владельцами самых крупных сокровищ в Азии. — Гутман перестал шептать. Его вкрадчивые темные глаза внимательно изучали спокойное лицо Спейда. — Ну, сэр, что вы об этом думаете?

— Пока ничего.

Толстяк самодовольно улыбнулся.

— Это исторические факты не из школьной истории, не из истории мистера Уэллса, но все же из истории. — Он наклонился вперед. — Архивы ордена с XII века и по сию пору находятся на Мальте. В них, конечно, не все сохранилось, но они содержат не менее трех, — он выставил три пальца, — прямых или косвенных ссылок на драгоценного сокола. В книге Ж. Делавилля Ле Ру «Архивы ордена св. Иоанна» есть ссылка на этого сокола, пусть косвенная, но все же ссылка. В неопубликованном — из-за незавершенности вследствие смерти автора — дополнении к «Происхождению института духовно-рыцарских

орденов» Паоли ясно и недвусмысленно приводятся все те факты, о которых я вам только что рассказал.

— Прекрасно, — сказал Спейд.

— Прекрасно, сэр. По приказу Великого Магистра ордена Вилльерса де л-Ильд д-Адана турецкие рабы сделали эту драгоценную птицу в замке святого Анджело, и вскоре ее отослали Карлу, который в то время находился в Испании. Галерой, которая везла птицу, командовал член ордена французский рыцарь Кормье или, по другим источникам, Корвер. — Его голос снова опустился до шепота. — До Испании птичка так и не долетела. — Он улыбнулся, не разжимая губ, и спросил: — Вы слышали о Барбароссе, Красной Бороде, Каир-ад-Дине? Нет? Это знаменитый предводитель морских пиратов, обосновавшийся в то время в Алжире. И он, сэр, захватил галеру и забрал птицу. Птица попала в Алжир. Это факт. Французский историк Пьер Дан приводит его в одном из своих писем из Алжира. Он писал, что птица находилась в Алжире более сотни лет, пока ее не увез оттуда сэр Фрэнсис Верней, английский авантюрист, который какое-то время плавал с алжирскими пиратами. Может, это и неправда, но Пьер Дан верил в это, и для меня

этого достаточно.

В книге леди Фрэнсис Верней «Мемуары семьи Верней в XVII веке» птица не упоминается. Я проверял. И совершенно определенно, что, когда сэр Фрэнсис умирал в мессинской больнице в 1615 году, сокола у него не было. Он разорился вчистую. Но, сэр, нет никакого сомнения в том, что птица оказалась в Сицилии. Там она в конце концов стала собственностью Виктора Амадея II вскоре после его коронации в 1713 году и была одним из его свадебных подарков невесте, когда он женился в Шамбери после отречения от престола. Это факт, сэр. Сам Карутти, автор «Истории царствования Виктора Амадея II», подтверждал его.

Может быть, они — Амадей и его жена — взяли птицу с собой в Турин, когда он попытался вновь занять престол. Но как бы то ни было, в следующий раз она появляется уже в руках испанца, который участвовал во взятии Неаполя в 1734 году, — отца дона Хозе Монино-и-Редондо, графа Флоридабланки, главного министра Карла III. Нет никаких причин сомневаться, что она пробыла в этой семье, по крайней мере, до конца Первой Карлистской войны в 1740 году. Затем она объявляется в Париже как раз в то время, когда туда из Испании бежали многие карлисты. Один из них,

видимо, и привез ее туда. Неважно, кем он был, ибо совершенно ясно, что о ее истинной ценности он и понятия не имел. Во время Карлистской войны птицу из предосторожности покрыли каким-то составом, после чего она превратилась в обыкновенную черную статуэтку. И в этом обличье, сэр, она целых семьдесят лет переходила в Париже от одного дельца к другому — глупцы не понимали, с каким сокровищем они имеют дело.

Толстяк улыбнулся и горестно покачал головой. Потом продолжил:

— Семьдесят лет, сэр, эта несравненная драгоценность, если так можно выразиться, прозябала в трущобах Парижа. Так продолжалось до 1911 года, когда греческий делец Харилаос Константинидис наткнулся на нее в одной из захудалых лавчонок. Харилаос быстро раскусил, что попало ему в руки. У него поразительный нюх на такие вещи. Именно Харилаос, сэр, проследил большую часть истории этого несравненного сокровища и точно установил его происхождение. Я узнал об этом и выдавил из него почти все сведения, хотя кое-какие детали мне и пришлось потом добавить самому.

Харилаос, сэр, не спешил продавать птицу. Он знал, что, несмотря на невероятную стоимость

самих драгоценностей, цена вещи вырастет до баснословных размеров, если удастся неопровержимо установить ее подлинное происхождение. Возможно, он намеревался вести дело с одним из современных богатых наследников старого ордена — Английским орденом святого Иоанна Иерусалимского, прусским Iohanniterorden[2], а то и с французским или итальянским потомками суверенного Мальтийского ордена.

Толстяк поднял свой стакан, улыбнулся, увидев, что он пуст, и вновь встал налить виски себе и Спейду.

— Ну что, постепенно начинаете мне верить? — спросил он, наливая содовую из сифона.

— Я никогда не говорил, что не верю вам.

— Вы не говорили, — усмехнулся Гутман. — Говорил ваш вид. — Он сел, отпил большой глоток, вытер рот носовым платком. — Чтобы обезопасить себя на время исторических штудий, Харилаос покрыл птицу новым слоем эмали, придав ей тот вид, который она имеет сейчас. Ровно через год после того, как он приобрел сокола, или месяца через три после его вынужденного признания мне, находясь в Лондоне, я прочитал

---

[2] Примечания: 2
Орден иоаннитов *(нем.)*.

в «Тайм», что его дом ограблен, а сам он убит. Уже на следующий день я был в Париже. — Он сокрушенно покачал головой. — Птица исчезла. Бог свидетель, сэр, я просто обезумел от ярости. Я был уверен, что никто больше не знает, что представляет собой черная птица. Что, кроме меня, грек не рассказал об этом никому. Из его дома было украдено очень много вещей. Это укрепляло меня во мнении, что вор забрал птицу вместе с остальной добычей, не подозревая о ее настоящей ценности. Потому что, смею вас уверить, человек, знающий истинную цену птице, не стал бы марать руки ни о что другое, кроме разве что драгоценностей короны.

Он закрыл глаза и самодовольно улыбнулся какой-то своей мысли. Открыв глаза, он сказал:

— Это было семнадцать лет назад. Как видите, сэр, у меня ушло семнадцать лет, чтобы напасть на след сокола, но в конце концов мне это удалось. Я не из тех, кто легко отчаивается. — Улыбка его стала шире. — Я хотел найти эту птицу и нашел ее. Я хочу иметь ее, и она у меня будет. — Он осушил свой стакан, снова вытер губы и спрятал платок в карман. — Я шел по следу птицы, и он привел меня в дом русского генерала Кемидова в пригороде Константинополя. Генерал понятия

не имел, каким сокровищем он обладает. Для него сокол был черной эмалированной фигуркой, и только, но из-за своей строптивости — естественной строптивости русского генерала — он не захотел продать мне ее, когда я предложил ему сделку. Возможно, я чуть переусердствовал. Не знаю. Только знаю, что очень хотел получить птицу и боялся, как бы этот солдафон не принялся ее исследовать и не отковырнул часть эмали. Поэтому-то я и послал к нему... м-м-м... своих агентов. И они, сэр, добыли птицу, но я ее так и не получил. — Он встал и с пустым стаканом подошел к столу. — Но я получу ее. Ваш стакан, сэр.

— Значит, птица принадлежит не кому-нибудь из вас, — спросил Спейд, — а генералу Кемидову?

— Принадлежит? — переспросил толстяк насмешливо. — Видите ли, сэр, еще можно сказать, что птица принадлежала королю Испании, но я не понимаю, как можно говорить о каких-либо правах на эту вещь, кроме права фактического обладания. — Он откашлялся. — Вещь такой ценности, переходившая из рук в руки столь необычными способами, принадлежит тому, кто ею владеет.

— Значит, сейчас она принадлежит мисс О'Шонесси?

— Разве что как моему агенту…

Спейд произнес ироничное «О!».

Гутман, глядя задумчиво на пробку от бутылки виски, которую он держал в руках, спросил:

— Вы совершенно уверены, что птица сейчас у нее?

— Уверен.

— Где?

— Я точно не знаю.

Толстяк с громким стуком поставил бутылку на стол.

— Но вы же сказали, что знаете, — произнес он протестующе.

Спейд беззаботно махнул рукой.

— Я имел в виду, что знаю, где взять ее, когда придет время.

— И возьмете? — спроеил Гутман.

— Да.

— Где?

Спейд ухмыльнулся и сказал:

— Оставьте это мне. Это моя забота.

— Когда?

— Когда буду готов.

Толстяк сжал губы и спросил, улыбаясь, — лишь наметанный взгляд сумел бы заметить его обеспокоенность:

— Мистер Спейд, где сейчас мисс О'Шонесси?

— В моих руках, я нашел для нее очень надежное убежище.

Гутман улыбнулся одобрительно.

— Значит, все в порядке, сэр, — сказал он. — И прежде чем мы приступим к обсуждению финансовых проблем, ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос: как скоро вы сможете или, если угодно, соблаговолите получить сокола?

— Через пару дней.

Толстяк кивнул.

— Это нормально. Мы… Но я совершенно забыл о своих хозяйских обязанностях. — Он повернулся к столу, налил виски, добавил в него воду из сифона, один стакан поставил около локтя Спейда, а другой поднял. — Итак, сэр, выпьем за хорошую сделку и приличную прибыль, которой бы хватило и на вас, и на меня.

Они выпили. Толстяк сел. Спейд спросил:

— Что вы считаете хорошей сделкой?

Гутман подержал свой стакан против света, любовно его разглядывая, отпил еще один большой глоток и сказал:

— У меня есть два предложения, сэр, и оба они хороши. Выбирать вам. Или я даю вам двадцать пять тысяч долларов сразу по получении от вас

сокола и еще двадцать пять тысяч, как только добираюсь до Нью-Йорка; или вы получаете от меня четверть — двадцать пять процентов — того, что я выручу за сокола. Выбирайте: пятьдесят тысяч долларов почти немедленно или же сумма гораздо больше через, скажем, пару месяцев.

Спейд выпил виски и спросил:

— Насколько больше?

— Гораздо больше, — повторил толстяк. — Кто знает насколько? Сто тысяч, четверть миллиона? Поверите ли вы, если я назову сумму, которую считаю минимальной?

— А почему бы и нет?

Толстяк облизал губы и снова перешел на мурлыкающий шепот:

— Что вы скажете, сэр, если я назову полмиллиона?

Спейд прищурился.

— Значит, вы думаете, что эта штуковина стоит два миллиона?

Гутман улыбался невозмутимо.

— Пользуясь вашими словами, а почему бы и нет?

Спейд осушил свой стакан и поставил его на стол. Взял сигару в рот, вынул, посмотрел на нее и снова сунул ее в рот. Его желто-серые глаза слегка

помутнели. Он сказал:

— Это дьявольская прорва денег.

Толстяк согласился:

— Это дьявольская прорва денег. — Он наклонился вперед и похлопал Спейда по коленке. — Учтите, что я назвал абсолютный минимум, или Харилаос Константинидис — законченный идиот, каковым, смею заверить, он не был.

Спейд снова вынул сигару изо рта, посмотрел на нее с мрачным отвращением и положил в пепельницу. Закрыл еще более помутневшие глаза, с трудом открыл их снова. Сказал:

— Хорош минимум, а? А… а максимум?

— Максимум? — Гутман повернул свою руку ладонью вверх. — Я отказываюсь строить догадки. Рискую прослыть сумасшедшим. Не знаю. Невозможно даже представить, насколько высоко может подняться цена этой птицы, — это, пожалуй, единственное, что можно утверждать наверняка.

Спейд с трудом закрыл рот, едва справившись с безвольно отвисшей нижней губой. Недоуменно потряс головой. В его глазах на миг появилось выражение страха, но его тут же смыло густеющей мутью, застилавшей взор. Опираясь на ручки кресла, он поднялся на ноги. Снова потряс голо-

вой и сделал неуверенный шаг вперед. Хрипло засмеялся и пробормотал:

— Будь ты проклят.

Гутман вскочил, отбросив кресло в сторону. Его округлости подрагивали. На маслянистом розовом лице маленькими дырочками темнели глаза.

Спейд мотал головой из стороны в сторону, пока его безжизненные глаза не остановились на двери. Он сделал еще один неуверенный шаг.

Толстяк резко выкрикнул: «Уилмер!»

Дверь открылась, и появился мальчишка.

Спейд сделал третий шаг. Лицо его посерело. Четвертый шаг он делал уже на согнутых ногах, мутные глаза его почти закрылись. Он шагнул в пятый раз.

Мальчишка подошел к Спейду и остановился чуть сбоку. Правую руку он держал за пазухой. Уголки губ подергивались.

Спейд сумел сделать шестой шаг.

Мальчишка выставил свою ногу на пути Спейда. Спейд споткнулся и грохнулся навзничь. Мальчишка, не вынимая правой руки из-за пазухи, бросил взгляд на Спейда. Спейд силился встать. Мальчишка отвел правую ногу далеко назад и со всей силы ударил Спейда в висок. Удар

перевернул Спейда на бок. Он еще раз попытался встать, не смог и провалился в сон.

14. «Ла Палома»

Выйдя из лифта и свернув в коридор, Спейд увидел, что сквозь матовое стекло двери, ведущей в его контору, пробивается желтый свет. Было начало седьмого утра. Он резко остановился, сжал губы и, оглядевшись, бесшумно приблизился к двери широкими шагами.

Положив руку на набалдашник дверной ручки, он осторожно повернул ее до упора: дверь была заперта. Не отпуская ручки, он сменил руку. Правой рукой он аккуратно и беззвучно вынул связку ключей из кармана. Отделив нужный ключ, он вставил его в замок. Бесшумно. Глубоко вздохнул, раскрыл дверь и вошел.

Эффи Перин спала за своим столом, положив голову на руки. На ней было пальто, а сверху она набросила на себя еще и плащ Спейда.

Спейд, ухмыльнувшись, выдохнул, закрыл дверь и направился к своему кабинету. Кабинет был пуст. Он подошел к девушке и положил руку на ее плечо.

Она пошевелилась, с трудом подняла голову, веки ее дрогнули. Вдруг она села прямо и широко

открыла глаза. Увидела Спейда, улыбнулась, протерла глаза:

— Ты все-таки вернулся? Который час?

— Шесть утра. Что ты здесь делаешь?

Она поежилась, натянула поплотнее плащ и зевнула.

— Ты сам сказал, чтобы я не уходила до твоего возвращения или телефонного звонка.

— Ах, вот оно что, ты, оказывается, сестра того мальчишки, который не покидал горящий корабль, потому что дал «честное слово».

— Я не собиралась… — Она замолчала и резко встала — плащ сполз с ее плеч на кресло. Встревоженно посмотрев на его висок, она воскликнула:

— Что с твоей головой? Что случилось?

Его правый висок вспух и почернел.

— Я даже не знаю, то ли меня избили, то ли я ударился при падении. Ничего серьезного, но болит дьявольски. — Он притронулся к ране пальцами, скривился, мрачно ухмыльнулся сквозь гримасу и пояснил: — Я пошел в гости, там меня накачали наркотиками, и я пришел в себя через двенадцать часов на полу в мужском туалете.

Она протянула руку и сняла с него шляпу.

— Ужасно, — сказала она. — Такую рану на голове надо обязательно показать врачу.

— Ерунда, она только на вид страшная такая; правда, башка раскалывается, но, скорее всего, от дряни, которой меня напоили. — Он подошел к умывальнику в углу комнаты, открыл кран и подержал носовой платок под струей холодной воды.

— Какие новости?

— Ты нашел мисс О'Шонесси, Сэм?

— Еще нет. Какие новости?

— Звонили из окружной прокуратуры. Тебя вызывают туда.

— К самому прокурору?

— Да, так я поняла. Кроме того, приходил мальчишка, он просил передать, что мистер Гутман будет рад поговорить с тобой еще до половины шестого.

Спейд закрыл кран, отжал воду из платка и отошел к столу, прижимая платок к виску.

— Знаю, — сказал он. — Я встретил мальчишку внизу, а разговор с Гутманом кончился для меня вот этим.

— Это тот самый Г., что звонил тебе, Сэм?

— Да.

— И что?..

Спейд смотрел на девушку невидящим взором и говорил словно бы сам с собой:

— Ему надо то, что, как он считает, я могу добыть. Я сумел внушить ему, что помешаю завладеть этой вещью, если он не заключит со мной сделки до половины шестого. Затем... угу... точно... после того, как я сказал ему, что необходимо подождать еще пару дней, он и накормил меня этой гадостью. Едва ли он хотел убить меня. Он, конечно, понимал, что я приду в себя часов через десять-двенадцать. Значит, скорее всего, он собирался заполучить эту вещь за это время без моей помощи. — Спейд нахмурился. — Надеюсь, черт возьми, что он ошибся. — Он стряхнул с себя задумчивость. — Никаких вестей от О'Шонесси?

Девушка покачала головой и спросила:

— Все это как-то связано с ней?

— Как-то связано.

— Эта вещь, которую он ищет, принадлежит ей?

— Ей или королю Испании. Радость моя, у тебя, кажется, есть дядя, который преподает в университете историю или что-то в этом роде?

— Кузен. Ну и что?

— Если мы доверим ему историческую тайну четырехвековой давности, как ты думаешь, сможет он какое-то время держать ее при себе?

— Да, он очень приличный человек.

— Прекрасно. Тогда бери карандаш и бумагу.

Она взяла то и другое и села в свое кресло. Спейд снова намочил платок холодной водой и, прижимая его к виску, встал перед ней и продиктовал ей историю о соколе в том виде, в каком он услышал ее от Гутмана, начиная с дара Карла ордену госпитальеров до прибытия уже покрытой эмалью птицы в Париж вместе с карлистами. Он запинался на именах и иностранных названиях упоминавшихся Гутманом работ; но все-таки сумел произнести их достаточно похоже. Остальной текст он повторил с точностью, которая отличает только очень опытных репортеров.

Когда он закончил, девушка подняла на него свое раскрасневшееся личико и улыбнулась.

— Ужасно интересно, — сказала она. — Это…

— Или ужасно странно. Прочитай рассказ своему кузену, и спроси, что он обо всем этом думает. Доводилось ли ему сталкиваться с чем-нибудь, имеющим отношение к этой истории? Похожа ли она на правду? И, наконец, возможна ли она? Или это чистейшая выдумка? Если ему требуется время — пусть думает, но его предварительную оценку мне необходимо знать немедленно. И, ради бога, пускай он держит язык за зубами.

— Я еду сейчас же, — сказала она, — а ты от-

правляйся к врачу и покажи ему свою голову.

— Сначала мы позавтракаем.

— Нет, я поем в Беркли. Мне не терпится узнать, что Тед думает об этом.

— Хорошо, — сказал Спейд, — только не рыдай, если он поднимет тебя на смех.

Не спеша позавтракав в «Паласе» и прочитав обе утренние газеты, Спейд пошел домой, побрился, принял ванну, потер льдом синяк на виске и надел свежий костюм.

Потом отправился на квартиру Бриджид О'Шонесси в пансионе «Коронет». Там он никого не нашел. Со времени его последнего визита ничего не изменилось.

Оттуда Спейд пошел в «Александрию». Гутмана в отеле не было. Не было и его спутников. Спейд выяснил, что вместе с толстяком живут его секретарь Уилмер Кук и дочь Реа, невысокая, кареглазая, светловолосая девушка лет семнадцати, по мнению обслуживающего персонала — красавица. Спейду сказали, что Гутман и компания прибыли из Нью-Йорка десять дней назад и из отеля пока не выехали.

Из «Александрии» Спейд отправился в «Бельведер» и застал местного детектива в кафе.

— Доброе утро, Сэм. Садись, перекуси. — Детек-

тив уставился на висок Спейда. — Боже, кто тебя так отделал?

— Спасибо, я уже позавтракал, — сказал Спейд, садясь, а затем, имея в виду свой висок, добавил: — Он только выглядит так страшно. Как ведет себя мой Кэйро?

— Он ушел вчера спустя полчаса после тебя, и с тех пор я его не видел. Сегодня он снова не ночевал в отеле.

— Совсем от рук отбился.

— Да, один в таком большом городе… Кто поставил тебе синяк, Сэм?

— Не Кэйро. — Спейд внимательно разглядывал серебряную крышку, прикрывавшую тарелку с тостами. — Мы сможем осмотреть его комнату, пока он гуляет?

— Попробуем. Ты же знаешь, для тебя я все сделаю. — Люк отодвинул от себя чашку кофе, поставил локти на стол и, прищурившись, посмотрел на Спейда. — Но сдается, что ты мне не всегда платишь той же монетой. Скажи честно, что числится за этим парнем, Сэм? Я тебя никогда не подводил.

Спейд оторвал взгляд от серебряной крышки. Его ясные глаза буквально лучились искренностью.

— Знаю, ты надежный парень, — сказал он. — Я от тебя ничего не скрываю. Сразу все выложу начистоту. Я делаю для него кое-какую работенку, но у него есть друзья, которые мне не нравятся, вот поэтому и приходится за ним приглядывать.

— Мальчишка, которого мы выгнали вчера, — один из них?

— Да, Люк, ты угадал.

— И Майлза прикончил тоже один из них?

Спейд покачал головой.

— Майлза убил Терзби.

— А кто убил Терзби?

Спейд улыбнулся.

— Это, кажется, секрет, но тебе я скажу по-приятельски: Терзби, если верить полиции, убил я.

Люк крякнул и встал со словами:

— Никогда не поймешь, что у тебя на уме, Сэм. Пойдем, заглянем в его номер.

Перед тем как подняться наверх, они задержались около портье и Люк договорился, чтобы им позвонили, как только появится Кэйро. Кровать Кэйро была аккуратно застелена, но, судя по бумаге в корзине для мусора, неровно задернутым занавесям и паре мятых полотенец в ванной, горничная еще в номере не убирала.

Багаж Кэйро состоял из квадратного чемодана,

саквояжа и кожаной сумки. Ванная комната была набита косметикой: коробочки, жестяночки, баночки, пузырьки с пудрой, кремом, мазями, духами, лосьонами и помадами. В шкафу, над тремя парами тщательно вычищенных туфель, висели два костюма и плащ.

Саквояж и сумка были не заперты. Пока Спейд осматривал остальные вещи, Люк отпер замки чемодана.

— Пока пусто, — заметил Спейд, копаясь в саквояже. И в чемодане ничего интересного они не обнаружили.

— А что мы ищем? — спросил Люк, запирая чемодан.

— Ничего конкретно. Он говорит, что приехал сюда из Константинополя. Я хочу проверить, так ли это. Пока не нашел ничего, что бы противоречило этому утверждению.

— Чем он занимается?

Спейд покачал головой.

— Меня интересует другое. — Он пересек комнату и наклонился над корзиной для мусора. — Это наш последний шанс. Спейд извлек из корзины газету. Глаза его просветлели, когда он увидел, что это вчерашний номер газеты «Колл». Газета была свернута рекламной полосой наружу.

Ничего примечательного на этой полосе Спейд не нашел.

Развернув газету, он принялся рассматривать страницу, на которой печатались экономические новости, расписание прибытия судов, прогнозы погоды, сведения о новорожденных, бракосочетаниях, разводах и некрологи. В нижнем левом углу было оторвано не менее двух дюймов второй колонки.

Над линией обрыва была короткая заметка:

> Сегодня прибывают:
> 0 час. 20 мин. — «Капак» из Астории.
> 5 час. 05 мин. — «Хелен П. Дрю» из Гринвуда.
> 5 час. 06 мин. — «Альбарадо» из Бандона.

Линия обрыва проходила по следующей строчке, на которой можно было разобрать только слова «из Сиднея».

Спейд положил газету на стол и снова заглянул в мусорную корзину. Он нашел там клочок оберточной бумаги, обрывок бечевки, два ярлыка от трикотажного белья, чек из галантерейного магазина за полдюжины пар носков и, на самом дне, обрывок газеты, свернутый в маленький шарик.

Он осторожно расправил шарик, разровнял его на столе и подставил на место оторванной части газеты. Обрывок совершенно точно подошел, за исключением полудюймового клочочка сверху, сразу вслед за словами «из Сиднея», на котором вполне могли бы поместиться сведения о прибытии шести-семи судов. Спейд перевернул страницу и убедился, что тыльная сторона отсутствующего клочка содержала бессмысленные обрывки биржевой рекламы.

Люк, заглядывая через его плечо, спросил:

— Чего нашел?

— Кажется, наш джентльмен интересуется пароходами.

— Но законом это вроде не запрещается, — произнес Люк, глядя, как Спейд сворачивает газету и засовывает ее в карман пиджака. — Все посмотрел?

— Да. Большое спасибо, Люк. Позвонишь мне, когда он вернется?

— Конечно.

В редакции газеты «Колл» Спейд купил вчерашний номер, открыл газету на странице с расписанием прибытия пароходов и сравнил его с вынутым из мусорной корзины Кэйро. Оторванная часть расписания содержала следующее:

5 час. 17 мин. — «Таити» из Сиднея и Папэете.

6 час. 05 мин. — «Адмирал Типлз» из Астории.

8 час. 05 мин. — «Ла Палома» из Гонконга.

8 час. 07 мин. — «Кэддопик» из Сан-Педро.

8 час. 17 мин. — «Сильверадо» из Сан-Педро.

9 час. 03 мин. — «Дейзи Грей» из Сиэтла.

Он медленно прочитал список, подчеркнул ногтем «Гонконг», вырезал расписание из газеты перочинным ножом, выбросил остатки новой газеты и страницу из газеты Кэйро в мусорную корзину и вернулся к себе в контору.

Там он сел за свой стол, достал телефонный справочник и поднял трубку:

— Кирни — один — четыре — ноль — один, пожалуйста… К какому причалу пришвартовалась «Палома», пришедшая вчера утром из Гонконга? — Он повторил вопрос. — Спасибо.

Подержал большой палец на рычаге телефонного аппарата, отпустил рычаг и сказал в трубку:

— Давенпорт — два — ноль — два — ноль, пожалуйста… Сыскной отдел, пожалуйста… Будьте добры, попросите сержанта Полхауса…. Спасибо… Привет, Том, это Сэм Спейд… Да, я пытался дозвониться тебе вчера… Конечно, давай пообедаем вместе… Хорошо.

Не отрывая трубку от уха, он снова нажал пальцем на рычаг.

— Давенпорт — ноль — один — семь — ноль… Здравствуйте, это Сэмюэл Спейд. Мой секретарь сообщил мне, что вчера от вас звонили — мистер Брайан хочет видеть меня. Узнайте, пожалуйста, какое время ему удобно. Да, Спейд. С-п-е-й-д. — Длинная пауза. — Да… В половину третьего? Хорошо. Спасибо.

Он назвал еще один номер и сказал:

— Здравствуй, дорогая, соедини меня с Сидом… Привет, Сид, это Сэм. Окружной прокурор назначил мне сегодня свидание на половину третьего. Позвони мне — сюда или домой — около четырех, просто, чтобы убедиться, что у меня все в порядке… Плевал я на твой субботний гольф, я плачу тебе деньги за то, чтоб меня не упекли в тюрягу… Хорошо, Сид. Пока.

Он отодвинул от себя телефон, зевнул, потянулся, дотронулся до больного виска, посмотрел

на часы, свернул сигарету и курил в полудреме, пока не пришла Эффи Перин.

Эффи Перин вошла улыбающаяся, раскрасневшаяся, с сияющими глазами.

— Тед говорит, что такое возможно, — начала она свой отчет, — и надеется, что твоя история подтвердится. Он говорит, что в этой области он не специалист, но что все имена и даты верны и что фамилии и работы названных тобой авторов, по меньшей мере, не придуманы. Он даже разволновался.

— Это прекрасно, если, конечно, волнение не мешает ему выносить трезвые суждения.

— На Теда это совсем не похоже. Он прекрасный специалист.

— Угу, вся семья Перин, как я вижу, прекрасные специалисты, включая тебя. Только зачем ты вымазала нос сажей?

— Он не Перин, а Кристи, — она вытащила свое карманное зеркальце. — Это пятно, должно быть, от пожара. — Она стерла его уголком носового платка.

— Энтузиазм семьи Перин — Кристи испепелил Беркли? — спросил он.

Она сделала ему гримаску, припудривая нос розовой пуховкой.

— Когда я возвращалась, в порту горел пароход. Буксиры тащили его в открытый океан, наш паром накрыло дымом.

Спейд положил руки на подлокотники кресла.

— Ты, случайно, не разглядела название парохода? — спросил он.

— Разглядела. «Ла Палома». А в чем дело?

Спейд печально улыбнулся:

— Если бы я только знал, в чем дело, радость моя!

15. Каждый идиот…

Спейд и сержант Полхаус ели студень из свиных ножек в немецком ресторанчике.

Полхаус сказал, с трудом удерживая желе на вилке, которая застыла на полпути между тарелкой и ртом:

— Послушай, Сэм! Забудь о прошлой ночи. Он был не прав, но ведь любой может потерять голову, если его взять в такой оборот.

Спейд задумчиво смотрел на полицейского детектива.

— Ты за этим меня позвал? — спросил он.

Полхаус кивнул, положил желе в рот и проглотил его:

— В основном, за этим.

— Тебя Данди прислал?

Полхаус скривил рот.

— Ты же знаешь, что нет. Он такой же упрямый, как и ты.

Спейд улыбнулся и покачал головой.

— Нет, Том, не такой, — сказал он. — Он только в голову себе вбил, что такой же.

Том ухмыльнулся и вонзил нож в свиную

ножку.

— Ты когда-нибудь повзрослеешь? — проворчал он. — Ну что ты на стенку лезешь? Тебя ж не покалечили! И, в конце концов, твоя взяла. Какой смысл зуб на него точить? Ты просто ждешь неприятностей на свою голову.

Спейд аккуратно положил нож и вилку на тарелку и опустил руки на стол. От его легкой улыбки повеяло холодом.

— Мне неприятностей искать не надо — о том, чтобы они у меня были, похоже, печется каждый фараон в этом городе.

Румянец Полхауса стал заметнее. Он сказал:

— И ты это мне говоришь!

Спейд взял нож и вилку и снова принялся за еду. Полхаус ел молча.

Наконец Спейд спросил:

— Видел горящий пароход в бухте?

— Видел дым. Будь человеком, Сэм. Данди не прав, и он знает это. Почему ты не хочешь спустить это дело на тормозах?

— Может, мне следует найти его и спросить, не очень ли он ушиб свой кулак о мой подбородок?

Полхаус со злостью впился зубами в свиную ножку.

Спейд спросил:

— Фил Арчер больше не заявлялся с новыми обвинениями?

— О черт! Данди никогда и не думал, что ты убил Майлза, но не мог же он не проверить заявление Фила?! Ты бы сделал то же самое на его месте, сам знаешь.

— Вот как? — В глазах Спейда мелькнул зловещий огонек. — Почему он вдруг решил, что Майлза убил не я? Почему ты считаешь, что Майлза убил не я? Или, может, ты этого не считаешь?

И без того красное лицо Полхауса побагровело. Он сказал:

— Майлза застрелил Терзби.

— Это точно?

— Да. Тот револьвер «уэбли» был его, а пуля, убившая Майлза, вылетела именно из того револьвера.

— Ты уверен? — спросил Спейд.

— Вполне, — ответил полицейский детектив. — Мальчишка-посыльный из отеля, где жил Терзби, заметил этот револьвер в его номере в то самое утро. На него нельзя было не обратить внимания — уж очень он необычный. Я таких раньше не видел. Ты же говорил, что их больше не производят. Невозможно, чтобы тут появился второй такой револьвер… и даже если бы появился, то

куда тогда делся револьвер Терзби? А именно из него убили Майлза. — Детектив поднес кусок хлеба ко рту, но затем опустил руку и спросил: — Ты сказал, что видел такие револьверы раньше — где? — Он положил кусок хлеба в рот.

— В Англии, до войны.

— Точно, а я и забыл, что ты был там.

Кивнув, Спейд сказал:

— Тогда на моей совести остается только один Терзби.

Потный багровый Полхаус заерзал на стуле.

— Господи, неужели ты не можешь забыть об этом? — взмолился он. — Это чепуха. Ведь сам знаешь не хуже меня. Ты стал таким обидчивым, что, можно подумать, ты не работаешь сыщиком. Неужели ты никогда не обвинял невиновных в том, в чем мы обвинили тебя?

— Ты хочешь сказать, попытались обвинить меня, Том, только попытались.

Полхаус выругался вполголоса и набросился на остатки свиной ножки.

Спейд сказал:

— Хорошо. Ты знаешь, что это не так, и я знаю, что это не так. А что знает Данди?

— Он тоже знает, что это не так.

— Что это его вдруг осенило?

— Ты же знаешь, Сэм, он никогда серьезно не считал, что… — Улыбка Спейда остановила Полхауса. Не закончив предложения, он сказал: — Мы кое-что нарыли о Терзби.

— Вот как? И кто же он?

Маленькие хитрые глазки Полхауса внимательно следили за выражением лица Спейда. Спейд раздраженно воскликнул:

— Видит бог, вы, умники, намного преувеличиваете мою осведомленность.

— Как бы не так, — проворчал Полхаус. — Впервые полиция столкнулась с ним в Сент-Луисе. Его там несколько раз брали за мелкие делишки, но поскольку он был из банды Игана, никого из них по-серьезному не трогали. Не знаю, почему он отказался от такого мощного прикрытия, но в следующий раз его арестовали в Нью-Йорке за ограбление нескольких карточных притонов — его выдала его же девчонка — и прежде чем Фаллон помог бежать ему, он проторчал год в тюрьме. Через пару лет он сел ненадолго в Джолиете за избиение другой своей девчонки, но потом он связался с Дикси Монаханом и проблем с полицией у него больше не возникало: как брали, так и отпускали. В то время Дикси в игорном бизнесе Чикаго был такая же шишка, как и Ник

Грек. Терзби стал телохранителем Дикси, и, когда Дикси перессорился с другими игроками из-за долга, который не мог или не хотел платить, Терзби убежал из города вместе со своим патроном. Это было года два назад — приблизительно в это время и закрыли гребной клуб «Ньюпорт Бич». Не знаю, чья это работа — Дикси или кого другого. Во всяком случае, с тех пор ни о Терзби, ни о Дикси до этого случая никто ничего не слышал.

— Дикси нигде не выплывал? — спросил Спейд.

Полхаус покачал головой.

— Нет. — Его маленькие глазки смотрели испытующе. — Может, ты его видел или же знаешь кого-нибудь, кто видел его?

Спейд откинулся на стуле и начал сворачивать сигарету.

— Я не видел, — сказал он спокойно. — Я сам все это слышу впервые.

— Как же, — фыркнул Полхаус.

Спейд ухмыльнулся и спросил:

— Где вы разжились биографией Терзби?

— Кое-что нашлось в картотеке. Остальное… ну… собрали по крохам там и сям.

— Например, у Кэйро? — Теперь уже Спейд испытующе сощурил глаза.

Полхаус поставил кофейную чашку на стол и покачал головой.

— От него мы ничего не добились. Ты совсем испортил для нас клиента.

Спейд рассмеялся.

— Ты хочешь сказать, что пара таких первоклассных мастеров, как ты и Данди, не смогла за целую ночь расколоть этого педераста?

— С чего ты взял, что мы держали его целую ночь? — запротестовая Полхаус. — Мы возились с ним всего каких-нибудь пару часов. Убедились, что все зря, и отпустили.

Спейд снова засмеялся и бросил взгляд на часы. Потом кивком подозвал официанта и попросил счет.

— У меня сегодня днем свидание с окружным прокурором, — сказал он Полхаусу, пока они ждали сдачу.

— Он сам вызвал тебя?

— Да.

Полхаус отодвинул стул и поднялся — перед Спейдом стоял высокий флегматичный человек с большим животом.

— Будь другом, — сказал он, — не говори ему о нашем разговоре.

В кабинет окружного прокурора Спейда впу-

стил долговязый юнец с оттопыренными ушами. Спейд вошел, улыбаясь.

— Привет, Брайан!

Окружной прокурор Брайан встал и протянул ему через стол руку. Это был блондин среднего роста и обычной комплекции, лет сорока пяти, с нагловатым взглядом голубых глаз, смотревших сквозь пенсне на черном шнурке, с большим ораторским ртом и ямочкой на широком подбородке. Он ответил на приветствие голосом, полным внутренней силы и уверенности:

— Здравствуй, Спейд.

Они пожали друг другу руки и сели.

Окружной прокурор нажал на одну из четырех розовых кнопок на своем столе, сказал появившемуся в дверях долговязому юнцу: «Попроси ко мне мистера Томаса и мистера Хили», а потом, откинувшись в кресле, добродушно заметил, обращаясь к Спейду:

— У тебя вроде с полицией нелады?

Спейд небрежно махнул правой рукой.

— Ничего серьезного. У Данди нервишки разгулялись.

Дверь открылась, и вошли двое. Один, которому Спейд сказал: «Привет, Томас!», был крепкий загорелый тридцатилетний мужчина, неряшливо

одетый и растрепанный. Он похлопал Спейда по плечу веснушчатой рукой, спросил: «Как жизнь?» — и сел рядом. Второй человек был моложе и невыразительнее. Он сел поодаль, пристроив на коленке стенографический блокнот и держа наготове зеленый карандаш.

Спейд бросил на него быстрый взгляд, хмыкнул и спросил Брайана:

— Все, что я скажу, будет против меня же и использовано?

Окружной прокурор улыбнулся.

— Осторожность никогда не помешает. — Он снял пенсне, посмотрел на него и снова водрузил на нос. Подняв глаза на Спейда, спросил:

— Кто убил Терзби?

Спейд ответил:

— Не знаю.

Брайан подергал черный шнурок от пенсне и сказал многозначительно:

— Возможно, ты и не знаешь, но ведь наверняка можешь сделать удачное предположение.

— Могу, но не буду.

Брови окружного прокурора полезли вверх.

— Не буду, — повторил Спейд невозмутимо. — Удачна будет моя догадка или нет, не имеет значения; миссис Спейд не рожала кретинов,

которые стали бы строить догадки в присутствии окружного прокурора, его заместителя и стенографиста.

— Почему бы тебе и не поделиться с нами своими догадками, если, конечно, тебе нечего скрывать?

— Каждому, — мягко ответил Спейд, — есть чего скрывать.

— Что же ты скрываешь?

— Например, мои догадки.

Окружной прокурор опустил глаза, потом снова посмотрел на Спейда. Посадив пенсне поглубже на нос, сказал:

— Если тебе не нравится, что здесь стенографист, я отошлю его. Я пригласил его исключительно ради удобства.

— Мне он совсем не мешает, — ответил Спейд. — Пусть он зафиксирует все мои показания, и я с удовольствием подпишу их.

— Нам твоя подпись не нужна, — заверил его Брайан. — Мне бы не хотелось, чтобы ты рассматривал нашу встречу как допрос. И, пожалуйста, не думай, что я хоть на миг поверил в теории, которые напридумывали полицейские.

— Не поверил?

— Ничуть.

Спейд вздохнул и закинул ногу за ногу.

— Я очень рад. — Он нащупал в карманах табак и бумагу. — А какая у тебя теория?

Брайан резко наклонился вперед, и глаза его заблестели, словно линзы пенсне.

— Скажи мне, по чьей просьбе Арчер пас Терзби, и я скажу тебе, кто убил Терзби.

Спейд усмехнулся:

— Ты, как и Данди, не там ищешь.

— Ты меня неправильно понял, Спейд, — сказал Брайан, постукивая костяшками пальцев по столу. — Я не хочу сказать, что твой клиент убил Терзби сам или с помощью наемного убийцы, но я действительно утверждаю, что, зная твоего клиента, я достаточно скоро узнаю, кто убил Терзби.

Спейд прикурил сигарету, вынул ее изо рта, выдохнул дым и проговорил озадаченно:

— Что-то я не очень понимаю.

— Не понимаешь? Тогда я поставлю вопрос иначе: где Дикси Монахан?

Лицо Спейда сохранило озабоченное выражение.

— И это не помогает, — сказал он. — Я все равно не понимаю.

Окружной прокурор снял пенсне и потряс им в воздухе для пущей убедительности.

— Мы знаем, — сказал он, — что Терзби был телохранителем Монахана и удрал вместе с ним, когда Монахан уносил ноги из Чикаго. Мы также знаем, что Монахан смылся, не выплатив проигрышей на двести тысяч долларов. Мы не знаем — пока — его кредиторов. — Он снова надел пенсне и мрачно ухмыльнулся. — Но мы знаем, что происходит с профессиональным игроком и его телохранителем, когда их находят кредиторы. Видели, и не раз.

Спейд облизал губы и скривил их в зверской ухмылке. Глаза его сверкали под насупленными бровями, шея багровела над накрахмаленным воротничком. Голос его был низким, хриплым и взволнованным.

— Что ты хочешь сказать? Что я убил его по заданию его кредиторов? Или просто выследил и дал им возможность убить его самим?

— Нет, нет! — запротестовал окружной прокурор. — Ты меня не так понял.

— Надеюсь, — сказал Спейд.

— Он не то имел в виду, — сказал Томас.

— А что он имел в виду?

Брайан замахал рукой.

— Только то, что ты мог ввязаться в это дело, ничего не подозревая. Могло же…

— Понятно, — фыркнул Спейд. — Негодяем ты меня не считаешь. По-твоему, я просто дурак.

— Ерунда, — отозвался Брайан. — Предположим, кто-то нанял тебя найти Монахана, сказав, что он сейчас в Сан-Франциско. Этот «кто-то» мог наврать тебе с три короба, например сказать, что Монахан — его должник, не уточняя деталей. Как ты мог догадаться, что стоит за этим? Почему бы тебе не считать это обычной детективной работой? И тогда ты, конечно, не несешь никакой ответственности за свое участие в этом, если, конечно, — здесь его голос стал выразительнее, а слова медленнее и отчетливее — ты не стал соучастником преступления, скрыв от властей убийцу или же сведения, которые могли привести к его поимке.

Гневные складки на лице Спейда разгладились. В голосе его тоже не было прежнего гнева:

— Ах, вот что ты имел в виду?

— Именно.

— Хорошо. Тогда никаких обид. Но ты ошибаешься.

— Докажи.

Спейд покачал головой.

— Сейчас доказать не могу. Могу просто рассказать.

— Тогда расскажи.

— Меня никто никогда не нанимал, чтобы делать что-либо, связанное с Дикси Монаханом.

Брайан и Томас обменялись взглядами. Снова посмотрев на Спейда, Брайан сказал:

— Но, по твоему собственному признанию, кто-то нанял тебя, чтобы делать что-то, связанное с его телохранителем Терзби.

— Да, с его бывшим телохранителем Терзби.

— Бывшим?

— Да, бывшим.

— По-твоему, Терзби больше не связан с Монаханом? Ты это точно знаешь?

Спейд протянул руку и бросил окурок в пепельницу.

— Я ничего не знаю точно, если не считать того, что мой клиент ни сейчас, ни в прошлом не интересовался Монаханом. Я слышал, что Терзби увез Монахана на Восток и там удрал от него.

Окружной прокурор и его заместитель снова переглянулись.

Томас сказал, стараясь скрыть волнение:

— Это дает делу новый поворот. Друзья Монахана могли поквитаться с Терзби за то, что он бросил Монахана.

— У мертвых игроков друзей не бывает, — ска-

зал Спейд.

— Мы получили две новые версии, — сказал Брайан. Он откинулся на спинку кресла, несколько минут смотрел в потолок, а потом снова сел прямо. Лицо прирожденного оратора просветлело. — Собственно, остались только три возможности. Первая: Терзби убит игроками, которых Монахан надул в Чикаго. Не зная, что Терзби бросил Монахана, или не веря в это, они убили его как сообщника Монахана, или чтобы он не мешал им добраться до Монахана, или же потому, что он отказался вывести их на Монахана. Вторая: его убили друзья Монахана. И третья: Терзби выдал Монахана кредиторам, а потом что-то не поделил с ними, и они убили его.

— Ты не учитываешь еще одной, четвертой, возможности, — сказал Спейд с веселой улыбкой. — А вдруг Терзби умер от старости? Вы что, ребята, серьезно?

Брайан ударил ребром одной руки по ладони другой.

— И тем не менее разгадка находится среди этих трех возможностей. — Теперь он говорил, не пытаясь скрыть свою властную уверенность. Правая рука с вытянутым указательным пальцем поползла вверх, потом чуть вниз и вдруг застыла

на уровне груди Спейда. — И ты можешь дать нам сведения, которые позволят определить, какая из них соответствует действительности.

Спейд протянул лениво:

— Да? — Лицо его сделалось серьезным. Он дотронулся пальцем до нижней губы, посмотрел на него, почесал им свой затылок. Нахмурился. Шумно выдохнул через нос и сердито прорычал: — Тебе не понравятся сведения, которые я могу дать, Брайан. Пользы тебе от них никакой. Они испортят твой сценарий о мести игроков.

Брайан выпрямился и расправил плечи. Говорил он сурово, но не угрожающе.

— Не тебе судить об этом. Прав я или не прав, я пока еще окружной прокурор.

Спейд задрал верхнюю губу так, что показались резцы.

— А я думал, что у нас неофициальная беседа.

— Я служу закону двадцать четыре часа в сутки, — сказал Брайан, — и какой бы ни была беседа, официальной или неофициальной, никто не имеет права скрывать от меня показаний, изобличающих преступника, если, конечно, — он многозначительно кивнул, — у тебя нет для этого достаточных конституционных оснований.

— Ты имеешь в виду, если они не изобличают

меня самого? — спросил Спейд. Голос его был безмятежным, почти насмешливым, чего никак нельзя было сказать о его лице. — У меня есть основания посильнее, а точнее, поудобнее. Мои клиенты имеют право на то, чтобы их дела держались в тайне. Наверное, меня можно заставить дать показания большому жюри или коронеру, но пока меня туда не вызывали, а сам я без крайней нужды не имею ни малейшего желания разглашать секреты моих клиентов. Кроме того, и прокуратура, и полиция обвинили меня в причастности к убийству, произошедшему позавчера ночью. Раньше у меня уже были неприятности и с вами, и с полицией. Насколько я вижу, лучший для меня способ избежать новых неприятностей — это самому привести к вам убийц — естественно, связанных. И единственная моя возможность поймать их, допросить и связать — это держаться от вас и полиции подальше, потому что — и это уже очевидно — вы понятия не имеете, что на самом деле происходит. — Он встал и, повернув голову, спросил стенографиста: — Успеваешь, сынок? Или я слишком быстро говорю?

Стенографист поднял на него испуганные глаза и ответил:

— Нет, сэр, я все успеваю.

— Молодец! — сказал Спейд и снова повернулся к Брайану. — Если ты хочешь обратиться к окружным властям с предложением лишить меня патента на работу, потому что я мешаю отправлению правосудия, валяй. Ты уже однажды пытался это сделать, и тогда над тобой потешался весь город. — Спейд взял шляпу.

Брайан начал:

— Но послушай…

Спейд прервал его:

— С меня хватит неофициальных бесед. Мне нечего сказать ни прокуратуре, ни полиции, и мне до смерти надоело, что каждый идиот, принятый в этом городе на государственную службу, считает своим долгом оскорблять меня, когда ему вздумается. Если у тебя появится желание повидаться со мной, арестовать меня или вызвать в суд, дай знать, и я тут же явлюсь со своим адвокатом.

Он надел шляпу, сказал: «До встречи в официальной обстановке» — и удалился.

16. Третье убийство

Спейд вошел в вестибюль отеля «Саттер» и позвонил в «Александрию». Гутмана не было. Не было и других членов его команды. Спейд позвонил в «Бельведер». Кэйро не появлялся.

Спейд отправился к себе в контору.

В приемной сидел смуглый человек с сальными волосами. Эффи Перин показала на него и сказала:

— Этот джентльмен хочет поговорить с вами, мистер Спейд.

Спейд улыбнулся, поклонился и открыл дверь в свой кабинет.

— Входите. — Прежде чем последовать за посетителем,

Спейд спросил Эффи Перин:

— По другому делу есть новости?

— Нет, сэр.

Смуглый человек оказался владельцем кинотеатра на Маркет-стрит. У него возникли подозрения, что один из кассиров и контролер обманывают его. Спейд заставил его рассказать суть дела, получил с него пятьдесят долларов и

выпроводил — на все это не ушло и получаса.

Когда за посетителем закрылась входная дверь, в кабинет вошла Эффи Перин.

— Ты еще не нашел ее? — спросила она с беспокойством.

Он покачал головой, поглаживая больной висок пальцами.

— Умираешь?

— Да нет, только башка раскалывается.

Она стала за его креслом и своими тонкими пальцами начала осторожно массировать ему виски. Откинув голову на ее грудь, он сказал:

— Ты ангел.

Она наклонилась и заглянула ему в лицо.

— Ты должен найти ее, Сэм. Уже вторые сутки, как она…

Он пошевелился и нетерпеливо прервал ее.

— Я ничего не должен, но если ты позволишь моей проклятой голове отдохнуть еще пару минут, я пойду и найду ее.

Она прошептала: «Бедная головушка» — и продолжала молча гладить ее. Потом спросила:

— Ты знаешь, где она? Или хотя бы догадываешься?

Зазвонил телефон. Спейд поднял трубку:

— Алло… Да, Сид, все обошлось, спасибо… Нет…

Конечно. Он полез в бутылку, но и я тоже… Он вбил себе в голову, что все это из-за войны между профессиональными игроками… При прощании мы, конечно, не целовались. Я выложил ему все, что о нем думаю, и ушел… Это твоя забота… Хорошо. Пока. — Он положил трубку и снова откинулся в кресле.

Эффи Перин отошла от кресла. Став поодаль, она строго спросила:

— Ты знаешь, где она сейчас, Сэм?

— Я знаю, куда она отправилась, — ответил он неохотно.

— Куда?

— На тот пароход, который, судя по твоим словам, горел.

Ее карие глаза расширились от страха.

— Ты там был. — Она не спрашивала, а утверждала.

— Нет, не был, — сказал Спейд.

— Сэм, — негодующе воскликнула она, — ее, может быть, уже…

— Отправилась она туда сама, — сказал он угрюмо. — Ее никто не тащил. Вместо того чтобы поехать к тебе домой, она, узнав о прибытии парохода, отправилась в порт. Так в чем же дело, черт возьми? Может, я должен бегать за клиента-

ми и валяться у них в ногах, чтобы они позволили мне помогать им?

— Но, Сэм, а когда ты узнал, что пароход горит?

— В полдень, и мне еще предстояли встречи с Полхаусом и Брайаном.

Прищурившись, она испепеляла его взглядом.

— Сэм Спейд, — сказала она, — когда тебе хочется, ты можешь быть самым отвратительным из божьих созданий. Из-за того, что она сделала что-то, не посоветовавшись с тобой, ты сидишь здесь и не хочешь помочь ей, а может, и спасти ее…

Лицо Спейда побагровело. Он упорно твердил свое:

— Она вполне может сама позаботиться о себе, и к тому же она знает, куда обратиться за помощью, если вдруг ей взбредет такое в голову.

— Ты просто злишься, — кричала она, — вот и все! Он, видишь ли, обиделся, что она поступила по-своему. А почему бы и нет? Не такой уж ты кристально честный человек, чтобы доверять тебе полностью.

— Хватит об этом.

Она мотнула головой, сжала губы и выдавила из себя:

— Если ты сейчас же не пойдешь туда, Сэм, я сама туда пойду и захвачу с собой полицей-

ских. — Голос ее задрожал, осекся, и она закричала: — Прошу, Сэм, иди!

Он встал, бормоча себе под нос:

— Боже! Это все-таки полегче, чем сидеть здесь и слышать твои завывания. — Он бросил взгляд на часы. — Ты можешь запереть контору и идти домой.

Она ответила:

— Не пойду. Я буду ждать тебя здесь.

Он сказал: «Черт с тобой, жди», надел шляпу, скривился, снял ее и ушел, держа шляпу в руках.

Спейд вернулся через полтора часа, в двадцать минут шестого. Прямо с порога он весело спросил:

— Почему с тобой так трудно ладить, радость моя?

— Со мной?

— Да, с тобой. — Он нажал пальцем на кончик ее носа, потом взял ее под локти, приподнял и поцеловал в подбородок.

Опустив девушку на пол, он спросил:

— Что тут происходило, пока меня не было?

— Звонил Люк из «Бельведера» — его, кажется, так зовут? — и просил передать тебе, что Кэйро вернулся. Это было с полчаса назад.

Спейд тут же посерьезнел, круто повернулся и

метнулся к двери.

— Ты нашел ее? — крикнула девушка.

— Расскажу, когда вернусь, — ответил он и скрылся за дверью.

Через десять минут он уже подъезжал на такси к «Бельведеру». Люка он нашел в вестибюле. Детектив шел ему навстречу, ухмыляясь и качая головой.

— Опоздал всего на пятнадцать минут, — сказал он. — Улетела твоя пташка.

Спейд выругался.

— Выписался и уехал со всеми пожитками, — сказал Люк. Он вытащил из кармана пиджака потрепанную записную книжку, облизал большой палец, полистал странички и протянул открытую книжку Спейду. — Вот здесь номер такси, на котором он уехал. Больше я ничего не мог для тебя сделать.

— Спасибо. — Спейд записал номер такси на конверте. — Куда уехал, не знаешь?

— Нет. Он пришел с большим саквояжем, поднялся к себе, уложил вещи, спустился вниз, оплатил счет и уехал — никто не слышал, что он сказал водителю такси.

Спейд снова пошел в свою контору. Эффи Перин

встретила его вопрошающим взглядом.

— Я упустил его, — буркнул он и скрылся в своем кабинете.

Она отправилась следом. Он сел в кресло и начал сворачивать сигарету. Она села на стол напротив него, поставив ноги на угол его кресла.

— Что с мисс О'Шонесси? — спросила она.

— Ее я тоже упустил, — ответил он, — но она была там.

— На «Ла Паломе»?

— Да, да, да! — крикнул он раздраженно.

— Перестань, Сэм. Будь человеком.

Он прикурил сигарету, опустил зажигалку в карман и сказал спокойно:

— Она пришла туда вчера после полудня. — Он насупил брови. — Она отправилась туда сразу же, как только вышла из такси у Морского вокзала. «Ла Палома» стояла у ближнего причала. Капитана на судне не было. Его зовут Джакоби, и она спросила его, назвав по имени. Он в это время был по делам в городе. Из чего можно заключить, что он не ждал ее, а если и ждал, то, во всяком случае, не в это время. Она дождалась его — он пришел в четыре часа. До ужина они просидели в его каюте, потом вместе поужинали.

Спейд затянулся, стряхнул с губ желтую крошку

табака и продолжал.

— После ужина к капитану Джакоби пожаловали еще трое: Гутман, Кэйро и тот мальчишка, что передал тебе вчера послание от Гутмана. Они пришли, когда Бриджид еще была на борту, и впятером они еще долго беседовали в каюте капитана. Тут версии членов экипажа расходятся, но, кажется, они переругались, и около одиннадцати часов в каюте раздался выстрел. Вахтенный помчался вниз, но рядом с каютой столкнулся с самим капитаном, который сказал ему, что все в порядке. В углу каюты есть свежее пулевое отверстие, которое расположено так высоко, что пуля не могла задеть никого из присутствовавших. Стреляли только один раз. Впрочем, узнать мне удалось совсем немногое.

Он нахмурился и сделал еще одну затяжку.

— Итак, они ушли около полуночи — все вместе: капитан и его четверо гостей — и вроде бы все в добром здравии. Я знаю это от вахтенного. Мне пока не удалось связаться с таможенниками, которые дежурили в ту ночь. Вот, пожалуй, и все. Капитан с тех пор не возвращался. Он не пришел на встречу с грузоотправителями, назначенную сегодня на двенадцать дня, и о пожаре ему еще не сумели сообщить.

— А как возник пожар?

Спейд пожал плечами.

— Не знаю. Пожар обнаружили в кормовой части трюма сегодня утром. Не исключено, что он начался еще вчера. Пожар потушили, хотя ущерб, конечно, немалый. Никто не хотел говорить об этом со мной до возвращения капитана. Это…

Открылась наружная дверь. Спейд сразу же замолчал. Эффи Перин спрыгнула со стола, но вошедший открыл дверь в кабинет еще до того, как она успела подойти к ней.

— Где Спейд? — спросил мужчина.

От его голоса Спейд выпрямился и напрягся. Голос был грубый, тревожно-скрипучий, прерывистый.

Эффи Перин испуганно отскочила в сторону.

Мужчина стоял в дверях, упираясь мягкой шляпой в притолоку: в нем было почти семь футов роста. Худоба его подчеркивалась длинным прямым черным плащом, наглухо застегнутым на все пуговицы. Угловато торчали плечи. Костистое лицо — обветренное и морщинистое — было землистого цвета; на щеках и подбородке блестели капельки пота. Темные, налитые кровью глаза безумно сверкали над отвисшими, обнажившими красную плоть нижними веками. К левому

боку он прижимал перевязанный бечевкой сверток в коричневой бумаге — эллипсоид, размером чуть больше регбийного мяча.

Высокий мужчина стоял в дверях, как слепой, похоже, не видя Спейда. Он начал: «Вы знаете…» — и в этот момент горловое бульканье заглушило слова, которые он собирался произнести. Желтой правой рукой он накрыл столь же желтую левую, которой прижимал к себе сверток. И вдруг, даже не пытаясь вытянуть вперед руки, рухнул навзничь как подкошенный.

Стряхнув с себя оцепенение, Спейд вскочил с кресла и подхватил падающего человека. Изо рта мужчины вытекала струйка крови, а коричневый сверток выпал из рук и покатился по полу, пока не наткнулся на ножку стола. Ноги под мужчиной подкосились, а сам он настолько обмяк, что Спейд более не мог держать его на весу.

Он осторожно положил его левым боком на пол. Широко открытые глаза мужчины — по-прежнему темные и налитые кровью, но уже потерявшие безумный блеск — смотрели в одну точку. Рот был открыт, но кровь из него больше не текла, и все его длинное тело застыло в полной неподвижности.

— Запри дверь, — сказал Спейд.

Пока Эффи Перин, клацая от страха зубами, возилась с замком наружной двери, Спейд встал на колени рядом с тощим человеком, перевернул его на спину и сунул руку ему за пазуху. И тотчас же ее выдернул — она вся была в крови. Вид крови не смутил и не испугал Спейда. Подняв испачканную руку, чтобы ни к чему случайно не прикоснуться, другой рукой он вынул из кармана зажигалку. Крутанув колесико, подержал пламя сначала над одним, а потом и над другим глазом тощего человека. Глаза не шелохнулись.

Спейд задул зажигалку и положил ее обратно в карман. Передвигаясь на коленях вдоль мертвого тела, он чистой рукой расстегнул и откинул полы непромокаемого плаща. Подкладка плаща была мокрой от крови, а двубортный голубой сюртук пропитался ею насквозь. На лацканах сюртука, там, где они сходились на груди, и на обеих полах плаща виднелись залитые кровью рваные дыры.

Спейд поднялся и пошел в приемную, к раковине, вымыть руки.

Эффи Перин, бледная, дрожащая, сохранявшая вертикальное положение только потому, что рукой держалась за ручку двери, а спиной опиралась на ее матовое стекло, прошептала:

— Он… Он???

— Да. В него всадили полдюжины пуль. — Спейд принялся мыть руки.

— Надо же вызвать… — начала она, но Спейд ее прервал:

— Врач уже не нужен, и, прежде чем что-то предпринять, я должен подумать. — Он кончил мыть руки и стал ополаскивать раковину. — Долго ходить с такой начинкой в груди он не мог. Если он… Черт возьми, почему бы ему не постоять еще немного и не рассказать нам хоть что-нибудь? — Он хмуро посмотрел на девушку, снова сполоснул руки и взял полотенце. — Крепись, не хватало только, чтобы тебя сейчас вырвало! — Он бросил полотенце и провел рукой по волосам. — А сейчас посмотрим, что в свертке.

Он возвратился в кабинет, перешагнул через ноги покойника и поднял с пола сверток в коричневой бумаге. Он оказался тяжелый. Вынув перочинный нож, Спейд разрезал бечевку.

Девушка оторвала руку от двери, обошла покойника, стараясь не глядеть на него, и встала рядом со Спейдом. Держась за угол стола, она смотрела, как он снимает бечевку и разворачивает коричневую бумагу; выражение отвращения на ее лице постепенно сменилось взволнованным ожиданием.

— Думаешь, это она? — прошептала девушка.

— Скоро узнаем, — сказал Спейд, снимая своими толстыми пальцами один за другим три слоя грубой серой бумаги, которая оказалась под коричневой. Под серой бумагой оказалась яйцеобразная масса плотно примятой светлой древесной стружки. Когда он снял и эту упаковку, его взору предстала фигурка птицы — не больше фута в высоту, черная как уголь и блестящая, хотя кое-где и присыпанная древесной пылью и стружкой.

Спейд засмеялся. Он накрыл птицу рукой. В его растопыренной пятерне было что-то хозяйское. Другой рукой он обнял Эффи Перин и прижал ее к себе:

— Эта проклятая штука в наших руках, ангел мой.

— Ой, — вскрикнула она, — мне больно.

Он отпустил девушку, сжал черную птицу в руках и стряхнул с нее остатки стружки. Потом, отступив на шаг, приподнял фигурку перед собой и, не скрывая восторга, сдул с нее пыль.

Лицо Эффи Перин исказилось от ужаса, она кричала, показывая пальцем на ногу Спейда.

Спейд посмотрел вниз. Последним шагом он наступил на ладонь покойника, сорвав с нее

немного кожи. Спейд быстро убрал ногу.

Зазвонил телефон.

Спейд кивнул девушке. Она поднесла телефонную трубку к уху и сказала:

— Алло… Да… Кто?.. О, да! — Глаза ее расширились. — Да… Да… Не вешайте трубку… — Рот ее неожиданно расплылся в испуганной гримасе. Она закричала: — Алло! Алло! Алло! — Постучав по рычажку аппарата, она повернулась к Спейду, который уже стоял рядом: — Это была мисс О'Шонесси, — сказала она исступленно. — Она просила позвать тебя. Она сейчас в отеле «Александрия». Она в опасности. Голос ее был… Это ужасно, Сэм!.. Что-то помешало ей договорить. Помоги ей. Сэм!

Спейд положил сокола на стол и нахмурился.

— Сначала я должен заняться этим парнем, — сказал он, ткнув большим пальцем в сторону тощего трупа на полу. Она била его кулаками в грудь и кричала:

— Нет, нет… ты должен идти к ней. Неужели ты не понимаешь, Сэм? У него была ее вещь, и он пришел с ней к тебе. Не понимаешь? Он помогал ей, и они убили его, а теперь она. Ты должен идти!

— Ладно. — Спейд отстранил ее и склонился над столом, упаковывая птицу в опилки, а потом

в бумагу, работал он быстро, сверток получился неуклюжим и большим — Как только я уйду, звони в полицию. Расскажи им, что случилось, но не называй никаких имен. Ты не знаешь. Мне позвонили, и я ушел, но не сказал куда. — Он выругался, когда бечевка запуталась, рывком распутал ее и начал перевязывать сверток. — Забудь об этой штуковине. Расскажи все, как было, но забудь о том, что он пришел со свертком — Спейд пожевал нижнюю губу. — Если, конечно, они не припрут тебя к стенке. Если тебе покажется, что они знают о нем, тогда придется признаться. Но это вряд ли. Если же они все-таки знают, то скажи, что я забрал сверток с собой, не разворачивая. — Он подергал завязанный узел и выпрямился, держа сверток под мышкой. — Значит, запомни. Все случилось так, как случилось, но без этой штуки, если, конечно, они уже не пронюхали о ней. Ничего не отрицай — просто не упоминай. И по телефону говорил я, а не ты. И о людях, связанных с этим человеком, ты ничего не знаешь. Ты ничего не знаешь и о нем, а о моих делах не можешь говорить до моего возвращения. Поняла?

— Да, Сэм. Кто… ты знаешь, кто он?

Спейд ухмыльнулся по-волчьи.

— Угу, — сказал он. — Предполагаю, что это

Джакоби, капитан «Ла Паломы» — Он надел шляпу. Внимательно оглядел мертвеца и всю комнату.

— Быстрее, Сэм, — умоляла девушка.

— Ухожу, — произнес он рассеянно. — Не мешает до прихода полиции убрать с пола стружку. И может, тебе следует дозвониться до Сида. Нет. — Он потер подбородок. — Пока не будем его впутывать в это. Так лучше. Я бы на твоем месте запер дверь до их прихода. — Он отнял руку от подбородка и погладил ее по щеке. — Ты чертовски хороший человек, душа моя, — сказал он и вышел.

17. Субботний вечер

Со свертком под мышкой, украдкой поглядывая по сторонам, Спейд быстро прошел переулком и узким двором от своей конторы до угла Кирни-стрит и Пост-стрит, где остановил такси.

Он доехал до автовокзала «Пиквик-стейдж» на Пятой-улице. Там он сдал птицу в камеру хранения, положил квитанцию в конверт с маркой, прежде чем заклеить, написал на нем «М. Ф. Холланд» и номер абонентного ящика на центральном почтамте Сан-Франциско, а потом опустил конверт в почтовый ящик. Взял еще одно такси и отправился в «Александрию».

Подойдя к номеру 12-К, Спейд постучал. Дверь открылась только после второго стука; открыла ее маленькая светловолосая девушка в блестящем желтом халате; лицо ее было бледным и безжизненным, держась двумя руками за ручку двери, она с трудом выдохнула из себя:

— Мистер Спейд?

Спейд ответил «да» и успел подхватить ее, когда она качнулась.

Одной рукой Спейд перехватил тело девушки

повыше, а другой попытался взять ее за ноги, но она пришла в себя, воспротивилась, и ее полуоткрытые, почти безжизненные губы пробормотали:

— Нет! Не тро… ме…

Тогда Спейд повел ее в комнату. Захлопнув дверь ногой, он стал водить ее по зеленому ковру от стены к стене. Одной рукой он обнимал ее маленькое тело, а другой крепко обхватил ее руку, помогал девушке сохранять равновесие и направлял вперед, стараясь, чтобы ее заплетающиеся ноги все же несли какую-то часть ее веса. Так они и шагали взад и вперед: она — спотыкаясь, неловко, он — твердо и уверенно. Лицо ее было белее мела, глаза закрыты; он же смотрел на все с хмурой сосредоточенностью, стараясь ничего не упустить из виду.

И не переставая монотонно говорил:

— Вот так. Левой, правой, левой, правой. А теперь в другую сторону. Вот так. Раз, два, три, четыре, раз, два три, четыре. — Когда они дошли до стены, он встряхнул ее. — А теперь обратно. Раз, два, три, четыре. Держи голову выше. Вот так. Молодец. Левой, правой, левой, правой. А теперь обратно. — Он опять встряхнул ее. — Умница. Шагай, шагай, шагай, шагай. Раз, два, три, четыре.

А теперь обратно. — Он встряхнул ее сильнее и ускорил шаг. — Вот и чудно. Левой, правой, левой, правой. Мы спешим. Раз, два, три…

Она вздрогнула и шумно сглотнула слюну. Спейд принялся растирать ей руку и бок, потом наклонился к ее уху:

— Чудесно. Молодчина. Раз, два, три, четыре. Быстрее, быстрее, быстрее, быстрее. Хорошо. Шагай, шагай. Вверх, вниз, вверх, вниз. Вот так. Поворачиваем. Левой, правой, левой, правой. Что они с тобой сделали — накачали наркотиком? Дали ту же дрянь, что и мне?

Веки ее дрогнули на миг, но золотисто-карих глаз она так и не открыла. Лишь прошептала еле различимое «да».

Они продолжали ходить по комнате: девушке теперь приходилось чуть ли не бегать; Спейд мял и тер ее кожу сквозь желтый шелк и говорил без остановки, не переставая внимательно следить за ней.

— Левой, правой, левой, правой, левой, правой, поворот. Молодчина. Раз, два, три, четыре, раз, два, три, четыре. Выше голову. Вот так. Раз, два…

Веки снова дрогнули и чуть открылись, обнажив на секунду мутные глаза, зрачки которых вяло двигались из стороны в сторону.

— Прекрасно, — сказал он твердым, уже не монотонным голосом. — Не закрывай. Открой глаза шире… шире! — Он встряхнул ее.

Она застонала и с трудом открыла глаза, хотя взгляд ее оставался мутным. Он поднял руку и несколько раз ударил ее по щекам. Она снова застонала и попыталась вырваться, но другой рукой он продолжал крепко держать ее — они по-прежнему ходили от стены к стене.

— Не останавливайся, — приказал он грубо и тут же спросил: — Кто ты?

Заплетающимся языком она произнесла: «Реа Гутман».

— Дочь?

— Да. — Теперь она уже говорила чуть увереннее.

— Где Бриджид?

Девушка конвульсивно дернулась и схватила его за руку. Он быстро отдернул ее — на тыльной стороне виднелась тонкая красная царапина около дюйма длиной.

— Что за черт? — прорычал он и начал осматривать ее руки. В левой руке не было ничего. Силой раскрыв сжатую в кулак правую, он увидел стальную трехдюймовую булавку с нефритовой головкой. — Что за черт? — снова прорычал он и

сунул булавку ей под нос.

Увидев булавку, она захныкала и распахнула халат. Под ним была кремовая пижама; она откинула левую полу пижамной куртки и показала ему под своей левой грудью красные царапины и точки, оставленные булавкой.

— Не заснуть… ходить… до вашего прихода… Она сказала, вы придете… так долго. — Девушка покачнулась.

Спейд прижал ее сильнее левой рукой к себе и сказал:

— Пошли.

Она попыталась вырваться и снова сумела встать лицом к нему.

— Нет… сказать вам… спать… спасите ее…

— Бриджид? — спросил он.

— Да… ее отвезли… Бер… Берлингейм… двадцать шесть… Анчо… быстрее… будет поздно… — Она уронила голову на плечо.

Спейд грубо схватил ее за подбородок.

— Кто отвез ее туда? Твой отец?

— Да… Уилмер… Кэйро. — Лицо ее исказилось от напряжения, веки дрогнули, но не открылись. — Убьют ее. — Она снова уронила голову, и он снова поднял ее за подбородок.

— Кто застрелил Джакоби?

Она, казалось, не слышала вопроса. Силясь поднять голову и открыть глаза, она промямлила:

— Быстрее… она…

Он зверски тряхнул ее.

— Не засыпай до прихода врача.

От страха у нее открылись глаза и на мгновение прояснился взгляд.

— Нет, нет, — крикнула она хрипло. — Отец… убьет меня… поклянитесь он… не узнает… я сделала… для нее… обещайте… не скажете… спать… хорошо… утром…

Он снова тряхнул ее.

— Ты уверена, что справишься без врача?

— Да. — Голова ее снова упала на плечо.

— Где твоя кровать?

Она попыталась поднять руку, но не смогла. Потом, устало вздохнув, обмякла и начала падать.

Спейд подхватил ее, поднял на руки и, без труда прижимая к груди, направился к ближайшей из трех дверей. Он повернул ручку до отказа, пинком открыл дверь и оказался в коридорчике, который мимо открытой двери ванной вел в спальню. Заглянул в ванную, убедился, что она пуста, и понес девушку в спальню. Там тоже никого не было. Судя по разбросанной одежде и вещам на шифоньере, спальня принадлежала мужчине.

Спейд возвратился с девушкой на руках в комнату с зеленым ковром и попытал удачи в комнате напротив. Он снова оказался в коридорчике и мимо еще одной пустой ванной прошел в спальню, которая, судя по всему, принадлежала даме. Откинув одеяло, он положил девушку на кровать, разул ее, приподнял, чтобы снять желтый халат, поправил подушку под головой и укрыл одеялом.

Открыв окна, посмотрел на спящую. Дышала она тяжело, но достаточно ровно. Он нахмурился и, сжав губы, огляделся. Комната погружалась в сумерки. Он молча постоял минут пять. Наконец, недоуменно пожав своими могучими плечами, вышел, оставив наружную дверь незапертой.

Спейд вошел в здание телефонно-телеграфной компании «Пасифик» на Пауэлл-стрит и попросил телефонистку соединить его с номером «Давенпорт двадцать — двадцать».

— Больницу «Скорой помощи», пожалуйста… Алло, в номере 12-К отеля «Александрия» лежит девушка, которую накачали наркотиками… Да, пошлите кого-нибудь осмотреть ее… Это мистер Хупер из «Александрии».

Он положил трубку на рычаг и рассмеялся. Потом назвал другой номер и сказал в трубку:

— Алло, Фрэнк, это Сэм Спейд… Ты можешь дать мне машину с водителем, который умеет держать язык за зубами? Надо съездить за город… На пару часов… Хорошо. Пусть он поскорее приезжает за мной в закусочную «Джонз» на Эллис-стрит.

Потом попросил соединить его со своей конторой, молча подержал трубку около уха и опустил ее на рычаг.

Оттуда Спейд отправился в закусочную «Джонз», попросил официанта побыстрее принести ему отбивную с жареным картофелем и свежими помидорами, торопливо поел и уже пил кофе и курил сигарету, когда к его столу подошел довольно молодой коренастый человек в клетчатой кепке, надвинутой на светлые глаза. Грубоватое лицо вошедшего осветилось приветливой улыбкой.

— Все готово, мистер Спейд. Она по горло нажралась бензину и урчит от нетерпения.

— Прекрасно. — Спейд проглотил остатки кофе и вышел из закусочной вместе с коренастым человеком. — Знаешь в Берлингейме улицу, переулок или бульвар Анчо?

— Нет, но если она там есть, обязательно найдем.

— Давай так и сделаем, — сказал Спейд, садясь

на переднее сиденье в темный седан. — Нам нужен дом двадцать шесть, и чем скорее, тем лучше, но торжественного прибытия к парадной двери изображать не будем.

— Усек.

Полдюжины кварталов они проехали молча. Наконец водитель сказал:

— Вашего компаньона, я слышал, убили, это верно?

— Угу.

Водитель прищелкнул языком.

— Тяжелая у вас работа. Моя куда спокойнее.

— И таксисты не живут вечно.

— Это верно, — согласился коренастый мужчина, — но неужели мне тоже придется умирать?

Спейд рассеянно смотрел вперед и на все последующие вопросы — пока водитель не оставил попытки завязать беседу — отвечал односложно.

В первой же аптеке Берлингейма водитель узнал, где находится Анчо-авеню. Десять минут спустя он остановил седан около темного перекрестка, выключил фары и махнул рукой вперед.

— Вон там, — сказал он. — На другой стороне, третий или четвертый дом.

Спейд сказал: «Ладно» — и вышел из машины.

— Не глуши мотор. Возможно, уезжать нам

придется в спешке.

Перед вторым от угла домом Спейд остановился. На громадном по сравнению с забором воротном столбе висела табличка из светлого металла, на которой можно было с трудом разобрать цифры 2 и 6. Над ней была прикреплена еще одна табличка. Подойдя вплотную, Спейд разглядел объявление: «Продается и сдается внаем». Ворот между столбами не было.

По бетонной дорожке Спейд подошел к дому. Пару минут постоял неподвижно около крыльца. Из дома не доносилось ни звука. Если не считать еще одной блеклой таблички, прикрепленной к двери, дом выглядел непроницаемо черной большой коробкой.

Спейд поднялся по ступеням к двери и прислушался. Ни звука. Попытался заглянуть внутрь сквозь стекло двери. Хотя занавесок не было, их прекрасно заменял внутренний мрак. На цыпочках Спейд подкрался к одному окну, потом — к другому Непроницаемая тьма. Спейд попытался открыть окна. Они были заперты. Дернул дверь. Тоже заперта.

Спейд спустился с крыльца и, осторожно нащупывая ногой темную незнакомую землю, по зарослям сорняков обошел дом. Боковые окна

были слишком высоки — он не смог до них дотянуться. Задняя дверь и еще одно окно рядом с ней также оказались заперты.

Спейд вернулся к воротам и, прикрывая ладонью огонек зажигалки, рассмотрел получше объявление: «Продается и сдается внаем». На табличке были напечатаны имя и адрес торговца недвижимостью из Сан-Матео, а ниже синим карандашом нацарапано: «Ключ в доме 31».

Спейд возвратился к седану и спросил водителя:

— Фонарик есть?

— А как же?! — Он дал фонарик Спейду. — Помощь нужна?

— Может, и понадобится. — Спейд сел в машину. — Мы сейчас подъедем к дому тридцать один. Фары можешь включить.

Дом тридцать один оказался квадратным серым зданием, стоящим наискосок от двадцать шестого. Окна нижнего этажа были освещены. Спейд подошел к крыльцу и позвонил. Дверь открыла темноволосая девочка лет четырнадцати-пятнадцати. Спейд, поклонившись, сказал с улыбкой:

— Мне нужен ключ от дома двадцать шесть.

— Сейчас позову папу, — сказала она и, крик-

нув: «Папа!» скрылась в доме.

Появился пухлый краснолицый мужчина с лысиной и большими усами, в руках он держал газету.

Спейд сказал:

— Мне хотелось бы получить ключ от двадцать шестого дома.

Пухлый мужчина смотрел на Спейда недоверчиво.

— Электричество отключили, — сказал он. — Вы там ничего не увидите.

Спейд хлопнул себя по карману.

— У меня есть фонарик.

Выражение лица пухлого мужчины стало еще недоверчивее. Он нервно откашлялся и смял в руке газету.

Спейд показал ему свою визитную карточку, сунул ее обратно в карман и тихо произнес:

— У меня есть сведения, что там могут кое-что прятать.

Пухлый мужчина мгновенно оживился.

— Обождите минутку, — сказал он. — Я пойду с вами. Вскоре он возвратился, держа в руках медный ключ с черно-красной биркой. Когда они проходили мимо машины, Спейд позвал водителя, и тот присоединился к ним.

— Кто-нибудь приезжал смотреть дом в последнее время? — спросил Спейд.

— Да вроде бы нет, — ответил пухлый мужчина. — Уже пару месяцев никто не обращался ко мне за ключом.

Мужчина с ключом шел впереди, пока они не поднялись на крыльцо дома двадцать шесть. Тут он сунул ключ в руку Спейда, пробормотал: «Ну вот мы и пришли» — и отступил в сторону.

Спейд отпер дверь и распахнул ее. Тишина и темень. Держа незажженный фонарь в левой руке, Спейд вошел в дом. За ним, не отставая, последовал таксист, а уж потом, на некотором расстоянии, пухлый мужчина. Они обыскали дом от подвала до чердака. В доме никого не было, и все говорило о том, что уже многие недели сюда никто не заходил.

Со словами «Спасибо, путешествие закончено» Спейд вышел из седана напротив «Александрии». В холле он подошел к конторке портье, стоявший за ней высокий молодой человек с загорелым серьезным лицом сказал:

— Добрый вечер, мистер Спейд.

— Добрый вечер. — Спейд отозвал молодого человека в сторону. — Гутманы из 12-К… они у себя?

Молодой человек ответил: «Нет», бросив быстрый взгляд на Спейда. Потом отвернулся в раздумье, снова посмотрел на Спейда и прошептал:

— Странные вещи происходили сегодня вечером с этими Гутманами, мистер Спейд. Кто-то позвонил в больницу «Скорой помощи» и сказал, что в их номере лежит больная девушка.

— А ее там не было?

— Нет, там вообще никого не было. Они все уехали раньше.

Спейд заметил:

— Что поделаешь, какие-то поганцы развлекаются. Спасибо.

Он вошел в телефонную будку, назвал номер и сказал в трубку:

— Алло… Миссис Перин?.. Эффи дома?.. Да, пожалуйста… Спасибо… Привет, ангел мой! Чем порадуешь?.. Прекрасно! Прекрасно! Расскажешь при встрече. Я буду у тебя минут через двадцать… Ладно.

Полчаса спустя Спейд звонил в дверь двухэтажного кирпичного дома на Девятой авеню. Дверь открыла Эффи Перин. Даже улыбка на мальчишеском лице не могла скрыть ее усталости.

— Привет, босс, — сказала она. — Входи. — Понизив голос, добавила: — Если мама что-нибудь

скажет тебе, Сэм, будь паинькой. Она сейчас сама не своя.

Спейд ободряюще ухмыльнулся и похлопал ее по плечу.

Она схватилась за его рукав:

— Мисс О'Шонесси?

— Нет, — рявкнул он. — Меня надули. Ты уверена, что это был ее голос?

— Да.

Он скорчил гримасу.

— Какой-то бред собачий.

Она провела его в гостиную, вздохнула и, устало улыбаясь, плюхнулась на диван.

Он сел рядом с ней и спросил:

— Все в порядке? О свертке не говорили?

— Ни слова. Я рассказала им то, что ты мне велел, и они, видимо, решили, что звонок связан с этим делом и ты гоняешься за убийцей.

— Данди был?

— Нет. Хофф О'Тар и еще кто-то, кого я не знаю. Говорил со мной и начальник окружного полицейского управления.

— В участок тебя таскали?

— О да, и задавали мне тысячу вопросов, но все они были… как бы сказать?.. шаблонными.

Спейд потер ладони.

— Прекрасно, — сказал он и тут же нахмурился, — впрочем, к встрече со мной они придумают много новых. Во всяком случае, вонючка Данди постарается, да и Брайан тоже. — Он повел плечами. — А кто-нибудь еще, кроме полицейских, появлялся?

— Да. — Она выпрямилась. — Приходил мальчишка… тот, что приносил послание от Гутмана. В контору он не входил, но полицейские оставили дверь открытой, и я заметила его в коридоре.

— Ты ему ничего не сказала?

— Нет, конечно. Мы же с тобой договорились! Я не подала виду, что узнала его, и вскоре он исчез.

Спейд ухмыльнулся.

— Тебе чертовски повезло, душа моя, что фараоны пришли раньше.

— Почему?

— Потому что это опасный гаденыш. Убитого действительно звали Джакоби?

— Да.

Спейд пожал ей руку и встал.

— Мне пора бежать. А ты ложись спать. У тебя уже глаза слипаются.

Она поднялась с дивана.

— Сэм, что?..

Он не дал ей договорить, закрыв рот ладонью.

— В понедельник поговорим, — сказал он. — Я хочу улизнуть, пока твоя матушка не устроила мне очередную взбучку за то, что я вымазал в грязи ее чистого ягненочка.

Спейд подошел к своему дому в начале первого ночи. Как только он вставил ключ в дверь парадного, за спиной раздался быстрый перестук женских каблучков. Он отпустил ключ и мгновенно повернулся. По ступеням к нему поднималась Бриджид О'Шонесси. Она не столько обняла его, сколько повисла на нем и, задыхаясь, произнесла:

— О, я думала, ты никогда не придешь! — По ее изможденному, осунувшемуся лицу время от времени пробегала судорога, дрожь била ее с головы до ног.

Свободной рукой Спейд нащупал ключ, открыл дверь и почти внес девушку внутрь.

— Ты ждала меня здесь? — спросил он.

— Да. — У нее перехватило дыхание, поэтому каждое слово она произносила отдельно. — В… подворотне… на… той… стороне.

— Дойдешь сама? — спросил он. — Или, может, тебя донести?

Она покачала головой.

— Все… в порядке… мне… только… надо… сесть.

Они поднялись на лифте и подошли к его квартире. Она отпустила его рукав и стояла рядом, тяжело дыша и прижимая руки к груди, а он тем временем отпирал дверь. Войдя в квартиру, Спейд включил свет в прихожей. Захлопнув дверь, он снова обнял ее одной рукой и повел в гостиную. Неожиданно в гостиной зажегся свет.

Девушка вскрикнула и прижалась к Спейду.

В дверном проеме стоял толстяк Гутман и приветливо улыбался им. Сзади из кухни вышел мальчишка Уилмер. В его маленьких руках черные пистолеты выглядели неправдоподобно большими. Из ванной показался Кэйро. И у него в руке был пистолет.

Гутман сказал:

— Итак, сэр, сами можете убедиться, что все в сборе. Входите, устраивайтесь поудобнее и давайте поговорим.

18. Козел отпущения

Спейд, обнимая Бриджид О'Шонесси, скупо улыбнулся и сказал:

— Отчего же не поговорить?

Гутман сделал три неуклюжих шага назад, освобождая проход. Его жирные складки заколыхались. Спейд и девушка вошли вместе. За ними следом — мальчишка и Кэйро. Кэйро остановился в дверях. Мальчишка спрятал один из своих пистолетов в карман и встал почти вплотную за спиной Спейда.

Спейд изловчился посмотреть через плечо на мальчишку.

— Пошел вон. Меня ты обыскивать не будешь.

Мальчишка сказал:

— Не дергайся. Заткни пасть.

Ноздри Спейда раздувались. Но голос был спокойным.

— Пошел вон. Если ты хоть пальцем дотронешься до меня, без пистолета нам уже не обойтись. Спроси своего босса, щенок, хочет ли он, чтобы меня застрелили еще до разговора.

— Оставь, Уилмер, — сказал толстяк. Он по-

смотрел на Спейда со снисходительной суровостью. — Поразительное упрямство. Что ж, давайте рассаживаться.

Спейд сказал: «Я ведь говорил вам, что этот сопляк мне не нравится» — и провел Бриджид О'Шонесси к дивану. Они сели рядом, она положила голову на его левое плечо, он обнял ее за плечи. Она перестала дрожать и задыхаться.

Гутман опустился в мягкое кресло-качалку. Кэйро сел в кресло у стола. Мальчишка садиться не стал. Он стоял в дверях, там, где ранее стоял Кэйро, держа пистолет дулом вниз, и смотрел из-под густых ресниц на грудь Спейда. Кэйро положил свой пистолет на стол рядом с собой.

Спейд снял шляпу и швырнул ее на другой конец дивана. Ухмыльнулся Гутману. Ухмылка эта, заострявшая и без того угловатые черты, была такой непристойной, что делала его похожим на сатира.

— А у вашей дочери чудный животик, — сказал он. — Но как же вам не жаль царапать такой живот булавками?!

Гутман улыбался вежливо и чуточку елейно.

Мальчишка в дверях сделал шаг вперед и чуть приподнял свой пистолет. Все присутствующие посмотрели на него. Как это ни странно, но в

столь различных взглядах, какими смотрели на мальчишку Бриджид О'Шонесси и Джоэл Кэйро, было совершенно одинаковое неодобрение. Мальчишка зарделся, убрал выставленную ногу, выпрямился, опустил пистолет и встал так же, как раньше, — глядя в грудь Спейда.

Гутман снова повернулся со своей елейной улыбкой к Спейду и вкрадчиво замурлыкал:

— Да, сэр, это позор, но вы должны признать, что цели своей мы достигли.

Спейд нахмурился.

— Зачем такие сложности? Завладев соколом, я сам, естественно, хотел как можно скорее встретиться с вами. Вы платите наличными — чего же еще? Отправляясь в Берлингейм, я ожидал попасть на такую вот встречу. Кто же знал, что вы с получасовым опозданием пытаетесь убрать меня с дороги и мечетесь по городу в надежде найти Джакоби, пока он не нашел меня.

Гутман хихикнул. Казалось, только от удовольствия.

— Что ж, сэр, — сказал он, — так или иначе, наша встреча состоялась, если вы действительно хотели ее.

— Я действительно ее хотел. Как скоро вы можете сделать первый взнос и забрать у меня птицу?

Бриджид О'Шонесси села прямо и с удивлением посмотрела на Спейда. Спейд небрежно похлопал ее по плечу. Он неотрывно смотрел в глаза Гутману. Глаза Гутмана весело поблескивали меж жирных припухлостей.

— Что касается этого, сэр, — начал он и полез во внутренний карман пальто.

Кэйро, вцепившись в свои бедра, наклонился в кресле и тяжело задышал открытым ртом.

Гутман повторил: «Что касается этого, сэр» — и вынул из кармана белый конверт. Десять глаз — даже глаза мальчишки перестали прятаться за ресницами — уставились на него. Вертя конверт в своих пухлых руках, Гутман сначала внимательно посмотрел на совершенно чистую лицевую сторону, а потом на оборотную, не заклеенную, а всего лишь закрепленную маленьким бумажным языком. Потом поднял голову, дружески улыбнулся и бросил конверт на колени Спейду.

Конверт — не очень толстый, но достаточно тяжелый — ударился о живот Спейда и лег ему на колени. Спейд неторопливо поднял его и, сняв руку с плеч девушки, столь же неторопливо открыл. В конверте лежали тысячедолларовые банкноты — гладкие, хрустящие, новые. Спейд вынул их и пересчитал. Банкнот было десять. Он

с улыбкой поднял голову.

— Мы договаривались о бóльшей сумме.

— Да, сэр, договаривались, — согласился Гутман, — но тогда мы только говорили. А это настоящие деньги, звонкая, так сказать, монета. За один доллар наличными вы можете купить больше, чем за десять, о которых только договаривались. — Его припухлости затряслись от беззвучного смеха. Когда жировые складки и шары успокоились, он сказал уже более серьезным голосом: — Нас стало больше. — Движением головы он указал на Кэйро. — И… видите ли, сэр… одним словом… ситуация изменилась.

Пока Гутман говорил, Спейд подровнял пачку банкнот, положил ее в конверт и вставил язычок на место. Теперь, положив локти на колени, он наклонился вперед и, взяв конверт за угол двумя пальцами, болтал им между ногами. Ответ его толстяку прозвучал беззаботно:

— Конечно. Но хоть вы и объединились, сокол все же в моих руках.

Вцепившись уродливыми пальцами в ручки кресла, Кэйро подался вперед и своим тонким голоском чопорно произнес:

— Мне представляется излишним напоминать вам, мистер Спейд, что, хотя сокол и находится в

ваших руках, вы сами, несомненно, находитесь в наших руках.

Спейд ухмыльнулся.

— Я стараюсь не позволять себе волноваться по этому поводу. — Он выпрямился, отложил конверт в сторону, на диван, и обратился к Гутману: — К вопросу о деньгах мы еще вернемся позднее. Есть еще одна проблема, решение которой не терпит отлагательств. Нам нужен козел отпущения.

Толстяк нахмурился, не понимая сказанного, но прежде чем он открыл рот, Спейд уже начал объяснять:

— Полиции необходима жертва… кто-то, на кого они могли бы списать эти три убийства. Мы…

Кэйро прервал Спейда срывающимся взволнованным голосом:

— Два… только два… убийства, мистер Спейд. Нет сомнения, что вашего компаньона убил Терзби.

— Ладно, два, — проворчал Спейд. — Какая разница? В любом случае мы должны скормить полиции одного…

Теперь вмешался Гутман. Он говорил со снисходительной улыбкой и добродушной уверенностью:

— Из того, что мы знаем о вас, сэр, можно с

полной уверенностью заключить: нам нет нужды беспокоиться о таких вещах. Что касается отношений с полицией, мы вполне можем положиться на вас. Вы не нуждаетесь в нашей неквалифицированной помощи.

— Если вы так думаете, — откликнулся Спейд, — значит, вы знаете недостаточно.

— Перестаньте, мистер Спейд. Вам едва ли удастся убедить нас, что вы хоть немного боитесь полиции или что вы не сможете справиться…

Спейд фыркнул, выдохнув воздух одновременно через рот и нос. Согнулся, снова положив локти на колени, и раздраженно прервал Гутмана:

— Я ни капли не боюсь полицейских и знаю, черт возьми, как с ними можно справиться. Именно это я и пытаюсь вдолбить вам. Чтобы с ними справиться, им надо швырнуть жертву, человека, на которого они могли бы повесить все убийства.

— Хорошо, сэр, я допускаю, что это один из возможных путей, но…

— Никаких «но»! — возразил Спейд. — Это единственный выход. — Глаза его под багровеющим лбом горели неподдельным бешенством. Синяк на виске стал темно-каштановым. — Я знаю, о чем говорю. Я выпутывался из таких ситуаций

раньше, надеюсь выпутаться и теперь. В разное время мне приходилось посылать к дьяволу всех, начиная с верховного судьи и ниже. И мне это сходило с рук. Мне это сходило с рук, потому что я никогда не позволял себе забывать, что час расплаты придет. Я никогда не забывал, что, когда придет час расплаты, я должен быть готов прийти в главное полицейское управление, гоня перед собой жертву, и сказать им: «Вот, болваны, ваш преступник». Пока я способен на это, я могу показывать язык любому фараону и плевать на все статьи закона, вместе взятые. Но стоит мне хотя бы один раз промахнуться, они утопят меня в дерьме. Но я пока не промахивался. И не промахнусь. Можете не сомневаться.

Гутман заморгал, и взгляд его на какое-то время потерял свою вкрадчивость, но улыбка на его жирном розовом лице, а также голос совершенно не изменились:

— В вашей системе рассуждения, сэр, много разумного — ей-богу, много! И если бы ее хоть как-нибудь можно было приложить к нашему случаю, я бы первый закричал: «Держитесь ее во что бы то ни стало, сэр». Но в нашем случае она как раз и не применима. Такое случается даже с лучшими из системы. Приходит время,

когда необходимо делать исключения, и мудрый человек их делает. Именно так, сэр, обстоит дело в данном случае, и я вынужден напомнить, что вам хорошо заплачено за то исключение, которое вам придется сделать для нас. Конечно, если вы не сможете передать жертву полиции, забот у вас прибавится, но, — Гутман засмеялся и развел руками, — но вы не тот человек, который боится забот. Вы умеете постоять за себя и всегда, что бы ни случилось, в конце концов оказываетесь на коне. — Он сложил губы бантиком и прищурил глаз. — Вы справитесь, сэр.

Взгляд Спейда стал жестким, лицо суровым.

— Я знаю, о чем говорю, — сказал он тихим, намеренно спокойным тоном. — Это мой город и мои хитрости. Я, конечно, могу остаться на коне и в этот раз, но в следующий, когда кобылка окажется порезвее, меня так остановят, что я наглотаюсь собственных зубов. Меня это не устраивает. Вы, голубки, упорхнете в Нью-Йорк, Константинополь или куда-нибудь еще. А мне здесь жить и дело делать.

— Но вы можете… — начал Гутман.

— Не могу, — сказал Спейд убежденно. — И не буду. Не сомневайтесь. — Он сел прямо. Улыбка смыла суровость с его лица. Он заговорил быстро,

стараясь быть спокойным и убедительным: — Слушайте, Гутман. То, что я предлагаю, выгодно всем. Если мы не дадим полиции козла отпущения, ставлю десять к одному, что рано или поздно они набредут на информацию о соколе. Тогда, где бы вы ни были, вам придется лечь на дно вместе с птичкой, что, согласитесь, не поможет вам сказочно разбогатеть. Дайте им козла отпущения, и они тут же отстанут.

— Вот в этом-то, сэр, и загвоздка, — ответил Гутман, беспокойство которого по-прежнему выдавали одни глаза. — А если не отстанут? А если козел отпущения как раз и выведет их на сокола? С другой стороны, они, по-моему, уже сейчас отстали, и самое лучшее, что мы можем сделать, — это спокойно уйти со сцены.

На лбу Спейда начала надуваться вена.

— Боже! Оказывается, вы тоже ничего не понимаете, — сказал он, сдерживая себя, — они не спят, Гутман. Они притаились и ждут. Попытайтесь понять это. Они знают, что я по уши увяз в этом деле. Все в порядке, пока я в состоянии своевременно предпринять необходимые шаги. Но если нет, мне крышка. — Его голос снова стал убедительно-вкрадчивым. — Послушайте, Гутман, неужели вы не понимаете, что нам совершенно

необходимо подкинуть им жертву? Другого выхода нет. Давайте отдадим им сопляка. — Он кивнул беззлобно в сторону мальчишки в дверях. — Он же на самом деле застрелил и Терзби, и Джакоби — верно? В любом случае он просто создан для такой роли. Давайте соберем необходимые улики и отдадим его.

Мальчишка в дверях сжал уголки губ, могло показаться, что он едва заметно улыбнулся. Никакого другого эффекта предложение Спейда на него вроде бы не произвело. Смуглое лицо Джоэла Кэйро пожелтело. Открыв рот, он уставился на Спейда выпученными от удивления глазами; его женоподобная грудь нервно вздымалась. Бриджид О'Шонесси отпрянула от Спейда и извернулась так, чтобы видеть его лицо. Ее испуганное смятение в любой момент грозило смениться истерическим смехом.

Гутман сидел тихо и невозмутимо, пока вдруг не рассмеялся. Смеялся он долго и от души, в его елейно-приторных глазах плясали веселые искорки. Отсмеявшись, он сказал:

— Ей-богу, сэр, вы большой оригинал, очень большой! — Он вытащил из кармана белый носовой платок и вытер глаза. — Никогда не знаешь, что вы скажете или сделаете в следующий мо-

мент, — одно ясно, нечто потрясающее.

— Не вижу в этом ничего смешного. — Казалось, смех толстяка не произвел впечатления на Спейда. Он говорил так, как говорят с упрямым, но вполне разумным другом. — Это самый лучший выход. Когда полицейские…

— Но, дорогой мой, — возразил Гутман, — неужели вы не понимаете? Если бы я хоть на миг предположил такую возможность… нет, даже простое предположение более чем дико. Я люблю Уилмера как своего родного сына. Поверьте мне. Но если бы я даже на миг предположил такую возможность, что, по вашему мнению, в таком случае удержало бы Уилмера от того, чтобы выложить полиции все, что он знает о соколе и о каждом из нас?

Спейд ухмыльнулся, не разжимая губ.

— Если возникнет нужда, — сказал он мягко, — мы можем пристрелить его при попытке оказать сопротивление во время ареста. Но, я думаю, что так далеко нам заходить не понадобится. Пусть болтает что угодно. Обещаю, что все останется без последствий. Это нетрудно устроить.

Розовый лоб Гутмана покрылся складками. Он наклонил голову, смяв о воротничок свои подбородки, и спросил:

— Как? — Затем с поспешностью, от которой заколыхались все его жировые складки, он поднял голову, повернулся к мальчишке и громогласно захохотал. — Что ты думаешь об этом, Уилмер? Ведь правда забавно?

Темно-каштановые глаза мальчишки горели под густыми ресницами. Он ответил тихо, но отчетливо:

— Да, забавно… сукин сын.

Спейд тем временем говорил с Бриджид О'Шонесси:

— Как ты себя чувствуешь, ангел мой? Тебе лучше?

— Да, гораздо лучше, только, — она так понизила голос, что последние два слова нельзя было расслышать уже в полуметре от нее, — я боюсь.

— Не бойся, — сказал он беспечно и положил ладонь на ее колено в сером чулке. — Ничего страшного не происходит. Хочешь выпить?

— Не сейчас, спасибо. — Она снова понизила голос. — Будь осторожен, Сэм.

Спейд ухмыльнулся и посмотрел на Гутмана, который и сам уже смотрел на него. Толстяк добродушно улыбнулся и, помолчав немного, спросил:

— Как?

Спейд притворился дурачком.

— Что «как»?

Толстяк решил, что здесь уместно еще немного посмеяться, и только потом объяснил:

— Если ваше предложение, сэр… серьезно, то из чувства обычной вежливости мы, по крайней мере, должны выслушать вас. Так как же вы собираетесь устроить, чтобы Уилмер, — здесь он еще раз рассмеялся, — в случае ареста не смог нанести нам вреда?

Спейд покачал головой.

— Нет, — сказал он, — мне бы не хотелось злоупотреблять чьей-либо вежливостью, пусть даже и обычной. Забудем об этом.

Толстяк сморщил свое жирное лицо.

— Ну что вы, что вы! — запротестовал он. — Вы ставите меня в крайне неловкое положение. Мне не следовало смеяться, и самым почтительным и искренним образом я прошу меня простить. Мне бы не хотелось, чтобы у вас, мистер Спейд, создалось впечатление, будто я могу высмеять какое-либо из ваших предложений только потому, что я с ним не согласен, — вы должны знать, сколь глубоко я ценю и уважаю вашу проницательность. Имейте в виду, я не вижу никакой практической пользы в вашем предложении

— даже отвлекаясь от того факта, что я отношусь к Уилмеру, как к родному сыну, — но тем не менее сочту за честь и за добрый знак того, что мои извинения приняты, если вы продолжите и расскажете все до конца.

— Ну что ж, — сказал Спейд, — так и быть, продолжу. Брайан — типичный окружной прокурор. Больше всего он озабочен тем, как выглядит его работа в отчетах. Он скорее закроет глаза на сомнительный случай, чем начнет расследование, которое ему невыгодно. Не знаю, фабриковал ли он дела на тех, кого считал невиновными, но не могу представить, как он заставляет себя поверить в невиновность людей, доказательства виновности которых он вполне способен наскрести. Чтобы наверняка доказать виновность одного преступника, он оставит на свободе полдюжины его сообщников, если они могут спутать ему карты.

— Именно такой вариант, — продолжал Спейд, — мы ему и предложим, и он ухватится за него обеими руками. Он не захочет ничего знать о соколе. Он наизнанку вывернется, лишь бы убедить себя, что все показания сопляка — чушь собачья, попытка запутать дело. Положитесь в этом на меня. Мне не составит труда показать

ему, что если он начнет валять дурака и попытается заарканить всех, то получит такое дельце, в котором ни одно жюри присяжных не разберется, а если он возьмется за сопляка, обвинительный приговор у него в кармане.

Снисходительно улыбаясь, Гутман медленно качал головой из стороны в сторону.

— Нет, сэр, — сказал он, — боюсь, не получится, боюсь, ничего не получится. Не понимаю, как даже ваш окружной прокурор сможет связать вместе Терзби, Джакоби и Уилмера без того, чтобы…

— Вы не знаете окружных прокуроров, — сказал ему Спейд. — С Терзби как раз все просто. Он был бандитом, как и ваш сопляк. У Брайана уже есть версия на этот счет. Тут никаких проблем не будет. И потом, черт возьми, сопляка ведь можно повесить всего один раз! Зачем судить его за убийство Джакоби, когда он уже приговорен к смерти за убийство Терзби? Они просто закроют дело, приплюсовав ему и второе убийство. Если — что, видимо, соответствует действительности — он застрелил обоих из одного оружия, пули это покажут. Все будут счастливы.

— Да, но… — начал Гутман и вдруг замолчал, посмотрев на мальчишку.

Мальчишка отошел от двери на почти негнущихся, широко расставленных ногах и встал между Гутманом и Кэйро посередине комнаты. Он стоял, чуть наклонившись вперед и приподняв плечи. Пистолет он все еще держал дулом вниз, хотя костяшки его пальцев побелели от напряжения. Другая рука была тоже сжата в маленький плотный кулачок. Неистребимая детскость его черт, искаженных холодной яростью и нечеловеческой злобой, придавала всему его облику невыразимо зловещий вид. Задыхаясь от ярости, он сказал Спейду:

— А ну вставай, ублюдок, и вынимай свою пушку!

Спейд смотрел на мальчишку с улыбкой. Улыбка была не очень широкой, но искренней и неподдельно веселой.

Мальчишка сказал:

— А ну вставай, ублюдок, и вынимай пистолет, если ты не трус. Хватит с меня твоих подначек.

Улыбка Спейда стала еще более веселой. Взглянув на Гутмана, он сказал:

— Надо же, какой грозный. — Голос его был столь же весел и спокоен, как и улыбка. — Может, вам стоит сказать ему, что, пока сокол не в ваших руках, стрелять в меня экономически

невыгодно?

Лицо Гутмана пошло пятнами, вымученная улыбка напоминала гримасу. Он облизал свои сухие губы сухим языком. Голос его звучал чересчур хрипло и скрипуче для отеческого наставления, которое он хотел изобразить:

— Что ты, что ты, Уилмер, сейчас же прекрати. Зачем придавать такое значение пустякам? Ты…

Мальчишка, не отрывая взгляда от Спейда, проговорил, яростно скривив губы:

— Тогда заставь его заткнуться. Если он не отвяжется от меня, я пристрелю его, и ничто меня не остановит.

— Что ты, Уилмер, — сказал Гутман и повернулся к Спейду. — Ваш план, сэр, как я сразу же вам и заявил, не имеет никакого практического смысла. Давайте больше не будем говорить о нем.

Спейд переводил взгляд с Гутмана на мальчишку и обратно. Улыбка исчезла с его лица, которое приняло совершенно бесстрастное выражение.

— Я сам решу, о чем мне говорить, — сказал он им.

— Конечно, сами, — быстро вмешался Гутман, — и это одна из черт, которые мне больше всего нравятся в вас. Но план этот, как я уже сказал, не имеет никакого практического смысла,

и, как вы убедились сами, обсуждать его дальше бесполезно.

— Сам я ни в чем не убедился, — ответил Спейд, — а вы убедить меня не смогли и, думаю, не сможете. — Он нахмурился. — Давайте начистоту. Может, я только время теряю, разговаривая с вами, Гутман? Я думал, вы здесь музыку заказываете. Может, мне поговорить с сопляком? У меня уже есть опыт, я это сумею.

— Нет, сэр, — откликнулся Гутман, — вы правы, ведя дело со мной.

— Ладно, — сказал Спейд. — У меня есть еще одно предложение. Оно хуже первого, но все же лучше, чем ничего. Хотите послушать?

— Всенепременно.

— Отдайте им Кэйро.

Кэйро торопливо схватил свой пистолет со стола. Он крепко сжимал его двумя руками. Дуло пистолета было направлено в пол рядом с диваном. Лицо Кэйро снова пожелтело. Черные глаза бегали от одного человека к другому. Они были настолько черными, что казались плоскими, двумерными.

Гутман, словно не веря своим ушам, переспросил:

— Что, простите?

— Сдайте в полицию Кэйро.

Гутман собрался было рассмеяться, но передумал. Наконец неуверенно воскликнул:

— Ну, ей-богу, сэр!

— Это, конечно, хуже, чем отдать им сопляка, — сказал Спейд. — Кэйро не бандит, да и пистолет у него поменьше того, из которого застрелили Терзби и Джакоби. Чтобы сфабриковать улики против него, придется попотеть, но это все же лучше, чем вообще ничего не сдавать в полицию.

Кэйро закричал пронзительным от возмущения голосом:

— А может, мы отдадим вас, мистер Спейд, или мисс О'Шонесси, раз уж вы так хотите отдать им кого-то?

Спейд улыбнулся левантинцу и спокойно ответил:

— Вам всем нужен сокол. Он у меня. Козел отпущения — часть цены, которую я за него назначил. А что касается мисс О'Шонесси, — бесстрастный взгляд Спейда скользнул по ее бледному испуганному лицу и снова вернулся к Кэйро, при этом он едва заметно пожал плечами, — то, если вы думаете, что она подходит для этой роли, я готов обсудить ваше предложение самым тщательным образом.

Девушка схватилась за горло, сдавленно вскрикнула и еще больше отодвинулась от него.

Дергаясь от волнения, Кэйро закричал:

— Вы, кажется, забываете, что в вашем положении опасно на чем-либо настаивать.

Спейд издал грубый издевательский смешок.

Гутман попытался говорить твердо, но дружелюбно:

— Перестаньте, джентльмены, давайте продолжать нашу беседу на дружеской ноте. Но к словам Кэйро, — он уже обращался к одному Спейду, — стоит прислушаться. Вы должны принять во внимание…

— Я ни черта никому не должен. — Спейд бросал слова с той нахальной небрежностью, которая делала их более весомыми, чем любой надрыв или крик. — Если вы убьете меня, то как вы получите птицу? А если я знаю, что вы не можете себе позволить убить меня, не получив птички, то как вы можете запугать меня и заставить отдать ее вам?

Склонив голову набок, Гутман обдумывал вопросы. Глаза его блестели из-под набрякших век. Наконец ответ был готов:

— Видите ли, сэр, кроме убийства и угрозы убийства, есть и другие способы убеждения.

— Конечно, — согласился Спейд, — но пользы от них мало, если они не подразумевают угрозы смерти, которая только и держит жертву в повиновении. Понимаете? Если вы попытаетесь сделать что-нибудь, что мне не понравится, я терпеть не буду. Так что вы либо прекратите это, либо убьете меня, зная, что это непозволительная для вас роскошь.

— Я понимаю вас. — Гутман усмехнулся. — Но подобная тактика, сэр, требует здравого суждения от обеих сторон, поскольку в пылу борьбы люди склонны забывать о своих истинных интересах и позволяют эмоциям возобладать над разумом.

Спейд был сама улыбчивая вежливость.

— В том-то и фокус, — сказал он. — С одной стороны, я стараюсь играть достаточно смело, чтобы держать вас в кулаке, а с другой — слежу за тем, чтобы вы не взбесились и не оторвали мне башку вопреки вашим истинным интересам.

Гутман с восхищением произнес:

— Ей-богу, сэр, вы поразительный человек!

Джоэл Кэйро вскочил с кресла, пробежал мимо мальчишки и встал за спиной Гутмана. Наклонившись к его уху и прикрыв свой рот и ухо толстяка свободной рукой, он зашептал. Гутман слушал внимательно, закрыв глаза.

Посмотрев на Бриджид О'Шонесси, Спейд ухмыльнулся. Она слабо улыбнулась в ответ, но продолжала смотреть столь же оцепенело, как и раньше. Спейд повернулся к мальчишке:

— Ставлю два против одного, что они сейчас продают тебя с потрохами, сынок.

Мальчишка не ответил. Ноги его начали заметно дрожать. Спейд обратился к Гутману:

— Надеюсь, эти горе-головорезы не запугали вас, размахивая пистолетами.

Гутман открыл глаза. Кэйро перестал шептать и выпрямился за креслом толстяка.

Спейд сказал:

— Не бойтесь, пусть размахивают, мне уже приходилось отбирать эти игрушки у обоих, справлюсь и на этот раз. Сопляк помнит…

Задыхаясь от гнева, мальчишка крикнул: «Ну, все!» — и вскинул пистолет.

Гутман вытянул толстую руку, поймал мальчишку за запястье и, приподняв свое тучное тело из кресла-качалки, пригнул руку с пистолетом вниз, в это же время Джоэл Кэйро подбежал к мальчишке и схватил его за другую руку. Они боролись с мальчишкой, пригибая его руки вниз, а он свирепо, но безуспешно сопротивлялся. Из клубка борющихся тел доносились отдельные

слова и выкрики: отрывки бессвязной речи мальчишки — «Ну все… пошел… ублюдок… убью…»; Гутманово — «Ну что ты, что ты, Уилмер!», повторенное многократно; «Пожалуйста, не надо» и «Не делай этого, Уилмер» Джоэла Кэйро.

Спейд встал с дивана и подошел к борющимся. Мальчишка прекратил сопротивление под непомерной тяжестью навалившихся на него людей; Кэйро, все еще держа его за руку, говорил что-то успокаивающее. Спейд осторожно отстранил Кэйро и врезал мальчишке левой по челюсти. Голова его резко откинулась назад и вернулась в прежнее положение, поскольку Гутман и Кэйро продолжали держать его за руки. Гутман начал растерянное «Эй, что?..», а Спейд заехал мальчишке в челюсть правой.

Кэйро отпустил руку мальчишки, и тот сполз на громадный круглый живот Гутмана. Кэйро прыгнул на Спейда и вцепился ему в лицо скрюченными пальцами обеих рук. Спейд фыркнул и оттолкнул от себя левантинца. Кэйро снова наскочил на Спейда. В глазах у него стояли слезы, красные губы сердито кривились, образуя беззвучные слова.

Спейд засмеялся, проворчал: «Ну и петушок!» — и залепил Кэйро пощечину, от которой тот

отлетел к столу. Придя в себя, Кэйро ринулся на Спейда в третий раз. Спейд вытянул вперед руки и уперся Кэйро ладонями в лицо. Не в силах дотянуться до лица Спейда, Кэйро бил Спейда по рукам.

— Хватит, — рыкнул Спейд. — Я вам сделаю «бо-бо».

Кэйро вскричал: «Жалкий трус!» — и отстал.

Спейд нагнулся и поднял с пола пистолеты Кэйро и мальчишки. Выпрямившись, он подцепил их указательным пальцем левой руки за дужки курков, и они повисли, позвякивая, дулами вниз.

Гутман положил мальчишку в кресло-качалку и стоял, глядя на него одновременно растерянно и озабоченно. Кэйро встал на колени перед креслом и принялся растирать безжизненно свисающую руку.

Спейд потрогал подбородок мальчишки.

— Кости целы, — сказал он. — Давайте положим его на диван. — Засунув одну руку ему за спину, а другую — под колени, он без видимых усилий поднял мальчишку и понес к дивану.

Бриджид О'Шонесси торопливо встала, и Спейд положил мальчишку на диван. Правой рукой он ощупал его одежду, нашел еще один пистолет, добавил его к двум другим в левой руке и отвер-

нулся от дивана. Кэйро уже сидел в изголовье.

Спейд звякнул пистолетами и весело улыбнулся Гутману.

— А вот, — сказал он, — и наш козел отпущения.

Лицо Гутмана посерело. Уставившись в пол, он молчал.

Спейд сказал:

— Не валяйте дурака. Вы шептались с Кэйро и держали мальчишку, пока я мутузил его. Смешками вы теперь не отделаетесь — он вас просто пристрелит.

Гутман переступил с ноги на ногу и ничего не ответил.

Спейд продолжал:

— И еще одно. Или вы сейчас говорите мне «да», или я передаю сокола вместе со всей вашей шайкой в руки полиции.

Гутман поднял голову и пробормотал сквозь зубы:

— Мне это не нравится, сэр.

— Вам это действительно не понравится, — согласился Спейд. — Итак?

Толстяк вздохнул, скорчил кислую гримасу и ответил скорбным голосом:

— Можете забирать его.

Спейд сказал:
— Прекрасно.

19. Происки русского

Мальчишка лежал на спине, и, если бы не ровное дыхание, можно было подумать, что жизнь покинула его маленькое тельце. Склонившись над ним, Джоэл Кэйро тер ему щеки и запястья, поглаживал волосы, что-то шептал и тревожно всматривался в белое безжизненное лицо.

Бриджид О'Шонесси стояла в углу между стеной и столом. Прикусив нижнюю губу, она исподтишка поглядывала на Спейда, когда тот не смотрел на нее. Но стоило ему повернуться к ней, как она тут же делала вид, что смотрит на Кэйро и мальчишку.

Лицо Гутмана, погрузившегося в тягостные раздумья, постепенно снова порозовело. Руки он засунул в карманы брюк. Стоя посередине комнаты, он бесстрастно наблюдал за Спейдом.

Спейд, поигрывая пистолетами, кивнул в сторону нагнувшегося Кэйро и спросил Гутмана:

— А с ним проблем не будет?

— Не знаю, — безмятежно ответил толстяк. — Это, сэр, зависит теперь всецело от вас.

Спейд позвал:

— Кэйро.

Левантинец повернул к нему смуглое озабоченное лицо.

Спейд сказал:

— Пусть он немного отдохнет. Мы решили сдать его в полицию. Давайте договоримся о деталях, пока он не пришел в себя.

Кэйро с горечью спросил:

— Вам мало того, что вы уже с ним сделали?

— Мало, — сказал Спейд.

Кэйро встал и подошел к толстяку.

— Пожалуйста, не соглашайтесь, мистер Гутман, — взмолился он. — Вы должны понимать, что…

Спейд прервал его:

— Это решено. Вопрос только в том, что вы сами собираетесь делать? Входите в долю? Выходите из игры?

С чуть печальной и задумчивой улыбкой Гутман все же кивнул.

— Мне это тоже не нравится, — сказал он левантинцу, — но мы уже ничего не можем сделать. Ничего.

Спейд спросил:

— Так что вы решили, Кэйро? Да или нет?

Кэйро облизал губы и медленно повернулся

к Спейду.

— Предположим, — сказал он и поперхнулся. — Я могу?.. Могу я выбирать?

— Можете, — серьезно заверил его Спейд, — но имейте в виду, что, если вы отвечаете «нет», мы сдадим вас в полицию вместе с вашим дружком.

— Ну что вы, мистер Спейд, — запротестовал Гутман, — это не…

— Не такие уж мы идиоты, чтобы позволить ему улизнуть от нас, — сказал Спейд. Либо с нами, либо в тюрьму. Нельзя нам терять контроль над ситуацией. — Он хмуро взглянул на Гутмана и раздраженно крикнул: — Черт бы вас побрал! Ведь не первый раз в жизни воруете?! Экие девственники! Вам осталось только на колени бухнуться и начать молиться! — Он перевел взгляд на Кэйро. — Ну? Так как?

— Вы не оставляете мне никакого выбора. — Кэйро обреченно пожал своими узкими плечами. — Я говорю «да».

— Хорошо, — сказал Спейд и посмотрел на Гутмана и Бриджид О'Шонесси. — Садитесь.

Девушка села осторожно на угол дивана, в ногах лежащего без сознания мальчишки. Гутман снова сел в мягкое кресло-качалку, а Кэйро — в кресло у стола. Спейд положил пистолеты на

стол и сел рядом. Бросив взгляд на свои наручные часы, он сказал:

— Два часа. Сокола я смогу получить, когда рассветет, а может, и чуть позже. Так что у нас уйма времени, чтобы обо всем договориться.

Гутман откашлялся.

— Где он? — спросил он и торопливо добавил: — Вообще-то, сэр, мне это безразлично. Меня беспокоит только вот какое соображение: мне кажется, это в интересах всех присутствующих, чтобы мы не теряли друг друга из виду до завершения нашей сделки. — Он бросил взгляд на диван, а потом с испугом на Спейда. — Конверт у вас?

Спейд покачал головой, взглянув на диван, а потом на девушку. Он улыбнулся одними глазами и сказал:

— Он у мисс О'Шонесси.

— Да, он у меня, — прошептала она, опуская руку в карман своего пальто. — Я подобрала его…

— Все нормально, — сказал ей Спейд. — Держи его у себя. — Потом обратился к Гутману: — Нам нет нужды терять друг друга из виду. Сокола мне могут принести и сюда.

— Это было бы превосходно, — промурлыкал Гутман. — Тогда, сэр, в обмен на десять тысяч

долларов и Уилмера вы дадите нам сокола и час-
другой отсрочки — чтобы мы покинули город к
тому времени, когда вы сдадите его властям.

— Вам нечего прятаться, — сказал Спейд. — Я умею держать язык за зубами.

— Возможно, сэр, но все же нам не хотелось бы находиться в Сан-Франциско, когда ваш окружной прокурор начнет допрашивать Уилмера.

— Как знаете, — ответил Спейд. — Я могу, если хотите, продержать его у себя хоть целый день. — Он начал сворачивать сигарету. — А теперь давайте уточним детали. Зачем он застрелил Терзби? А также почему, где и как он изрешетил Джакоби?

Гутман, качая головой, снисходительно улыбнулся и замурлыкал:

— Ну что вы, сэр, это уж слишком. Мы дали вам деньги и Уилмера. Наша часть соглашения выполнена.

— Я ожидал этого, — сказал Спейд, поднося горящую зажигалку к сигарете. — Я действительно потребовал козла отпущения, но, пока он не загнан в угол, он еще не козел отпущения. А чтобы загнать его туда, я должен знать что к чему. — Он сурово нахмурил брови. — А вы-то почему о нем так печетесь? Если он улизнет, я вам не завидую.

Гутман наклонился вперед и потыкал толстым пальцем в пистолеты, лежавшие на столе около ног Спейда.

— Вот более чем достаточные улики его вины, сэр. И Терзби, и Джакоби были застрелены из этого оружия. Экспертам полицейского управления не составит труда определить, что смертоносные пули вылетели из этих вот стволов. Вы ведь сами только что говорили то же самое. Какие еще доказательства его вины вам требуются?

— Может, вы и правы, — согласился Спейд, — но дело сложнее, чем вам представляется. Я должен знать, что случилось. Как, по вашему мнению, я вывернусь, если отдельные части обвинения почему-либо не будут стыковаться между собой?

— Судя по всему, вы забыли, как совсем недавно сами убеждали нас, что сделать это проще простого, — сказал Кэйро. Он повернул свое возбужденное смуглое лицо к Гутману. — Вы видите! Я советовал вам не делать этого. Я не думаю…

— Сейчас уже никого не интересует, что вы оба об этом думаете, — отрезал Спейд. — Слишком далеко дело зашло, да и вы уже увязли в нем по уши. Так зачем он убил Терзби?

Гутман сцепил пальцы на животе и качнул свое кресло. Его голос и улыбка были откровенно

разочарованными.

— С вами исключительно трудно иметь дело, — сказал он. — И я начинаю думать, что мы совершили ошибку, связавшись с вами. Ей-богу, сэр, совершили ошибку.

Спейд равнодушно махнул рукой.

— Дела ваши не так уж плохи. Вы остаетесь на свободе и получаете сокола. — Он взял сигарету в рот и добавил: — В любом случае, вы теперь знаете, что от вас требуется. Почему он убил Терзби?

Гутман перестал раскачиваться в кресле.

— Терзби был безжалостный головорез и союзник мисс О'Шонесси. Мы понимали, что, убрав его таким образом, мы не только лишаем ее защитника, но и побуждаем задуматься, не лучше ли забыть о существовавших между нами разногласиях. Вы видите, сэр, насколько я чистосердечен с вами?

— Да. Продолжайте в том же духе. Вы допускали, что сокол у него?

Гутман так затряс головой, что его круглые щеки буквально запрыгали.

— Ни на минуту, — ответил он. — Мы слишком хорошо знали мисс О'Шонесси, и, хотя тогда нам еще не было известно, что в Гонконге она отдала сокола капитану Джакоби, чтобы он привез

его сюда на «Паломе», а сама со своим другом поплыла на более быстроходном корабле, мы ни на секунду не сомневались, что, если о местонахождении сокола знает только один из них, это наверняка не Терзби.

Спейд задумчиво кивнул и спросил:

— А прежде чем прикончить его, вы не пытались найти с ним общий язык?

— Да, сэр, разумеется, пытались. Я сам говорил с ним в тот вечер. Уилмер разыскал его за два дня до тех событий и попытался сесть ему на хвост, чтобы выйти на мисс О'Шонесси, но он был чрезвычайно осторожен, даже не зная, что за ним следят. Поэтому в тот вечер Уилмер пошел в его отель, выяснил, что он еще не приходил, и остался ждать его неподалеку. Я думаю, Терзби вернулся в отель сразу же после убийства вашего компаньона. И Уилмер привел его ко мне. Мы ничего не могли поделать с Терзби. Что бы мы ни предлагали, он оставался верен мисс О'Шонесси. Итак, сэр, Уилмер «проводил» его до отеля и сделал то, что сделал.

Спейд на минуту задумался.

— Звучит правдоподобно. А теперь Джакоби.

Гутман серьезно посмотрел на Спейда и сказал:

— Смерть капитана Джакоби всецело на совести мисс О'Шонесси.

Девушка вскрикнула и зажала рот рукой.

Голос Спейда оставался спокойным и твердым.

— Теперь это неважно. Расскажите, что произошло.

Пристально посмотрев на Спейда, Гутман улыбнулся.

— Как прикажете, сэр, — сказал он. — Кэйро, как вы знаете, после посещения вашей квартиры, а потом и полицейского управления стал снова со мной сотрудничать — я послал за ним. Мы решили, что объединение усилий принесет нам взаимную пользу. — Он улыбнулся левантинцу. — Мистер Кэйро — человек тонкого ума. Мысль о «Паломе» именно ему пришла в голову. Увидев в то утро в газетах сообщение о прибытии «Паломы», он вспомнил, что в Гонконге мисс О'Шонесси видели вместе с Джакоби. Кэйро тогда искал мисс О'Шонесси в Гонконге и сначала даже думал, будто она уплыла на «Паломе», правда, потом выяснил, что это не так. Как бы то ни было, сэр, когда он увидел в газете сообщение о прибытии «Паломы», он догадался, что в Гонконге она отдала сокола Джакоби, чтобы тот привез его сюда. Джакоби, конечно, не знал, что он везет, —

мисс О'Шонесси достаточно предусмотрительна.

Он одарил девушку лучезарной улыбкой, два раза качнулся в кресле и продолжал:

— Мистер Кэйро, Уилмер и я нанесли капитану Джакоби визит, причем так удачно, что застали у него мисс О'Шонесси. Во многих отношениях это была очень трудная беседа, но в конце концов к полуночи нам удалось убедить мисс О'Шонесси пойти с нами на соглашение, во всяком случае, нам так казалось. После этого мы покинули корабль и отправились ко мне в отель, где я должен был расплатиться с мисс О'Шонесси и получить птицу. Но, сэр, мы, простые смертные, переоценили свои силы, решив, что можем справиться с ней. En route[3] она, капитан Джакоби и сокол исчезли, как сквозь землю провалились. — Гутман весело рассмеялся. — Ей-богу, сэр, очень тонкая работа.

Спейд взглянул на девушку. Она смотрела на него широко открытыми умоляющими глазами. Он спросил Гутмана:

— Это вы подожгли корабль?

— Нет, специально не поджигали, — ответил толстяк. — Хотя, должен сказать, именно мы —

---

[3] Примечания: 3
По пути *(фр.)*.

точнее, Уилмер — вызвали этот пожар. Пока мы беседовали в каюте капитана, он искал сокола на корабле, видимо, был неосторожен со спичками.

— Это хорошо, — отозвался Спейд. — Если что-нибудь сорвется с Терзби и нам придется предъявить ему обвинение в убийстве Джакоби, мы тогда сможем на него повесить и поджог корабля. Ладно. Так как все-таки он его застрелил?

— Видите ли, сэр, мы метались по городу в поисках исчезнувших и нашли их только сегодня вечером. Впрочем, сначала мы не были уверены, что нашли их. Мы знали наверняка только то, что нашли жилище мисс О'Шонесси. Но, подойдя к двери и прислушавшись, мы убедились, что их там двое, и позвонили. Когда она спросила из-за двери, кто мы такие, и получила наш ответ, то из квартиры послышался звук открываемого окна. Мы, конечно, поняли, что это значит, и Уилмер со всех ног бросился вниз, чтобы перекрыть пожарную лестницу, выходящую во двор. И только он свернул в переулок, как нос к носу столкнулся с Джакоби, который удирал с соколом под мышкой. Ситуация была непростой, но Уилмер сделал все, что мог. Он выстрелил в Джакоби — и не единожды, — но Джакоби оказался крепким орешком: сам не упал и сокола из рук не

выпустил. Разойтись они не могли, Джакоби сбил Уилмера с ног и убежал. И происходило все это, как вы понимаете, при свете дня. Поднявшись на ноги, Уилмер неподалеку увидел полицейского, так что мысль о преследовании Джакоби пришлось оставить. Уилмер нырнул в заднюю дверь соседнего с «Коронетом» здания, оттуда — на улицу и к нам. К счастью, сэр, он все это проделал никем не замеченный.

— Итак, сэр, — продолжал Гутман, — мы снова оказались в тупике. Закрыв окно за Джакоби, мисс О'Шонесси открыла дверь мистеру Кэйро и мне и... — Тут он замолчал, улыбнувшись воспоминанию. — Мы убедили ее — это самое точное слово, сэр, — рассказать нам, что Джакоби по ее просьбе отправился с соколом к вам. Маловероятно, что с такими ранениями он смог дойти до вашей конторы — я уж не говорю, что по пути его могли забрать в полицию, — но это был наш единственный шанс, сэр. И поэтому мы еще раз убедили мисс О'Шонесси оказать нам помощь. Мы... м-м-м... убедили ее позвонить к вам в контору, чтобы выманить вас оттуда до прихода Джакоби, и послали Уилмера за ним вдогонку. К сожалению, у нас ушло слишком много времени на то, чтобы собраться с мыслями и убедить мисс

О'Шонесси…

Мальчишка на диване застонал и повернулся на бок. Несколько раз он открыл и закрыл глаза. Девушка поднялась с дивана и снова встала в угол между столом и стеной.

— …сотрудничать с нами, — закончил поспешно Гутман, — и вы получили сокола еще до того, как мы добрались до вас.

Мальчишка поставил одну ногу на пол, приподнялся на локте, вытаращил глаза, поставил на пол другую ногу, сел и огляделся. Увидев Спейда, он перестал таращить глаза.

Кэйро встал с кресла и подошел к мальчишке. Он обнял его одной рукой за плечи и начал говорить что-то. Мальчишка резко встал, сбросив с себя его руку. Он еще раз оглядел комнату и снова остановил взгляд на Спейде. Лицо его окаменело, тело напряглось так сильно, что, казалось, стало еще меньше.

Спейд сидел на углу стола, беззаботно болтая ногами.

— А теперь послушай меня, малыш, — сказал он. — Если ты подойдешь ко мне и начнешь сучить ручонками, я тебе врежу. Так что садись, молчи, веди себя прилично, и будешь жить долго.

Мальчишка повернулся к Гутману.

Гутман благодушно улыбнулся ему и сказал:

— Видишь ли, Уилмер, мне тяжело терять тебя, и я хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя, как родного сына, но — видит бог! — если теряешь сына, можно родить другого, а мальтийский сокол только один.

Спейд засмеялся.

Кэйро снова подошел к мальчишке и зашептал ему на ухо. Мальчишка, не сводя холодного взгляда ореховых глаз с лица Гутмана, снова сел на диван. Левантинец сел рядом.

Гутман вздохнул, что никак не изменило благодушного выражения его лица. Он сказал Спейду:

— В молодости многого не понимаешь.

Кэйро снова обнял мальчишку за плечи, не переставая шептать ему на ухо. Спейд ухмыльнулся Гутману и обратился к Бриджид О'Шонесси:

— Было бы здорово, если бы ты поискала на кухне что-нибудь поесть для нас и сварила побольше кофе. Хорошо? Я не хочу покидать моих гостей.

— Разумеется, — сказала она и направилась к двери. Гутман перестал качаться.

— Одну минутку, дорогая. — Он вытянул вперед свою толстую руку. — Может, вы все-таки остави-

те здесь конверт? Как бы вам не посадить на него жирное пятно.

Девушка посмотрела вопросительно на Спейда. Он сказал безразличным тоном:

— Конверт все еще принадлежит ему.

Она опустила руку за вырез платья, вынула конверт и протянула его Спейду. Спейд бросил его на колени Гутману со словами:

— Можете сесть на него, если боитесь потерять.

— Вы меня неправильно поняли, — ответил Гутман вкрадчиво. — Я совсем не боюсь, просто дела следует делать по-деловому. — Он открыл конверт, вынул банкноты, пересчитал их и хмыкнул так громко и выразительно, что заколыхался его живот. — Вот, кстати, здесь осталось только девять бумажек. — Он разложил их на своих жирных ляжках. — Когда я передавал его вам, бумажек, как вы сами убедились, было десять. — Улыбался он широко, радостно и торжествующе.

Спейд взглянул на Бриджид О'Шонесси и спросил:

— Ну?

Она выразительно покачала головой. Но ничего не сказала, хотя губы ее беззвучно двигались. Вид у нее был испуганный.

Спейд протянул руку к Гутману, и тот вложил в нее деньги. Спейд пересчитал деньги — девять тысячедолларовых банкноти вернул их Гутману. Потом встал, лицо его приняло непроницаемо спокойное выражение. Он взял три пистолета со стола. Голос его звучал по-деловому:

— Мне необходимо разобраться в этом. Мы, — он кивнул в сторону девушки, не глядя на нее, — идем в ванную комнату. Дверь будет открыта. Чтобы выйти отсюда, если, конечно, не брать в расчет прыжков с четвертого этажа, необходимо пройти мимо этой двери. Лучше не пытайтесь.

— Ну что вы, сэр, — запротестовал Гутман, — нет никакой необходимости угрожать нам подобным образом. Это невежливо, а кроме того, еще и противоречит нашим намерениям — мы совсем не хотим уходить отсюда.

— Я многое узнаю, когда закончу. — Спейд был спокоен, но решителен. — Этот фокус путает мне все карты. Я должен найти ответ. Это займет немного времени. — Он дотронулся до локтя девушки. — Пошли.

В ванной Бриджид О'Шонесси обрела дар речи. Она положила обе руки ему на грудь и, приблизив лицо, зашептала:

— Я не брала этих денег, Сэм.

— А я тебя ни в чем и не подозреваю, — сказал он. — Просто я должен убедиться. Раздевайся.

— Тебе недостаточно моего честного слова?

— Нет. Раздевайся.

— Не буду.

— Ладно. Мы вернемся в комнату, и я заставлю их раздеть тебя.

Она отпрянула, зажав рот рукой. В округлившихся глазах застыл ужас.

— Заставишь раздеть меня? — спросила она, не отнимая руки ото рта.

— Заставлю, — сказал он. — Я должен знать, что случилось с этой банкнотой, и никакая девичья скромность меня не остановит.

— Ты меня не так понял. — Она снова положила руки ему на грудь. — Я не стесняюсь раздеваться перед тобой… понимаешь?.. но не так. Неужели тебе не ясно, что если ты заставишь меня… то убьешь что-то важное между нами?

Спейд не повысил голоса.

— Я ничего такого не знаю. Знаю только, что я должен выяснить, где банкнота. Раздевайся.

Она посмотрела в его немигающие желто-серые глаза, лицо ее на миг порозовело, а потом снова побледнело. Она убрала руку с его груди и начала раздеваться. Он сел на край ванны, наблюдая за

девушкой и за дверью. Из гостиной не доносилось ни звука. Она раздевалась быстро, без заминок, бросая одежду себе под ноги. Раздевшись донага, она отступила в сторону и взглянула на него. В ее гордом взгляде не было ни вызова, ни смущения.

Спейд положил пистолеты на крышку унитаза и, стоя лицом к двери, опустился перед ее одеждой на колено. Он поднимал вещь за вещью, тщательно осматривал и ощупывал ее пальцами. Тысячедолларовой банкноты он не нашел. Закончив осмотр, он встал и протянул ей охапку одежды.

— Спасибо, — сказал он. — Теперь я все знаю.

Она взяла свою одежду, не проронив ни слова. Он поднял пистолеты. Закрыв за собой дверь ванной, вернулся в гостиную.

Гутман улыбался ему дружески из кресла-качалки.

— Нашли? — спросил он.

Кэйро, сидевший на диване подле мальчишки, поднял на Спейда свои темные вопрошающие глаза. Мальчишка не пошевелился. Он сидел, уперев локти в колени и обхватив голову руками, и смотрел в пол.

Спейд сказал Гутману:

— Нет, не нашел. Это ваших рук дело.

Толстяк хмыкнул.

— Моих?

— Да, — ответил Спейд, позвякивая пистолетами. — Сами признаетесь или мне обыскивать вас?

— Обыскивать?..

— Вам придется признаться, — сказал Спейд, — или я обыщу вас. Третьего не дано.

Гутман взглянул на суровое лицо Спейда и громко рассмеялся.

— Ей-богу, сэр, я верю, что вы так и сделаете. Верю. Ну вы и тип, сэр, если вы позволите мне так выразиться.

— Ваших рук дело, — сказал Спейд.

— Да, сэр, моих. — Толстяк вынул мятую банкноту из жилетного кармашка, разровнял ее на громадной ляжке, вынул конверт с девятью купюрами из кармана пальто и положил в него десятую банкноту. — У меня неистребимая тяга к шуткам, и, кроме того, мне было очень интересно посмотреть, как вы поведете себя в такой ситуации. Должен сказать, что вы превосходно выдержали испытание. Никогда не поверил бы, что вы найдете такой простой и убедительный способ дознаться до истины.

Спейд усмехнулся презрительно, но без горечи.

— Таких выходок можно ожидать разве что от ровесников вашего сопляка.

Гутман хмыкнул.

Бриджид О'Шонесси, одетая, как раньше, только без шляпки и пальто, вышла из ванной, сделала шаг в сторону гостиной, передумала, пошла на кухню и включила свет.

Кэйро придвинулся поближе к мальчишке и снова начал шептать ему на ухо. Мальчишка раздраженно пожал плечами.

Спейд, скользнув взглядом по пистолетам в своей руке, посмотрел на Гутмана, вышел в прихожую и остановился около шкафа для одежды. Открыв дверцу шкафа, он положил пистолеты на верхнюю полку, закрыл дверцу, запер ее, опустил ключ в карман брюк и подошел к кухонной двери.

Бриджид О'Шонесси возилась с алюминиевой кофеваркой.

— Все нашла? — спросил Спейд.

— Да, — ответила она холодно, не поднимая головы. Потом отставила кофеварку в сторону и подошла к двери. Щеки ее зарделись, в укоряющих больших глазах стояли слезы. — Напрасно ты так со мной, Сэм, — сказала она тихо.

— Я должен был выяснить, ангел. — Он на-

клонился, поцеловал ее в губы и вернулся в гостиную.

Гутман улыбнулся Спейду и, протягивая ему белый конверт, сказал:

— Скоро он будет ваш; можете взять его прямо сейчас.

Спейд конверт не взял. Сев в кресло, он сказал:

— У нас еще много времени. Мы пока не договорились о деньгах. Десяти тысяч долларов мало.

— Десять тысяч — немалые деньги, — сказал Гутман.

— Вы верно цитируете меня, — ответил Спейд, — но бывают суммы и побольше.

— Да, сэр, бывают. Здесь вы правы. Но это немалые деньги, особенно если учесть, что вы получаете их за несколько дней весьма несложной работы.

— Вам кажется, что мне все далось очень просто? — спросил Спейд, пожимая плечами. — Впрочем, может, так оно и было, но это уже мое дело.

— Разумеется, — согласился толстяк. Скосив глаза, он кивнул в сторону кухни и понизил голос:

— Вы берете ее в долю?

— Это тоже мое дело, — сказал Спейд.

— Разумеется, — еще раз согласился толстяк, — но, — он заколебался, — хотите совет?

— Валяйте.

— Если вы дадите… беру на себя смелость утверждать, что какие-то деньги вы дадите ей в любом случае… так вот, если вы дадите ей меньше, чем она, по ее мнению, заслуживает, мой вам совет… берегитесь.

Спейд смотрел на него издевательски участливо.

— Может обидеться? — спросил он.

— Непременно, — ответил толстяк.

Спейд ухмыльнулся и начал сворачивать сигарету.

Спейд прикурил сигарету и обратился к Гутману:

— Давайте поговорим о деньгах, — сказал он, прикурив.

— С превеликим удовольствием, сэр, — откликнулся толстяк, — но должен честно предупредить, что, кроме этих десяти тысяч долларов, у меня сейчас нет ни цента.

Спейд выдохнул дым.

— Мне следовало получить двадцать тысяч.

— Воистину так. И я бы с радостью дал их вам, но десять тысяч долларов — это все, что я мог

собрать, клянусь честью. Разумеется, сэр, вы понимаете, что это только первый взнос. Позднее…

Спейд засмеялся.

— Я знаю, что позднее вы заплатите мне миллион, но давайте пока сосредоточимся на первом взносе. Пятнадцать тысяч?

Гутман улыбнулся, нахмурился, покачал головой.

— Мистер Спейд, я вам искренне, чистосердечно, поклявшись честью джентльмена, сказал, что десять тысяч долларов — это все, чем я сейчас располагаю, до последнего пенни.

— Без дураков?

Гутман рассмеялся и ответил:

— Без дураков.

Спейд мрачно проворчал:

— Паршиво, но раз уж это все, что у вас есть, отдайте-ка их мне.

Гутман протянул ему конверт. Спейд пересчитал деньги, и в тот момент, когда он опускал его в свой карман, в комнату с подносом в руках вошла Бриджид О'Шонесси.

Мальчишка от еды отказался. Кэйро ограничился чашкой кофе. Девушка, Гутман и Спейд поели яичницы, ветчины, тостов и джему и выпили по две чашки кофе. Потом все устроились

коротать остаток ночи.

Гутман закурил сигару и принялся читать «Знаменитые уголовные преступления в США», изредка посмеиваясь или комментируя забавлявшие его отрывки. Мальчишка до начала пятого сидел, обхватив голову руками. Потом он лег на диван ногами к Кэйро, лицом к окну и заснул. Бриджид О'Шонесси дремала в кресле у стола, слушала комментарии толстяка или вела со Спейдом разговоры ни о чем.

Спейд сворачивал и курил сигареты. Он был бодр, весел и полон сил.

В половине шестого он пошел на кухню и сварил еще кофе. Около шести мальчишка заворочался, проснулся и, зевая, сел на диване. Гутман, посмотрев на часы, спросил Спейда:

— Вы уже можете получить сокола?

— Дайте мне еще час.

Гутман кивнул и возвратился к чтению книги. В семь часов Спейд подошел к телефону и назвал телефонистке номер Эффи Перин.

— Алло, миссис Перин?.. Это мистер Спейд. Позовите, пожалуйста, Эффи к телефону… Да, важно… Спасибо. — Он тихо просвистел две строчки из песенки «En Cuba». — Привет, ангел мой. Извини, что разбудил… Да, очень. Слушай

внимательно: в нашем абонентном ящике на центральном почтамте лежит конверт на имя Холланда, надписанный моим почерком. В конверте найдешь квитанцию камеры хранения на автостанции «Пиквик-стейдж» — я сдал туда сверток, который мы с тобой получили вчера. Забери его, пожалуйста, оттуда и принеси ко мне… Да, домой… Умница, только поторопись… Пока.

Без десяти восемь задребезжал звонок парадного. Спейд подошел к переговорному устройству и нажал на кнопку, открывающую замок. Гутман отложил книгу и, улыбаясь, встал с кресла.

— Вы не возражаете, если я провожу вас до двери? — спросил он.

— Валяйте, — ответил Спейд.

Гутман пошел за ним к входной двери. Спейд открыл дверь в тот момент, когда Эффи Перин выходила из лифта с коричневым свертком. Ее мальчишеское лицо светилось радостью, шла она почти вприпрыжку. На Гутмана она даже и не взглянула. Улыбнулась Спейду и протянула ему сверток.

Он взял его со словами:

— Большое спасибо, сударыня. Сожалею, что испортил вам день отдыха, но…

— Это далеко не первый день отдыха, что вы

мне испортили, — ответила она со смехом и, когда стало ясно, что он не пригласит ее в дом, спросила: — Могу я еще чем-нибудь помочь?

Он покачал головой.

— Нет, спасибо.

Она сказала: «До свидания» — и направилась к лифту.

Спейд закрыл дверь и отнес сверток в гостиную. Лицо Гутмана пошло пятнами, щеки дрожали. Как только Спейд положил сверток на стол, к столу подошли Кэйро и Бриджид О'Шонесси. Оба не скрывали волнения. Мальчишка, бледный и одеревеневший от напряжения, поднялся на ноги, но остался у дивана, из-под пушистых ресниц наблюдая оттуда за другими.

Спейд отошел от стола со словами:

— Ну вот, прошу.

Толстые пальцы Гутмана быстро расправились со шпагатом, бумагой и стружкой, и вскоре он уже держал в руках черную птицу.

— Ага, — сказал он хрипло, — семнадцать лет я охотился за тобой. — В его глазах стояли слезы.

Кэйро облизал красные губы и сжал руки. Девушка закусила нижнюю губу. Она, Кэйро, Гутман, Спейд и мальчишка — все дышали тяжело. Воздух в комнате был холодный, спертый,

прокуренный.

Гутман снова поставил птицу на стол и пошарил в своем кармане.

— Это она, — сказал он, — но все-таки проверим. — На его круглых щеках заблестел пот. Когда он вынимал из кармана и открывал золотой перочинный ножичек, пальцы его дрожали.

Кэйро и девушка стояли рядом, слева и справа от Гутмана. Спейд отступил в сторону — так он видел одновременно и мальчишку, и сгрудившихся у стола.

Гутман перевернул птицу вверх дном и несколько раз царапнул ножом край ее основания. Черная эмаль осыпалась маленькими завитками и обнажила потемневший металл. Острием ножа Гутман ковырнул металл, вырезав тонкую изогнутую стружку. Внутренний край стружки и узкий след от ножа на основании блестели мягким серым свинцовым оттенком.

Гутман задышал со свистом. Лицо его налилось кровью. Он перевернул птицу и ударил ее ножом по голове. И на голове нож уткнулся в свинец. Он выронил нож и птицу, которые со стуком упали на стол, и повернулся к Спейду.

— Подделка, — сказал он хрипло.

Лицо Спейда помрачнело. Он медленно кивнул

и быстро схватил Бриджид О'Шонесси за руку. Он притянул ее к себе и грубо приподнял ее лицо.

— Хорошо, — прорычал он ей в лицо. — Вот и ты подшутила над нами. А теперь рассказывай.

Она закричала:

— Нет, Сэм, нет! Это та самая птица, которую я взяла у Кемидова. Я клянусь…

Джоэл Кэйро протиснулся между Спейдом и Гутманом, и слова полились из него визгливым потоком:

— Точно! Точно! Это Кемидов! Как я раньше не догадался! Мы считали его дураком, а он всех нас одурачил! — По щекам Кэйро текли слезы. — Ты испортил все дело! — завизжал он на Гутмана. — Ты испортил все идиотской попыткой купить у него птицу! Жирный идиот! Ты подсказал ему, что птица ценная, и надоумил выяснить, насколько она ценна, и подсунуть нам копию! Теперь понятно, почему ее так легко было украсть! Теперь понятно, почему он с такой готовностью услал меня искать ее по миру! Кретин! Жирный идиот! — Он зарыдал, закрыв лицо руками.

Челюсть Гутмана отвисла. Он тупо моргал, глядя в пустоту. Потом потряс головой — и, едва унялось колыхание его жировых складок, он уже снова был веселым общительным толстяком.

— Перестаньте, сэр, — сказал он добродушно, — зачем вы так?! Каждый может ошибиться, и, поверьте, для меня это не менее суровый удар, чем для любого из нас. Да, это происки русского, в этом нет никакого сомнения. Так что же вы, сэр, предлагаете? Стоять здесь, обливаясь слезами, и обзывать друг друга? А может, лучше, — он сделал здесь паузу, улыбнувшись, как херувим, — отправиться в Константинополь?

Кэйро отнял руки от лица и застыл, вытаращив глаза. Потом произнес, заикаясь:

— Так вы?.. — Удивление его было так велико, что он не смог закончить фразу.

Гутман потер свои пухлые руки. Голос его снова превратился в самодовольное горловое мурлыканье.

— За этой фигуркой я гоняюсь уже семнадцать лет. Если мне придется потратить на это еще один год… ну что ж, сэр… это выльется в дополнительную трату времени, равную всего, — подсчитывая, он молча шевелил губами, — пяти и пятнадцати семнадцатым процента.

Левантинец хихикнул и закричал:

— Я еду с вами!

Спейд вдруг отпустил запястье девушки и оглядел комнату. Мальчишки не было. Спейд вышел в

прихожую. Входная дверь была открыта настежь. Спейд скорчил гримасу, закрыл дверь и вернулся в гостиную. Прислонившись к дверному косяку, он наблюдал за Гутманом и Кэйро. Посмотрев на Гутмана долгим хмурым взглядом, он произнес, подражая его горловому мурлыканью:

— Видите ли, сэр, должен вам сказать, что вы самая обычная шайка воров.

Гутман хихикнул.

— Нам нечем пока хвалиться, сэр, это факт, — сказал он. — Но мы все пока живы, и нет никакого смысла считать, что мир пошел прахом только потому, что мы столкнулись с небольшим препятствием. — Он вытащил из-за спины левую руку и протянул ее к Спейду розовой бугристой ладонью вверх. — Вынужден попросить у вас конверт обратно, сэр.

Спейд не пошевелился. Он сказал с каменным лицом:

— Свою часть договоренности я выполнил. Вы получили свою птицу. Я не виноват, что она оказалась не той, о которой вы мечтали, что вам не повезло.

— Ну зачем же так, сэр? — сказал Гутман наставительно. — Нам всем не повезло, и неразумно ожидать, что основная тяжесть этого невезения

должна лечь на плечи одного из нас, и... — он вытащил из-за спины правую руку, в которой держал маленький пистолет, украшенный серебром и золотом и инкрустированный перламутром. — Короче говоря, сэр, вынужден попросить вас вернуть мне мои десять тысяч долларов.

Ни один мускул не дрогнул на лице Спейда. Он пожал плечами и вытащил конверт из кармана. Прежде чем отдать его Гутману, подумал, открыл конверт и вынул оттуда одну банкноту. Положив ее в карман, закрыл конверт и протянул его Гутману.

— Этого должно хватить на оплату потраченного времени и погашение расходов, — сказал он.

Немного поколебавшись, Гутман, передразнивая Спейда, пожал плечами и взял конверт.

— А теперь, сэр, — сказал он, — мы попрощаемся с вами, если только, — жировые валики вокруг его глаз съежились, — вы не едете с нами в Константинополь. А почему бы вам и не поехать? Честно говоря, сэр, я бы хотел иметь вас рядом. Я люблю таких людей, как вы, — предприимчивых и рассудительных. Именно на вашу рассудительность я и рассчитываю, выражая уверенность, что вы сохраните в тайне все детали нашего маленького предприятия. Вы не можете

не понимать, что любые юридические трудности, с которыми мы можем столкнуться в связи с последними событиями, в равной степени коснутся вас и очаровательной мисс О'Шонесси. Вы слишком умны, чтобы не понимать этого, сэр.

— Понимаю, — ответил Спейд.

— А я и не сомневался. Я настолько в вас уверен, что сейчас, когда у вас нет другой возможности, понимаю, что вы справитесь с полицией и без козла отпущения.

— Справлюсь, — ответил Спейд.

— А я и не сомневался. Ну что ж, сэр, как говорят, «уходя — уходи». Прощайте. — Он церемонно поклонился. — И вы, мисс О'Шонесси, прощайте. Rara avis[4] я оставляю вам на память.

---

[4] Примечания: 4
Редкая птица *(лат.)*.

20. Если тебя повесят

Целых пять минут после того, как Каспер Гутман и Джоэл Кэйро вышли из парадного, Спейд стоял неподвижно, хмуро уставившись из-под насупленных бровей на ручку открытой двери. Складки у крыльев носа обозначились резче и покраснели. Он вытянул губы и чуть надул их. Вдруг решительно сжал их и шагнул к телефону На Бриджид О'Шонесси, которая стояла у стола, с беспокойством наблюдая за ним, он даже не взглянул.

Он взял телефон в руки, снова поставил его на полку и нагнулся к телефонной книге. Быстро перелистав страницы, нашел нужную, провел пальцем по колонке цифр, выпрямился и снова взял в руки телефонный аппарат. Назвав номер, спросил:

— Алло, сержант Полхаус на месте?.. Позовите его, пожалуйста. Это Сэмюэл Спейд... — Ожидая, он задумчиво смотрел в никуда. — Привет, Том. У меня есть кое-что для тебя... Да, целый мешок. Значит, так: Терзби и Джакоби застрелены мальчишкой, которого зовут Уилмер Кук. — Он

тщательно описал молодого человека. — Мальчишка работает на Каспера Гутмана. — Он описал Гутмана. — Тип по имени Кэйро, которого вы застали у меня, тоже с ними… Да, верно… Гутман живет, или жил, в номере 12-К отеля «Александрия». Они только что ушли от меня, и вам надо пошевеливаться — они смываются из города; впрочем, погони за собой они не ожидают… С ними работает еще и девушка — дочь Гутмана. — Он описал Реа Гутман. — Будь осторожен с мальчишкой. Он, судя по всему, превосходно владеет огнестрельным оружием… Ты прав. Том, есть у меня и кое-какие вещественные доказательства. Например, пистолеты, из которых он, видимо, стрелял в Терзби и Джакоби… Верно. Не теряй времени — и удачи тебе!

Спейд медленно положил трубку на рычаг, а телефон — на полку. Облизал губы и бросил взгляд на свои руки. Ладони его взмокли. Он глубоко вздохнул, повернулся и в три больших быстрых шага оказался в гостиной.

Бриджид О'Шонесси, испуганная его неожиданным появлением, нервно засмеялась.

Высокий мощный мускулистый Спейд, стоя лицом к лицу с Бриджид О'Шонесси, сказал с суровым видом и холодной улыбкой:

— Как только их схватят, они заговорят — о нас. Мы сидим на пороховой бочке, до прихода полиции остались считанные минуты. Выкладывай все — быстро! Гутман послал тебя и Кэйро в Константинополь, так?

Она начала говорить, остановилась и прикусила губу.

Он положил ей руку на плечо.

— Черт бы тебя подрал, говори! Мы в одной лодке, и выпрыгнуть я тебе не позволю. Говори. Он послал тебя в Константинополь?

— Д-да, послал. Там я встретила Джо и… и попросила его помочь мне. Потом мы…

— Подожди. Ты попросила Кэйро помочь тебе стащить птицу у Кемидова?

— Да.

— Для Гутмана?

Она снова замолчала в нерешительности, поежилась под его грозным, пугающим взглядом, сглотнула и сказала:

— Нет, тогда нет. Мы думали, что достаем ее для себя.

— Хорошо. Потом?

— Потом я испугалась, что Джо обманет меня, поэтому поэтому я обратилась за помощью к Флойду Терзби.

— И он помог. Дальше?

— Дальше мы достали сокола и уехали в Гонконг.

— С Кэйро? Или же вы избавились от него еще до этого?

— Да. Мы оставили его в Константинополе, в тюрьме… Что-то произошло с его чеком.

— Короче говоря, вы специально подставили его полиции, чтобы задержать там?

Она смущенно взглянула на Спейда и прошептала:

— Да.

— Ладно. Итак, ты и Терзби оказались с соколом в Гонконге.

— Да, и тогда… я плохо знала его… я не знала, можно ли ему доверять. Я думала, что так будет безопаснее… в общем, я встретила капитана Джакоби и, зная, что его пароход идет в Сан-Франциско, попросила его привезти для меня пакет… в пакете была птица. Я не могла доверять ни Терзби, ни Джо, кроме того… кто-нибудь, работающий на Гутмана, мог оказаться на пароходе, на котором мы собирались плыть… так что это показалось мне самым безопасным.

— Хорошо. Потом вы с Терзби приплываете сюда на одном из самых быстроходных судов.

Что дальше?

— Дальше… дальше я боялась Гутмана. Я знала, что у него везде свои люди… связи… и что он сразу узнает, как мы провели его. И я боялась, что ему стало известно о нашем плане удрать из Гонконга в Сан-Франциско. Он был в Нью-Йорке, и я понимала, что, скажем, получив телеграмму, он сможет добраться до Сан-Франциско одновременно с нами или даже раньше. Так оно и случилось. Я тогда еще не знала, но боялась этого, а мне надо было дождаться капитана Джакоби. И я боялась, что Гутман найдет меня… или найдет Флойда и переманит его. Вот почему я пришла к вам и попросила последить за ним для…

— Вранье, — сказал Спейд. — Терзби был у тебя на крючке, и ты знала это. Очень уж он был охоч до женщин. Из его досье ясно, что… если и случались у него провалы, то только из-за женщин. А в его возрасте люди не меняются. Досье его ты могла и не знать, но то, что он никуда от тебя не денется, ты знала точно.

Она покраснела и робко посмотрела на него.

Он сказал:

— Ты хотела избавиться от него до прибытия Джакоби с добычей. На что ты рассчитывала?

— Я… я знала, что он уехал из Штатов с каким-то

игроком. Я не знала, в чем там дело, но думала, что если это что-то серьезное и он увидит за собой слежку, то вспомнит о своих старых грехах, испугается и убежит. Я не думала…

— Ты сама сказала ему, что за ним следят, — сказал Спейд доверительно. — У Майлза было маловато мозгов, но все-таки он был не такой олух, чтобы его раскололи в первый же вечер.

— Да, я сказала. Когда мы пошли на прогулку в тот вечер, я притворилась, будто заметила, что мистер Арчер следит за нами и показала его Флойду. — Она зарыдала. — Но, пожалуйста, поверь мне, Сэм, я бы никогда этого не сделала, если бы знала, что Флойд убьет его. Я думала, он испугается и убежит из города. Мне и в голову не могло прийти, что он может вот так просто застрелить его.

Спейд по-волчьи ухмыльнулся одними губами и сказал:

— Если ты подумала, что Флойд не убьет Майлза, то ты, ангел мой, была права.

Лицо девушки выразило крайнее удивление.

Спейд сказал:

— Терзби не убивал его.

К удивлению ее теперь добавилась и растерянность.

Спейд продолжал:

— У Майлза было маловато мозгов, но — черт возьми! — он слишком долго работал сыщиком, чтобы вот так попасться человеку, которого он пас. В тупиковой улочке с пистолетом, заткнутым за пояс, и в плаще, застегнутом на все пуговицы? Исключено. Он был глуп, но не настолько. Два единственных выхода из переулка прекрасно просматриваются с Буш-стрит, если стоять над туннелем. Ты сама говорила, что Терзби был плохим актером. Он не сумел бы ни заманить Майлза в переулок, ни затащить его туда силой. Майлз был глуп, но не настолько.

Он провел языком за нижней губой и мило улыбнулся девушке. Потом сказал:

— Но он пошел бы туда с тобой, ангел мой, особенно если бы увидел, что там никого нет. Ты его клиент, так почему бы ему не бросить слежку за Терзби, если ты сама на этом настаиваешь, и почему бы не пойти туда, куда ты его зовешь? На эту глупость его хватило. Он ел тебя всю глазами, облизывал губы и улыбался — рот до ушей. И тебе ничего не стоило встать в темноте рядом с ним и продырявить его из револьвера, который ты в тот вечер взяла у Терзби.

Бриджид О'Шонесси попятилась от него, пока

не наткнулась на стол. Бросив на него полный ужаса взгляд, она закричала:

— Не смей… не смей мне говорить такое, Сэм! Ты же знаешь, что я этого не делала. Ты знаешь…

— Хватит! — Он посмотрел на свои часы. — Полицейские ворвутся сюда с минуты на минуту, мы сидим на пороховой бочке. Говори!

Она прижала ко лбу тыльную сторону руки.

— Ах, как ты можешь обвинять меня в таком ужасном?..

— Хватит, я сказал тебе, — произнес он тихим раздраженным голосом. — Тут не место разыгрывать школьные страсти. Слушай меня. Мы оба рискуем попасть на виселицу. — Он схватил ее за руку и заставил встать перед собой. — Говори!

— Я… я… Как ты узнал, что он облизал свои губы и?..

Спейд хрипло рассмеялся.

— Я хорошо знал Майлза. Но это неважно. Зачем ты пристрелила его?

Она вырвала свою руку из цепких пальцев Спейда и, обхватив его шею двумя руками, наклонила его голову к себе. Тело ее, от колен до груди, прильнуло к нему. Он обнял ее и прижал к себе. Глаза ее с темными ресницами были полузакрыты. Говорила она грубым срывающимся голосом:

— Сначала я не хотела. Честное слово, не хотела. Я хотела только напугать Флойда, но когда Флойд не испугался, я…

Он шлепнул ее по плечу.

— Не ври. Ты попросила нас с Майлзом самим заняться твоим делом. Ты хотела, чтобы за Терзби следил человек, которого ты знаешь и который бы знал тебя и пошел бы с тобой в случае надобности. Револьвер ты взяла у Терзби заранее в тот вечер. И квартиру в «Коронете» ты сняла заблаговременно. Чемоданы твои уже были там, а не в отеле, и, осматривая твою квартиру, я нашел в ней счет, оплаченный почти за неделю до того дня, когда ты якобы сняла ее.

Она с трудом сглотнула и заговорила смиренно:

— Да, я солгала, Сэм. Я действительно собиралась его… если Флойд… я… я не могу говорить это, глядя тебе в глаза. Сэм. — Она опустила голову, прижалась к нему щекой и прошептала в ухо: — Я знала, Флойда не так-то просто напугать, но я думала, что если он заметит за собой слежку, то он либо… Я не могу, Сэм! — Она прижалась к нему, рыдая.

Спейд сказал:

— Ты рассчитывала, что Флойд сцепится с Арче-

ром и один из них будет убит. Если убьют Терзби, то тем самым ты избавлена от него сразу, а если убьют Майлза, то уж ты позаботилась бы, чтобы Флойда поймали и опять-таки избавили тебя от него. Так?

— П-п-почти.

— А когда ты поняла, что Терзби не собирается биться с Майлзом, ты взяла у него револьвер и убила его сама. Так?

— Да… хотя и не совсем точно.

— Но достаточно точно. И такую возможность ты предусматривала с самого начала. Ты рассчитывала, что в этом случае убийство повесят на Флойда.

— Я… я думала, что его задержат по крайней мере до прибытия капитана Джакоби с соколом и…

— Но ты тогда еще не знала, что Гутман уже здесь и охотится за тобой. Этого ты не предполагала, иначе не избавилась бы от своего телохранителя. Ты поняла, что появился Гутман, как только узнала об убийстве Терзби. Тут ты живо сообразила, что нужен новый защитник, и вернулась ко мне. Так?

— Да, но… о, дорогой мой!., дело не только в этом. Я бы все равно рано или поздно пришла к тебе. Как только я увидела тебя, я сразу поняла…

Спейд нежно сказал:

— Ты ангел! Если тебе повезет, ты выйдешь из Сан-Квентина через двадцать лет и тогда обязательно придешь ко мне.

Она отстранилась от него, отвела голову назад и, совершенно сбитая с толку, посмотрела ему в глаза.

Белый как полотно Спейд сказал нежно:

— Видит бог, я надеюсь, они не повесят тебя, бесценная моя, за вот эту прелестную шейку. — Он ласково провел рукой по ее шее.

В тот же миг она вырвалась из его объятий, снова стукнулась о стол и, сжавшись в комок, обеими руками схватилась за горло. На осунувшемся лице горели безумные глаза. Она беззвучно открывала и закрывала пересохший рот. Потом сказала тихим хриплым голосом:

— Ты не… — Закончить она не смогла.

Лицо Спейда стало изжелта-белым. Губы его улыбались, вокруг искрящихся глаз собрались веселые морщинки. Говорил он мягко, вкрадчиво:

— Я сдам тебя в полицию. Есть шанс, что тебе сохранят жизнь. Это значит, что из тюрьмы ты выйдешь через двадцать лет. Ты ангел. Я буду ждать тебя. — Он откашлялся. — А если тебя повесят, я тебя никогда не забуду.

Она уронила руки и выпрямилась. Лицо ее разгладилось, успокоилось, лишь в глазах еще изредка вспыхивали искорки сомнения. Она с нежностью улыбнулась ему в ответ.

— Не надо, Сэм, не надо говорить такое даже в шутку. Ты так напугал меня! Я действительно подумала на миг, что ты… Ты так часто бываешь необуздан и непредсказуем, что… — Она осеклась. Резко подалась вперед и всмотрелась в его глаза. Щеки и губы ее затряслись, страх вернулся в глаза. — Что?.. Сэм! — Она снова схватилась руками за горло и съежилась.

Спейд засмеялся. Его изжелта-белое лицо покрылось капельками пота, и, хотя он все еще улыбался, вкрадчивые интонации сменились хриплым карканьем.

— Не дури. Ты проиграла. После того как заговорят эти пташки, один из нас должен проиграть. Меня бы они обязательно повесили. А тебе еще может и повезти. Согласна?

— Но… но, Сэм, ты не смеешь! После всего, что было между нами. Ты не можешь…

— Черта лысого я не могу.

Она судорожно вздохнула.

— Так ты играл со мной? Только притворялся… Чтобы заманить меня в ловушку? Я тебе совсем…

не нравилась? Ты не любил… не… л-любишь меня?

— Люблю, — сказал Спейд. — Ну и что с того? — Мышцы, державшие улыбку на его лице, напряглись до предела. — Я тебе не Терзби. И не Джакоби. Мной ты вертеть не будешь.

— Это несправедливо, — закричала она. На глаза у нее навернулись слезы. — Несправедливо. Гадко. Ты знаешь, что это неправда. Как ты можешь?

— Могу, черт возьми, — сказал Спейд. — Ты легла со мной в постель, чтобы отвязаться от моих вопросов. Вчера ты выманила меня из конторы по требованию Гутмана, обманув по телефону моего секретаря. Вечером ты пришла сюда вместе с ними и осталась внизу поджидать меня. Ты была в моих объятиях, когда мышеловка захлопнулась, чем и лишила меня возможности выхватить свой пистолет, если бы он у меня был, или же побороться за чужой, приди мне такая идея в голову. И если они не взяли тебя с собой, то потому, что у Гутмана достаточно мозгов, чтобы не доверять тебе и прибегать к твоей помощи лишь в случаях крайней необходимости; да еще, пожалуй, потому, что, поскольку, как он считает, ты вертишь мной, как хочешь, я, чтобы не при-

чинить вреда тебе, не трону и его.

Бриджид О'Шонесси сморгнула слезу. Сделав шаг вперед, она, прямая и гордая, посмотрела ему в глаза.

— Ты обвинил меня во лжи, — сказала она. — А теперь сам лжешь. Ты лжешь, если не хочешь признаться, что в глубине души чувствуешь, как, несмотря ни на что, я люблю тебя.

Спейд резко и быстро поклонился. Глаза наливались кровью, но в остальном его мокрое желтоватое лицо с застывшей улыбкой не изменилось.

— Пусть я это чувствую, — сказал он. — Что с того? Я должен доверять тебе? Тебе, сыгравшей такую милую шутку с... с моим предшественником Терзби? Тебе, хладнокровно, словно муху, пристрелившей Майлза, против которого, собственно, ты ничего не имела, с единственной целью — утопить Терзби? Тебе, надувшей Гутмана, Кэйро, Терзби — кого еще? Тебе, которая за все время нашего знакомства и получаса не могла честно играть со мной? И я тебе должен доверять? Нет, нет, дорогая. Я бы не доверился тебе, если бы и мог. Зачем?

Она не отвела взгляда от его глаз и ответила ему твердым голосом:

— Зачем? Если ты играл со мной, если ты не любишь меня, ответа на этот вопрос нет. А если бы любил, то ответа бы и не требовалось.

Глаза Спейда налились кровью, а деревянная улыбка превратилась в гримасу. Хрипло откашлявшись, он сказал:

— Чертовски неподходящее время для речей. — Он положил ей руку на плечо. Рука его подрагивала. — Мне плевать на то, кто кого любит. Мной ты вертеть не будешь. Я не пойду по стопам Терзби и, черт знает, кого еще. Ты убила Майлза и за это ответишь. Я мог бы помочь тебе, отпустив других и взяв на себя все трудности общения с полицией. Но сейчас уже поздно. Сейчас я тебе уже ничем не могу помочь. Да и не стал бы, если бы и мог.

Поверх его руки, лежавшей на ее плече, она положила свою.

— Тогда не помогай мне, — прошептала она, — но только не надо делать мне больно. Отпусти меня.

— Нет, — сказал он. — Я пропал, если не передам тебя полицейским, когда они сюда пожалуют. Только этим я еще могу спастись от тюрьмы.

— И ты ничем не хочешь пожертвовать ради меня?

— Мною ты вертеть не будешь.

— Не говори так, пожалуйста. — Она сняла его руку со своего плеча и поднесла ее к лицу. — Зачем тебе так поступать со мной, Сэм? Неужели мистер Арчер был тебе ближе, чем…

— Майлз, — сказал Спейд хрипло, — был сукин сын. Я понял это в первую же неделю нашей совместной работы и собирался вышвырнуть его, как только истечет срок контракта. Так что, убив его, ты мне ничем не навредила.

— Тогда в чем же дело?

Спейд высвободил свою руку. Он уже не улыбался и не гримасничал. На его мокром желтом лице залегли суровые складки.

— Послушай, — сказал он. — Толку у нас не будет. Ты никогда не поймешь меня, но я все же попытаюсь еще раз, последний. Слушай. Когда у тебя убивают компаньона, ты должен что-то сделать. И совершенно неважно, как ты к нему относился. Он был твоим компаньоном, и ты обязан сделать что-нибудь. Видишь ли, мы к тому же были детективами. И когда убивают кого-то из твоей конторы, отпускать убийцу — последнее дело. Для всех — для твоей конторы, для любого детектива, где бы он ни работал. Третье: я детектив и ожидать от меня, что я буду

ловить преступников, а потом отпускать их на все четыре стороны, это все равно, что напустить собаку на кролика, но не позволять ей схватить его. Иногда такие вещи, конечно, случаются, но они противоестественны. Я мог отпустить тебя, только позволив улизнуть Гутману, Кэйро и мальчишке. Но…

— Ты это серьезно? — перебила она. — Может, ты думаешь, я поверю, будто все, что ты говоришь, достаточная причина, чтобы сдать меня…

— Дослушай, а потом и говори. Четвертое: отпустить тебя я могу, только отправившись вместе с остальными на виселицу. Дальше. У меня нет оснований доверять тебе, но допустим, я тебе доверился и сумел как-то выпутаться из этой истории — в этом случае я всю жизнь у тебя на крючке, и ты сможешь дергать за веревочку, когда захочешь. Это уже пятое. Шестое состоит в том, что, поскольку я тоже кое-что знаю о тебе, у меня нет гарантии, что тебе однажды не захочется продырявить и меня. Седьмое: мне даже и думать противно, что у тебя есть шанс — пусть даже и один из ста — обвести меня вокруг пальца. И восьмое — впрочем, хватит. И все это на одной чаше весов. Может, некоторые из соображений не очень серьезные. Не буду спорить. Но, посу-

ди сама, сколько их! А что можно положить на другую чашу? Только то, что, может быть, ты любишь меня, а я, может быть, люблю тебя.

— Ты ведь наверняка знаешь, — прошептала она, — любишь меня или нет.

— Не знаю. Потерять от тебя голову немудрено. — Он жадно осмотрел ее с головы до ног и с ног до головы. — Но я не знаю, что такое любовь. И не уверен, что это знает кто-нибудь вообще. Но предположим, я знаю, что люблю тебя. Что с того? Через месяц все может кончиться. Со мной такое уже бывало раньше… и быстро кончалось. Что тогда? Тогда я буду думать, что ты обвела меня вокруг пальца. А если я отпущу тебя и попаду в тюрьму, то уж точно буду считать себя последним идиотом. А если я сдам тебя в полицию, то жалеть, конечно, буду чертовски… мне предстоят невеселые ночи… но это пройдет. Слушай. — Он взял ее за плечи, она выгнулась, и он склонился над ней. — Если тебя все это не убеждает, плюнь, а решим мы так: я не стану с тобой спать как раз потому, что все во мне хочет… хочет послать к дьяволу все последствия и сделать это… и еще потому… черт бы тебя подрал… что ты рассчитывала на свои чары, общаясь со мной, как и со всеми другими. — Он отпустил ее плечи, и руки

его плетьми повисли вдоль тела.

Она взяла его лицо в свои ладони и снова притянула его к себе.

— Посмотри мне в глаза и скажи правду. Решился бы ты сотворить со мной такое, если бы сокол оказался настоящим и тебе выплатили твою долю?

— Какая сейчас разница? Не думай, что я такой продажный, каким хочу казаться. Такая репутация выгодна для дела — платят больше и легче общаться с противником.

Она продолжала молча смотреть на него.

Он слегка повел плечами и сказал:

— Что ж, куча денег была бы дополнительным грузом на другой чаше весов.

Она приблизила к нему свое лицо. Губы ее чувственно приоткрылись. Она прошептала:

— Если бы ты любил меня, на другой чаше весов больше бы ничего не требовалось.

Спейд сжал зубы и произнес сквозь них:

— Мной ты вертеть не будешь.

Она поцеловала его в губы, обняла, прильнула к нему всем телом. Когда в дверь позвонили, она была в его объятиях.

Обнимая Бриджид О'Шонесси левой рукой, Спейд открыл входную дверь. За дверью стояли

лейтенант Данди, сержант Том Полхаус и еще два детектива.

Спейд сказал:

— Привет, Том. Взяли голубчиков?

— Взяли, — сказал Полхаус.

— Прекрасно. Заходите. А вот и еще одна пташка для вас. — Спейд подтолкнул девушку вперед. — Она убила Майлза. Есть у меня, кроме того, и кое-какие вещички — пистолеты мальчишки, пистолет Кэйро, черная статуэтка, из-за которой все и заварилось, а также банкнота в тысячу долларов, которой хотели подкупить меня. — Он посмотрел на Данди, нахмурился, наклонился вперед, чтобы заглянуть ему в лицо, и рассмеялся. — Что, черт возьми, стряслось с твоим приятелем, Том? На нем лица нет. — Спейд снова засмеялся. — Голову даю на отсечение, что, выслушав Гутмана, он решил, что наконец-таки взял меня за жабры.

— Перестань, Сэм, — проворчал Том. — Мы и не думали…

— Черта с два вы не думали, — сказал Спейд весело. — Ты-то, конечно, понимал, что я водил Гутмана за нос, а он шел сюда, облизываясь, и предвкушал, как будет вязать меня.

— Перестань, — снова поворчал Том, искоса

поглядывая на своего начальника. — Нам все рассказал Кэйро. Гутман мертв. Когда мы приехали, мальчишка заканчивал дырявить его пулями.

— Это следовало ожидать, — кивнул Спейд.

Когда в понедельник утром, в начале десятого, Спейд вошел в свой кабинет, Эффи Перин бросила газету и поспешно вскочила с его кресла.

Он сказал:

— Доброе утро, ангел мой.

— То… что газеты пишут… правда? — спросила она.

— Да, сударыня. — Он бросил шляпу на стол и сел. Цвет лица у него был все еще нездоровый, но выглядел он вполне уверенно и бодро, а взгляд его слегка красноватых глаз был ясен.

Карие глаза девушки были странно расширены, рот кривился. Она стояла рядом, глядя на него сверху вниз.

Он поднял голову, ухмыльнулся и сказал с издевкой:

— Вот и верь женской интуиции.

Она спросила каким-то странным голосом:

— Это правда, что ты так с ней поступил, Сэм?

Он кивнул.

— Твой Сэм — детектив. — Он строго взглянул на нее. Обнял за талию, положив ладонь на бед-

ро. — Она действительно убила Майлза, ангел мой, — сказал он тихо, — между делом, вот так. — Он щелкнул пальцами другой руки.

Она отстранилась от него почти с брезгливым выражением лица.

— Не надо, пожалуйста, не трогай меня, — сказала она, судорожно вздыхая. — Я знаю… я знаю, что ты прав. Ты прав. Но не прикасайся ко мне сейчас… не надо.

Спейд стал белее мела.

Кто-то повернул ручку входной двери. Эффи Перин быстро вышла в приемную, затворив за собой дверь. Когда она вскоре вернулась в кабинет, то опять закрыла ее за собой.

И сказала тихим тусклым голосом:

— Там Ива.

Спейд, глядя в стол, еле заметно кивнул.

— Да, — сказал он. — Пусть войдет.